

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

КОЛЕСА СУДЬБЫ

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

эксклюзивная классика

Колеса судьбы
Герберт Джордж Уэллс

Аннотация
Герберт Джордж Уэллс. Колеса судьбы
I. Главный герой нашей истории
II. Решение принято
III. Планы на отпуск
IV. Мистер Хупдрайвер отправляется в путь
V. Постыдное происшествие на глазах молодой леди в сером
VI. По дороге в Рипли
VII. Еще одна встреча
VIII. И снова она
IX. Мистера Хупдрайвера преследуют
X. Образы, возникшие в уме и сердце мистера Хупдрайвера
XI. О чем я не поведал читателям
XII. Сны мистера Хупдрайвера
XIII. Как мистер Хупдрайвер отправился в Хейзлмир
XIV. Как мистер Хупдрайвер попал в Мидхерст
XV. Интермедия
XVI. О неестественном начале в человеке и о духе времени

XVII. Встреча в Мидхерсте
XVIII. Начало новой игры
XIX. Мечты и планы
XX. Погоня
XXI. В Богноре
XXII. Спаситель
XXIII. Потрясение
XXIV. Поездка при луне
XXV. Завершение самого удивительного дня
XXVI. Интермедия в Сурбитоне
XXVII. Пробуждение мистера Хупдрайвера
XXVIII. Отъезд из Чичестера
XXIX. Неожиданный случай со львом
XXX. Спасательная экспедиция
XXXI. Вечер трудного дня
XXXII. Странствующий рыцарь Хупдрайвер
XXXIII. Сомнение
XXXIV. Унижение мистера Хупдрайвера
XXXV. Исповедь
XXXVI. Откровения продолжаются
XXXVII. В Нью-Форесте
XXXVIII. В гостинице «Камень Руфуса»
XXXIX. Увещевания и переживания
XL. Прощание
XLI. Конец нашей истории

Аннотация

Англия, конец XIX века, самый разгар «велосипедной лихорадки» – и леди, и джентльмены увлечены долгими поездками на велосипедах. Мистер Хупдрайвер, продавец в одном из лондонских магазинов, еще совсем молод, но уже успел устать от жизни и скучной монотонной работы. Однажды он получает долгожданный отпуск и отправляется в десятидневное путешествие по живописному побережью южной Британии. Уже несколько часов спустя юноша встречает очаровательную юную леди в сером велосипедном костюме, совершающую поездку в компании брата. Но очень скоро Хупдрайвер понимает, что сопровождающий – вовсе не родственник девушки и ей грозит опасность…

Герберт Джордж Уэллс
Колеса судьбы

© ООО «Издательство АСТ», 2025

* * *

I. Главный герой нашей истории

Если бы 14 августа 1895 года (при условии, что вы принадлежите к числу тех покупателей, которые интересуются подобными товарами) вы вошли в великолепный магазин компании «Энтробус» — кстати, абсолютно вымышленной — и повернули направо, туда, где рулоны белого полотна и ровные стопки одеял возвышаются вплоть до карниза, а с карниза свисают розовые и голубые ткани, то скорее всего вас встретил бы и обслужил главный герой нашей истории. Должно быть, он с поклонами подошел бы к вам, положил на прилавок обе руки с деформированными суставами пальцев, выглядывавших из-под огромных манжет, выставил бы острый подбородок и без тени искренней радости поинтересовался: «Что имею удовольствие вам показать?» В том случае, если бы речь зашла, например, о шляпах, детском белье, перчатках, шелках, кружеве или шторах, он с грустным выражением лица вежливо поклонился бы и, описав рукой широкий круг, пригласил бы проследовать дальше, то есть за пределы его компетенции. Но в других, более

благоприятных обстоятельствах: если бы вы заинтересовались такими товарами, как льняное или бумажное полотно, одеяла, канифас, кретон, постельное белье или ситец, — он гостеприимно перегнулся бы через прилавок, поспешно пододвинул вам стул, приглашая присесть, а затем начал бы без устали доставать, разворачивать и представлять вашему требовательному вниманию находившийся в его распоряжении товар. В столь располагающих обстоятельствах, если вы обладаете способностью к наблюдению и не заняты мыслями о домашнем хозяйстве настолько, чтобы не замечать ничего вокруг, скорее всего вы уделили бы главному герою нашей истории более пристальное внимание.

Если бы вы что-то и заметили в молодом человеке, то скорее всего полное отсутствие примечательных черт. Он был бы одет в черный сюртук, белую рубашку с черным галстуком и серые крапчатые брюки, скрытые в таинственной тени под прилавком. Внешность героя можно описать так: лицо бледное, волосы грязно-русые, глаза водянисто-серые, под острым невыразительным носом — жидкие, как у юноши, усики. Черты его лица были мелкие, но правильные. Лацкан сюртука украшала розетка булавок разного раз-

мера. Не трудно было бы заметить, что речь его состоит исключительно из выражений, которые принято называть избитыми — то есть не родившимися под влиянием момента, а возникшими много лет назад и давным-давно заученными. Например, он сказал бы: «Вот этот товар, мадам, отлично продается», — или: «Ткань по четыре шиллинга три пенса за ярд пользуется успехом». «Конечно, мы можем показать что-нибудь более качественное», «уверяю, мадам, ни малейшего беспокойства» — таковы типичные фразы нашего героя при общении с покупательницами. Такое впечатление он произвел бы на вас поначалу. Он танцевал бы за прилавком, бережно сворачивая только что развернутые товары и откладывая в сторону все, что вы выбрали, а потом достал бы из футляра маленький блокнот с графитовой пластинкой и листом копировальной бумаги, выписал бы чек характерным для продавцов мануфактуры витиеватым почерком и громким возгласом вызвал бы управляющего. Тотчас явился бы невысокий полный господин, весьма пристально изучил бы ваш счет (демонстрируя прямой пробор на волосах), еще более витиевато начертал бы на документе резолюцию: «Единая оплата», — спросил бы, не желаете ли еще че-

го-нибудь, и постоял бы рядом, пока продавец не вернется со сдачей, при оплате наличными. Еще один проницательный взгляд, и невысокий полный управляющий с поклонами и любезностями проводил бы вас к выходу. На этом визит в магазин успешно завершился бы.

Однако настоящая литература имеет дело не только с поверхностным описанием событий и явлений. Настоящая литература — это откровенное разоблачение их внутренней природы, к тому же разоблачение не всегда неблагопристойное. Долг серьезного писателя заключается в том, чтобы поведать читателям — пусть даже смутив их — подробности, которые без его помощи они ни за что не увидели бы. А та важнейшая для нашей истории особенность стоявшего за прилавком молодого человека, которую вы не заметили бы, но о которой необходимо упомянуть, чтобы написать эту книгу, заключалась — давайте смело посмотрим правде в глаза — в удивительном состоянии его ног.

Рассмотрим эту тему беспристрастно и недвусмысленно, а за основу возьмем некое подобие научного подхода: бескомпромиссный, почти профессиональный тон добросовестного реалиста. Представим ноги молодого человека в виде

простой диаграммы и с точностью острой лекторской указки обозначим зоны нашего интереса.

Итак, разоблачение.

На внутренней стороне правой лодыжки молодого человека вы, леди и джентльмены, увидели бы ушиб и ссадину. На внутренней стороне левой лодыжки также заметили бы ушиб, а на внешней ваше внимание привлек бы большой желтый синяк. На левой голени имелось два синяка: один свинцово-желтый, местами переходивший в фиолетовый, другой, явно более свежий, — красноватый, распухший, неприятного и даже откровенно угрожающего вида. По левой ноге от щиколотки вверх спиралью протянулся загрубевший красный след от травмы, а участок над коленом, с внутренней стороны, был покрыт ссадинами и кровоподтеками. На правом колене также имелись следы ушибов, причем даже с внутренней стороны.

Продолжим исследование.

Вдохновленный этими открытиями наблюдатель продвинулся бы выше и обнаружил синяки на плечах, локтях и даже на пальцах. Судя по всему, нашего героя лупили долго, старательно и чрезвычайно методично. Однако изрядное количество реалистичных подробностей можно

сравнить с сытным застольем, а мы описали уже вполне достаточно для нашей цели. Даже в литературе полезно знать, когда следует остановиться.

Читатель, должно быть, склонен осведомиться, каким образом этот респектабельный молодой приказчик умудрился довести свои ноги да и самого себя до столь ужасающего состояния. Вполне можно вообразить, что он по неосторожности угодил в какую-нибудь сложную машину, например в молотилку или в один из хищных сеноуборочных агрегатов. И все же Шерлок Холмс (к сожалению, уже покойный) пришел бы к иному выводу. Он бы сразу понял, что синяки на внутренней поверхности левой ноги в совокупности с прочими ушибами и царапинами определенно указывают на последствия упорных попыток забраться на сиденье велосипеда, а плачевное состояние правого колена столь же красноречиво свидетельствует о травмах, полученных в результате поспешных, часто неосторожных и всегда необдуманных попыток спуститься на землю. Один — самый большой — синяк на голени безошибочно указывает на неопытного ездока, над которым постоянно нависает угроза неожиданного и болезненного столкновения с педалью.

Даже если просто вести велосипед за руль, ничего не стоит ни с того ни с сего оцарапать ногу до крови. Вот так, в результате ошибок и травм, мы постепенно приобретаем ценный опыт. Два синяка в одном месте выдают некоторую неуклюжесть, вполне объяснимую у того, кто не привык к физическим упражнениям. Мозоли на ладонях красноречиво сообщают, что велосипедист лихорадочно пытался удержать непослушный руль. И так далее, вплоть до вывода, который сделал бы мистер Холмс после осмотра небольших повреждений: машина, которой управлял пострадавший, представляла собой старомодную тяжелую конструкцию весом сорок три фунта с вилкой вместо ромбовидной рамы и гладкими, изрядно потертыми шинами.

Итак, разоблачение состоялось. В результате за опрятной фигурой внимательного услужливого продавца, с которым я имел честь познакомить вас в начале повествования, открывается картина ежевечерней борьбы. Вот на темной дороге из Рохэмптона в Патни-хилл появляются две таинственные фигуры. Видение сопровождается скрипом каблуков по гравию, пыхтением, ворчанием, криками «давай, парень, давай!». Затем следует трагическое продолжение: неуверенное

движение вперед, судорожный поворот руля и, наконец, финальная катастрофа. В тусклом сумеречном свете вы обнаруживаете главного героя сидящим на обочине и потирающим ногу в новом месте, в то время как его сочувствующий, но отнюдь не расстроенный приятель пытается выпрямить безжалостно свернутый руль.

Вот так даже в вышколенном галантерейном приказчике проявляются признаки мужественности. Вопреки условностям профессии, вопреки шепоту осторожности и постоянной ограниченности в средствах воля к победе ведет его на поиски здоровых радостей и к преодолению трудностей, опасности и боли. Так первое глубокое исследование натуры приказчика приподнимает шелковые и атласные покровы, открывая восхищенному взору живого человека! К этому исходному факту (среди прочих) мы непременно вернемся в конце истории.

II. Решение принято

Но достаточно сенсационных разоблачений! Как и положено приказчику галантерейного магазина, главный герой нашего захватывающего повествования следует вдоль прилавка с вашими покупками в руках, направляясь на склад, где все вещи будут немедленно упакованы аккуратным сотрудником, переданы исполнительному курьеру и доставлены к вам домой. Затем он возвращается на место, берет за края штуку клетчатой ткани и принимается старательно разглаживать невидимые миру складки. Рядом стоит ученик, стремящийся получить почетное звание младшего приказчика, — румяный рыжеволосый парень в коротком пиджаке и рубашке с очень высоким воротничком, который методично, один за другим, складывает отрезы кретона. К двадцати одному году юнец, возможно, достигнет положения полноправного приказчика — того, которое с достоинством занимает мистер Хупдрайвер. С медных карнизов над их головами свисают образцы цветных материй, а за спинами высятся полки, заполненные тонкими белыми

тканями: батистом, муслином и атласом. Глядя на старательно работающих молодых людей, можно представить, что оба сосредоточены исключительно на гладкости рулонов и ровности краев, но в действительности ни один из них не думает о том деле, которым занят. Оба действуют машинально, по уже сложившейся привычке. Приказчик поглощен мыслями о блаженном времени — до окончания рабочего дня осталось всего четыре часа, — когда можно будет вернуться к милым сердцу синякам и ссадинам. В голове ученика витают юношеские мечты, а закованное в рыцарские латы воображение бороздит просторы фантазии в поисках достойного испытания во славу Прекрасной Дамы — предпоследней из учениц расположенной этажом выше швейной мастерской. Ради нее пылкий поклонник даже готов вступить в схватку с хулиганами, ведь тогда властительница сердца сможет увидеть его подвиг в окно!

К действительности мечтателей возвращает появление невысокого полного управляющего с листом бумаги в руке. Ученик моментально ускоряет движения. Управляющий окидывает товар профессиональным взглядом и обращается к старшему из подчиненных:

— Хундрайвер, как покупают клетчатые ткани?

Приказчик не без труда отрывается от воображаемой победы над загадочным процессом спуска с велосипеда.

— Довольно хорошо, сэр, вот только крупная клетка немного отстает.

Управляющий останавливается возле прилавка и осведомляется:

— Когда хотите пойти в отпуск? Есть ли пожелания?

Приказчик задумчиво тянет свой жидкий ус:

— Нет, сэр. Конечно, хорошо бы не слишком поздно.

— Как насчет следующей недели?

Крепко сжимая края рулона, мистер Хундрайвер застывает в глубоком сомнении. Его лицо отражает сложный мыслительный процесс. Удастся ли покорить велосипед за неделю — вот в чем вопрос. Но если отказаться, то на следующей неделе в отпуск уйдет Бриггс, и тогда придется дожидаться сентября, а в сентябре погода крайне ненадежная. По натуре мистер Хундрайвер оптимист. Все работники галантерейных магазинов должны быть оптимистами, чтобы заражать покупателей верой в красоту, практичность и

долговечность предлагаемых товаров. И вот, наконец приняв окончательное решение, он нарушает молчание:

— Следующая неделя вполне меня устраивает.

Жребий брошен.

Управляющий делает пометку в бумаге и направляется к Бриггсу в отдел готового платья, следующий по важности в строгой иерархии Империи Тканей, а мистер Хупдрайвер тотчас возвращается к судорожным попыткам разгладить клетчатую ткань и, ковыряя языком дупло в зубе мудрости, вновь впадает в задумчивость.

III. Планы на отпуск

Тем вечером за ужином в общежитии разговор шел исключительно об отпуске. Мистер Притчард превозносил Шотландию, мисс Айзекс восхищалась местечком с причудливым названием Бетвис-и-Куд, а мистер Джадсон с таким энтузиазмом расхваливал озера графства Норфолк, словно владел ими лично.

— Я? — переспросил мистер Хупдрайвер, когда очередь дошла до него. — Разумеется, отправлюсь в путешествие на велосипеде.

— Но не собираетесь же вы проводить день за днем на своей адской машине? — возмутилась мисс Хоу из отдела верхней одежды.

— Собираюсь, — как можно спокойнее ответил мистер Хупдрайвер, проверив на прочность свои жидкий ус. — Я непременно проеду на велосипеде по всему южному побережью.

— Остается, мистер Хупдрайвер, пожелать вам хорошей погоды, — пожала плечами скептически настроенная мисс Хоу. — А еще постарайтесь как можно меньше падать.

— И не забудьте взять мазь из арники, — вста-

вил молодой ученик в очень высоком воротничке, поскольку наблюдал одну из тренировок на вершине холма в Патни.

— Заткнись, толстяк! — осадил самоуверенного молокососа мистер Хупдрайвер, взглянув на него пристально и угрожающе, и, обращаясь к мисс Хоу, пояснил: — Я уже чувствую себя достаточно уверенно.

В другое время мистер Хупдрайвер непременно продолжил бы отражение ироничной атаки со стороны непочтительного ученика, однако сейчас все его мысли были заняты предстоящим путешествием, так что размениваться на мелочную перепалку не хотелось.

Он рано вышел из-за стола, чтобы посвятить как можно больше времени бесстрашным упражнениям и вернуться домой прежде, чем швейцар запрет дверь на ночь.

Когда поздно вечером в доме отключили газовое освещение, наш герой уже сидел на краю кровати и старательно втирал в колено мазь из арники, причем в новую, весьма обширную ссадину, одновременно изучая и без того знакомую карту южного побережья Англии. Деливший с ним комнату Бриггс из отдела готового платья сидел на своей кровати и курил в темноте. Он ни

разу не пробовал прокатиться на велосипеде, однако понимал, насколько неопытен Хупдрайвер, а потому не стеснялся давать любые пришедшие в голову советы.

— Не забудь хорошенько смазать машину, — вещал Бриггс. — Возьми с собой пару лимонов. Не выбивайся из сил в первый же день. Держись на сиденье прямо. Никогда не теряй контроля над велосипедом и при каждом удобном случае изо всех сил жми на звонок. Если запомнишь эти дельные советы, то ничего плохого с тобой не случится. Поверь моему опыту.

Бриггс на минуту умолк, если не считать пары тихих проклятий в адрес трубки, а затем перешел к рекомендациям совсем иного толка:

— Что бы ни случилось, Хупдрайвер, главное — не дави собак. Задавить собаку — худшее, что может случиться в дороге. Крепко держи руль и никогда, ни за что не позволяй велосипеду вилять. На днях один велосипедист погиб только из-за того, что не удержал руль. Не мчись с бешеной скоростью, не заезжай на пешеходную зону, не покидай свою сторону дороги. При виде трамвайной линии сразу сворачивай за угол и торопись перебраться на соседнюю улицу. Да, еще включай фонарь прежде, чем окончательно

стемнеет. Если будешь помнить об этих важных мелочах, то — даю честное слово — вернешься к нам живым и здоровым.

— Ты прав, старина! — согласился Хупдрайвер. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — доброжелательно ответил Бриггс.

Некоторое время тишину нарушало лишь тихое попыхивание трубки. Хупдрайвер успел уехать на своей адской машине в страну грез, однако вскоре что-то вернуло его в реальный мир. Но что же именно?

— Никогда не смазывай руль, это смертельно опасно, — донесся со стороны мерцающего красного огонька глухой заупокойный голос. — И непременно каждый день протирай цепь графитом. Если не забудешь об этом, то…

— Господи помилуй! — пробормотал мистер Хупдрайвер и натянул одеяло на голову.

IV. Мистер Хупдрайвер отправляется в путь

Только тот, кто весь год за исключением великолепного, но короткого летнего отпуска трудится шесть дней в неделю с утра до вечера, способен по достоинству оценить сладостное ощущение первого свободного дня! Вдруг исчезает вся унылая, надоевшая рутина, а разорванные цепи рабства падают к вашим ногам. Вы сразу становитесь господином собственной судьбы и внезапно получаете власть над каждым часом длинного дня. Вы можете идти куда угодно, можете не начинать каждую фразу с обращения «сэр» или «мадам», можете снять с лацкана розетку с булавками и скинуть надоевший черный сюртук, заменив его одеждой милого сердцу цвета, — иными словами, вы становитесь Человеком. А чтобы не терять драгоценных мгновений, пренебрегаете сном, едой и даже питьем. Целых десять блаженных дней можно не вставать до завтрака, чтобы, облачившись в старье, приниматься за уборку в сумрачном из-за закрытых ставен, неприветливом магазине. Не нужно спешно гло-

тать невкусную еду и, подгоняемому криками: «Не спи, Хупдрайвер!» — бежать обслуживать привередливых старух. Первое утро отпуска — самое счастливое, ибо перед вами открывается полное приключений счастливое будущее. Однако потом из вечера в вечер к вам будет настойчиво являться неотвратимый призрак возвращения к рутине, а черная тень грядущей реальности изо дня в день будет заслонять солнце. Но первое утро отпуска не имеет прошлого, а эти десять дней кажутся лучезарной вечностью.

Утро выдалось замечательным, обещая великолепную погоду. По синему небу плыли восхитительные белые облачка, словно кто-то невидимый сгребал охапки ночных туч в стога, чтобы отправить на небесный сеновал. По дороге в Ричмонд жизнерадостно пели дрозды, а из вересковой пустоши в Патни доносились мечтательные трели жаворонков. Воздух полнился восхитительной свежестью. На листьях деревьев и на траве сверкали то ли капли ночного ливня, то ли серебристые кристаллы росы. По милости экономки миссис Ганн Хупдрайвер позавтракал рано и теперь вел велосипед вверх по холму Патни; сердце пело в груди. Примерно на середине подъема дорогу перебежал лох-

матый черный кот и нырнул под ближайшую калитку. Ставни больших кирпичных домов за деревьями и разнообразными пестрыми кустами были еще закрыты, но даже за сотню фунтов наш герой не согласился бы поменяться местами с их ленивыми обитателями. Одет он был в новый коричневый велосипедный костюм, состоявший из модной просторной куртки с поясом, купленной по единой цене в тридцать шиллингов, и такого же цвета бриджей. Многострадальные ноги щедро утешали и украшали длинные клетчатые носки — «тонкие в стопе, плотные на лодыжке». Укрепленная на багажнике аккуратная дорожная сумка из американского брезента содержала необходимые в путешествии вещи, а именно: чистое белье, умывальные принадлежности и разные полезные мелочи. Слегка поцарапанные из-за многочисленных падений, но старательно начищенные звонок, руль, втулки, фонарь ослепительно блестели в лучах восходящего солнца. Наконец на вершине холма Патни после всего лишь одной неудачной попытки, закончившейся падением на траву, отважному путешественнику удалось устроиться на сиденье и с уверенным, важным видом, хотя и по слегка искривленной траектории, начать великий велопробег вдоль

южного побережья Англии.

Для описания стиля его езды подходит лишь одно выражение: «сладострастные изгибы». Мистер Хупдрайвер двигался не быстро и не прямо. Строгий, недружелюбный критик мог бы заключить, что ехал он плохо, но в то же время, добавим мы, свободно, непринужденно, используя всю ширину дороги, а порою даже занимая пешеходную дорожку. Вдохновение не покидало вольную душу. Пока нашему герою никто не встретился на пути, но ведь день только начинался, и дорога оставалась пустой. Отважный путешественник до такой степени сомневался в своем мастерстве, что твердо решил при появлении любого средства на колесах заранее слезать с велосипеда. Длинные тени деревьев почти полностью перекрывали дорогу, а утреннее солнце озаряло округу янтарным сиянием. Доехав до перекрестка на вершине Вест-Хилла, где стояла кормушка для скота, мистер Хупдрайвер свернул в сторону Кингстона и вознамерился преодолеть небольшой подъем. За его усилиями пристрастно наблюдал рано вышедший на работу полевой сторож в плюшевой куртке. Взглянув вверх, Хупдрайвер заметил, как впереди, на вершине холма, показалась голова ломового извозчика, а

потому согласно принятому ранее решению выжал тормоз. Машина послушно замерла. Слезая с велосипеда, наш герой стал судорожно вспоминать, что при этом должна делать правая нога. Схватившись обеими руками за руль, он оставил левую ногу на педали, а правой зачем-то помахал в воздухе и уже в следующий миг — хотя в рассказе подобные события всегда занимают много времени — обнаружил, что велосипед упрямо падает вправо. Пока мистер Хупдрайвер решал, как спасти положение, сила притяжения действовала исправно. Не успев ничего придумать, он рухнул на колени, угодив прямиком на жесткий, негостеприимный велосипед, и смутно ощутил, что провидение вновь неласково обошлось с его голенью. Катастрофа случилась в двух шагах от наблюдавшего за происходящим сторожа, а извозчик даже привстал на козлах, чтобы рассмотреть происшествие во всех подробностях.

— Так не слезают, — критически заметил сторож.

Мистер Хупдрайвер поднял велосипед, увидел, что руль вновь свернут, и что-то тихо пробормотал. Ничего не поделаешь, опять придется все отвинчивать и выпрямлять.

— Так не слезают, — немного помолчав, настой-

чиво повторил сторож.

— Знаю, — раздраженно огрызнулся наш герой, стараясь не обращать внимания на свежую ссадину, расстегнул прикрепленную к сиденью сумку с инструментами и достал отвертку.

— Если знаете, то зачем так сделали? — тоном дружеской укоризны осведомился сторож.

Крепко сжав отвертку, мистер Хупдрайвер начал откручивать первый винтик.

— Это уж мое дело, — ответил он с досадой, пытаясь совладать с непослушным инструментом. От непривычного напряжения руки предательски дрожали.

Некоторое время сторож молчал и задумчиво крутил за спиной посох.

— Руль сломался? — наконец подытожил он свое наблюдение.

В этот момент отвертка выскочила из резьбы, а мистер Хупдрайвер произнес грязное словцо.

— Страшно вредные штуки эти велосипеды, — сочувственно отозвался сторож. — Ужасно упрямые.

Мистер Хупдрайвер снова вставил отвертку в гнездо, яростно крутанул и внезапно вскочил: руль остался зажатым у него между коленями.

— Не могли бы вы перестать на меня смот-

реть? — срывающимся голосом проговорил наш герой и с видом человека, только что предъявившего неприятелю грозный ультиматум, принялся засовывать отвертку в сумку.

Однако сторож даже не пошевелился, лишь удивленно вскинул брови, уставился на него еще пристальнее и медленно, укоризненно изрек:

— А вы сердитый.

Тем временем мистер Хупдрайвер снова сжал руль, чтобы продолжить подъем, как только проедет повозка.

Негодование сторожа копилось медленно, но верно.

— Если вы не даете никому посмотреть и не хотите ни с кем говорить, то почему бы вам не ездить по собственной дороге? — спросил сторож, все основательнее утверждаясь в своей правоте. — Так чувствительны, что даже слова сказать нельзя. Может, я недостаточно хорош для вас? Недостаточно красив и благороден?

Мистер Хупдрайвер неподвижно смотрел вперед, понимая, что возражать и спорить бесполезно. С тем же успехом можно было пытаться договориться со львами на Трафальгарской площади. Однако сторожем руководило уязвленное самолюбие.

— Не обращайся к его светлости, — посоветовал он поравнявшемуся с ним ломовому извозчику. — Не иначе как сам герцог едет, а потому не желает разговаривать ни с кем ниже графа. Наверняка следует в Виндзор, вот и держит зад на отлете. Гордость! Высокомерие! Их у его светлости так много, что часть пришлось убрать в сумку, чтобы не лопнуть от избытка. Да…

Продолжения красноречивого монолога наш путешественник не услышал, поскольку уже упорно прыгал по дороге, лихорадочно пытаясь сесть на велосипед. Когда его нога в очередной раз не попала на педаль, он, к глубокому удовлетворению сторожа, снова выругался.

— Давай-давай! — самодовольно поддержал тот.

В следующий миг велосипед покорился, и после отчаянного рывка мистер Хупдрайвер оказался далеко впереди. Он был бы рад взглянуть напоследок на неприятеля, однако воздержался, поскольку по опыту знал, что это грозит падением. Представив, как негодующий сторож вдохновенно рассказывает извозчику о происшествии, он постарался выразить спиной свое высокомерное презрение.

Петляя, наш путешественник поехал вниз,

к новому пруду, а оттуда на вершину холма, с которого открывался вид на Кенсингтонскую долину. Психология езды на велосипеде чрезвычайно оригинальна: теперь мистер Хупдрайвер двигался значительно увереннее и легче, чем до неприятной встречи, а все оттого, что возбужденные сторожем разнообразные чувства заставили забыть о постоянном страхе падения. Покорение велосипеда похоже на любовную историю: успех зависит от веры в собственные силы. Если поверите, что одержите победу, значит, успех в ваших руках, но стоит усомниться, и ничего не получится.

Возможно, вы вообразите, что мистером Хупдрайвером овладели жажда мести и раскаяние: жажда мести за унижение и раскаяние в собственной несдержанности. На самом же деле ничего подобного не случилось, напротив: нашего путешественника охватило восхитительное, приподнятое настроение. Внезапно великолепие отпуска предстало перед ним в новом, еще более ярком свете. На вершине холма он поставил ноги на нижнюю раму и, аккуратно работая тормозом, довольно уверенно и прямо съехал в долину. Глаза засветились новым восторгом, превосходившим радость от езды на свежем, напоенном

ароматами трав и цветов утреннем воздухе. Большим пальцем наш путешественник дотянулся до звонка и затрезвонил — просто так, от счастья.

— Его светлость герцог, вот кто! — гордо поприветствовал он себя, спускаясь с холма, а внизу повторил: — Да, сам герцог, и никто иной!

Мистер Хупдрайвер беззвучно рассмеялся. Отличная история! Его социальное превосходство было настолько очевидно, что не укрылось от глаз даже такого случайного наблюдателя, как полевой сторож. Впереди целых десять дней без отдела тканей! Вдали от магазина ты больше не приказчик, а Человек! Услужливый, исполнительный продавец тканей Хупдрайвер исчез с лица земли, а вместо него появился элегантный джентльмен, любитель удовольствий с пятифунтовой купюрой в кармане куртки и с двумя соверенами и несколькими серебряными монетами в других надежных местах. В любом случае такое материальное обеспечение достойно герцога, пусть даже без благородной родословной. При мысли о деньгах рука сама собой потянулась к нагрудному карману, а велосипед ответил на это движение яростным зигзагом в сторону кладбища и едва не наехал на кучу битого кирпича. Что за негодяи устроили препятствие прямо посреди

дороги? Не иначе какой-нибудь безмозглый ленивый Гарри с такими же друзьями! Не мешало бы отдать одного хулигана под суд, чтобы другие задумались об ответственности. За спиной пряжка сумки для инструментов ритмично постукивала по грязевому щитку. Колеса весело стрекотали.

На кладбище царствовали тишина и спокойствие, но долина уже просыпалась. На окнах со скрипом и стуком поднимались ставни, из какого-то дома выскочила белая собачонка и, старательно исполняя служебный долг, визгливо залаяла. Изрядно запыхавшись, у подножия холма Кингстон наш герой спустился на землю, взял велосипед за руль и повел вверх по склону. Примерно на середине подъема мимо него прогромыхала телега молочника; два человека с мешками на спинах торопливо прошли навстречу. Наверняка грабители потащили домой добычу.

На вершине холма Кингстон он впервые обратил внимание на странную тяжесть в коленях, но одновременно заметил и то, что теперь едет значительно спокойнее и ровнее, чем прежде. Радость от такого достижения затмила первые признаки переутомления. На дороге появился всадник, и, поражаясь собственному героиз-

му, мистер Хупдрайвер не остановился, а гордо проехал мимо и под мерный стук отвертки о масленку стал спускаться в городок Кингстон, благополучно миновав по пути повозку торговца фруктами и медленно ползшую, доверху нагруженную кирпичами телегу. Попав в Кингстон, мистер Хупдрайвер испытал особое, непередаваемое воодушевление, когда увидел за полуоткрытыми ставнями галантерейного магазина двух зевавших парней в пыльных черных сюртуках и грязных — некогда белых — шарфах. Готовясь заново оформить витрину, бедняги тщательно протирали полки, ящики и карнизы для штор. Можно ли представить, что еще вчера утром наш герой делал то же самое? А сейчас в глазах простых людей он выглядел настоящим герцогом! Свернув направо, за угол, и оповестив об этом маневре отчаянным звоном колокольчика, «герцог» устремился по дороге, ведущей в Сурбитон.

Вперед без страха и упрека, к свободе и приключениям! Время от времени дома, мимо которых он проезжал, с сонным удивлением приоткрывали один глаз, а справа на протяжении мили, сверкая на солнце, несла свои беспокойные воды

Темза. Вот что такое joie de vivre![1] А тем временем странная тяжесть в коленях и икрах все отчетливее давала о себе знать, требуя немедленного внимания.

[1] Сноски: 1
Радость жизни (*фр.*).

V. Постыдное происшествие на глазах молодой леди в сером

Читателю следует помнить, что мистер Хупдрайвер вовсе не принадлежал к числу легкомысленных молодых людей. Сам царь Лемуил[2] не смог бы лучше усвоить наставления матушки. Представительниц прекрасного пола он считал сомнительными личностями, которым следовало кланяться и говорить любезности, а потом, с безопасного расстояния, ехидно ухмыляться в спину. Годы, что он простоял за прилавком, создававшим иллюзию близости и в то же время неумолимо разделявшим, оставили ощутимый след в характере нашего героя. Даже воскресное посещение церкви вместе с одной из коллег казалось ему необычайно смелым приключением. Вряд ли кто-то из молодых людей в меньшей степени соответствовал определению «нескромный». Однако мне думается, что велосипед мистера Хупдрайвера имел яркое, исполненное

[2] Сноски: 2

Царь Лемуил — персонаж Притчей Соломоновых, к которому мать обратилась со следующими словами: «Не отдавай женщинам сил твоих, ни путей твоих губительницам царей». — *Здесь и далее примеч. пер.*

бурных событий прошлое. Хупдрайвер приобрел его в магазине подержанных вещей в Патни, и хозяин по имени Хайр честно предупредил покупателя о наличии нескольких предыдущих владельцев. Описание товара словами «из вторых рук» в данном случае совершенно не подходило, поскольку рук насчитывалось значительно больше, и сам Хайр искренне удивился возможности продать такую древность. Он заверил покупателя в полной исправности немного старомодного велосипеда, однако ни словом не обмолвился о его сложном характере. Не исключено, что первым его хозяином был некий молодой и ослепительно красивый поэт, которого затем сменил неисправимый поклонник дамских чар. Ведь каждый, кому доводилось скакать на двухколесном коне, уверенно подтвердит, что тот перенимает все дурные привычки всадника и верно хранит их до последних дней.

Несомненно, появление на дороге молодой леди в сером произвело на велосипед неизгладимое и возбуждающее впечатление. Ни с того ни с сего он начал вилять самым невероятным образом — невероятным с точки зрения неопытного мистера Хупдрайвера, — выписывая невиданные кренделя и оставляя за собой фантастические

следы, подобные перьям на рисунках Бердсли[3]. Внезапно наш герой обнаружил, что кепка его неопрятно сползла набок, а дыхание сбилось.

Молодая леди в чудесном голубовато-сером костюме тоже ехала на велосипеде. Солнце светило ей в спину, создавая золотой силуэт и погружая в тень все, что существовало вокруг. Мистер Хупдрайвер успел заметить, что незнакомка молода, стройна, темноволоса, с ярким румянцем и блестящими глазами. А вот нижняя часть ее костюма привела его в легкое замешательство, хотя ему доводилось слышать о подобных вещах. Скорее всего такая смелая мода явилась из Франции. Руль ее велосипеда сверкал, а звонок отражал ослепительные лучи солнца. Леди приближалась со стороны особняков Сурбитона по аллее, примыкавшей к большой дороге под углом, и двигалась примерно с той же скоростью, что и наш герой. Таким образом, предстояла неминуемая встреча на развилке.

Мистера Хупдрайвера охватило ужасное смятение. По сравнению с нимфой он ехал безобразно. Может быть, лучше немедленно слезть с велосипеда и притвориться, что неисправна педаль?

---

[3] Сноски: 3

Бердсли Обри Винсент (1872–1898) — английский художник-график.

Но ведь неизвестно, чем закончится попытка спуститься на землю. Достаточно вспомнить унизительную неприятность в Патни! С другой стороны, что произойдет, если продолжить путь? Ехать медленно — значит неизбежно уронить мужское достоинство. Вот еще — ползти из-за какой-то школьницы! К тому же она ехала не очень быстро. Но и выскочить вперед, завиляв по всей дороге, крайне невежливо: похоже на жадность, ведь тогда ей останется совсем мало места. Работа в магазине научила его вежливо кланяться и угодливо отступать в сторону. Конечно, если бы удалось удержать руль одной рукой, то можно было бы проехать мимо, молча приподняв кепку. Но этот прием грозил неприятными последствиями.

Тем временем их пути сошлись. Молодая леди в сером с интересом посмотрела на него блестящими глазами — раскрасневшаяся от езды, тоненькая и невесомая. Красные губы слегка приоткрылись. Возможно, она немного устала. Впрочем, выражение ее лица скорее напомнило легкую улыбку. Да, и на ней были… бриджи! Внезапно мистер Хупдрайвер решил во что бы то ни стало избежать встречи и лихорадочно налег на педали, чтобы обогнать молодую леди в сером.

Однако под колесо попала валявшаяся на дороге жестянка, предательски подскочила и застряла между рамой и грязевым щитком. Словно ведомый дьяволом, велосипед рванулся прямиком на нимфу.

В этот миг в сознании мистера Хупдрайвера молнией промелькнуло сожаление: зря не слез с велосипеда. Пытаясь обогнуть препятствие, он совершил яростный рывок в сторону, потом выпрямил руль, инстинктивно свернул влево и проехал на расстоянии волоска от заднего колеса встречного велосипеда. Впереди угрожающе замаячил край тротуара. Мистер Хупдрайвер попытался выровнять курс, однако выскочил на тротуар и врезался в аккуратный деревянный забор. Удар оказался настолько мощным, что он слетел с сиденья и неуклюже сел на раму, после чего последовал крен влево. В результате наш герой закончил вираж, сидя на гравии и застряв ногами между рамой и педалью велосипеда. Падение на острый гравий причинило нестерпимую боль во всем теле. Он сидел неподвижно, жалея, что не сломал шею и, более того, что вообще появился на свет. Радость жизни бесследно испарилась. Какой уж тут его светлость герцог! А во всем виноваты отважные современные

женщины!

Послышался шелест гравия, щелчок тормоза и чьи-то шаги. Рядом, придерживая велосипед, остановилась молодая леди в сером. Значит, специально вернулась. Ее лицо освещали теплые лучи солнца.

— Вы не пострадали? — спросила она участливо. Голос ее прозвучал чисто, нежно, совсем по-девичьи. Да ведь она и была очень молодой — можно сказать, юной. И при этом уже так хорошо ездила! Да, признание собственной ущербности не самая вдохновляющая самооценка.

Мистер Хупдрайвер поспешил подняться, пусть и немного неуклюже.

— Ничуть, — уныло ответил он, заметив, что прилипший гравий вовсе не украшает его новенький велосипедный костюм. — Глубоко сожалею, что так вышло…

— Во всем виновата я, и только я, — перебила его незнакомка, не дав произнести слово «мисс».

Он знал, что в данном случае такое обращение совсем не годится, но оно так глубоко засело в его голове!

— Я попыталась объехать вас с неправильной стороны. — Ее лицо и глаза выражали искреннее раскаяние. — Так что извиняться предстоит мне.

— Но моя езда…

— Надо было понять, что у вас мало опыта, — заметила она с оттенком высокомерия. — Просто показалось, что вы ехали так прямо!

Девушка действительно выглядела чертовски хорошенькой. Мистер Хупдрайвер не остался равнодушным и заговорил с легким оттенком аристократизма в голосе:

— По сути, я впервые отправился в путешествие. Однако это обстоятельство отнюдь не извиняет досадной оплошности.

— У вас кровь, — внезапно проговорила она.

Он увидел, что поранил палец, и мужественно ответил:

— Не почувствовал.

— Так всегда бывает: в первые минуты ничего не чувствуешь. У вас есть пластырь? Если нет, то… — Прислонив велосипед к стройному бедру, незнакомка извлекла из кармана небольшой рулон пластыря, вынула из футляра маникюрные ножницы и отрезала щедрый кусок.

С трудом сдержав желание попросить ее заклеить палец, мистер Хупдрайвер вежливо поблагодарил.

— Машина в порядке? — осведомилась молодая леди в сером, глядя на поверженный велосипед.

Мистер Хупдрайвер впервые не испытал за него гордости. Он нагнулся, чтобы поднять развалину, а когда выпрямился и взглянул через плечо, увидел, что красавицы рядом нет. Посмотрел через другое плечо, на дорогу, — она преспокойно удалялась.

— Зараза! — выругался наш герой. — Вот проклятье! Позору не оберешься!

Надо заметить, что в разговорах с самим собой речь его не отличалась аристократической утонченностью.

Мысли стремительно сменяли одна другую, но одно было совершенно ясно: восхитительное неведомое существо мелькнуло на горизонте и вскоре упорхнет из его жизни. Отпускное безумие взволновало кровь. Она обернулась!

Мистер Хупдрайвер тут же вывел велосипед на дорогу и попытался забраться на сиденье. Безуспешно. Попробовал еще раз. Неужели, черт возьми, ему больше никогда не удастся оседлать проклятый велосипед? Через минуту леди скроется за углом. Следующая попытка. Ах, педаль! Мимо! Нет! На этот раз получилось! Он вцепился в руль и упрямо склонил голову, решив во что бы то ни стало догнать беглянку.

Ситуация приобрела доисторическую просто-

ту, первобытный человек на миг одержал верх над цивилизованной особью — приказчиком из магазина тканей. Он жал на педали со свирепой яростью. Так дикарь эпохи палеолита мог бы гнаться на высеченном из кремня агрегате за желанной, но недоступной добычей. Леди скрылась за углом. Мистер Хупдрайвер приложил поистине титанические усилия. Но что же сказать, когда он ее догонит? Поначалу эта мысль не слишком тревожила. До чего же чудесно она выглядела — раскрасневшаяся от езды, слегка запыхавшаяся, но все равно свежая, гибкая и быстрая! Разве можно ее сравнить с благовоспитанными домашними барышнями, у которых лица цвета холодной телятины! Но что же ей сказать? Проблема. И проехать мимо, с улыбкой приподняв кепку, невозможно: позор повторится. Да, незнакомка выглядела настоящей молодой леди, совершенно точно. Не то что краснощекие продавщицы! (Презрение продавцов к продавщицам уступает лишь презрению продавщиц к продавцам.) Да, вот задача! Колени на миг ослабли, но потом вновь окрепли.

— Позвольте спросить: кому я обязан спасением? — пробормотал мистер Хупдрайвер, репетируя начало диалога. Ничего, вполне сгодится.

К счастью, он догадался запастись визитными карточками. Сотня за шиллинг, изготовление в присутствии заказчика.

Впереди показался поворот. Наш герой свернул и увидел исчезавшую за горизонтом дорогу, а на ней упрямо удалявшуюся серую фигуру. Он с досадой сжал зубы: неужели ничуть не приблизился?

— Обезьяна на колесах! — завопил стоявший на обочине мальчишка.

Мистер Хупдрайвер удвоил усилия. Дыхание его стало хриплым, руль начал лихорадочно вилять, педали яростно крутились. В глаз попала капля пота — едкая, словно кислота. Да, дорога действительно безжалостно поднималась. Сопротивляясь жестоким нагрузкам, его организм громко закричал о помощи. Еще одно сверхъестественное усилие, и впереди показался новый поворот, а за ним новый отрезок тенистой дороги — пустой, если не считать повозки булочника. Внезапно переднее колесо громко взвизгнуло.

— О господи! — воскликнул мистер Хупдрайвер, сразу ослабев.

Ее все равно не было видно. Он неуклюже спустился на землю: ватные ноги не слушались. Пристроил велосипед на поросшей травой

обочине и, тяжело дыша, сел рядом. Руки со вздувшимися венами дрожали, дыхание было шумным, со свистом.

«Тренировки пока явно не хватает, — подумал наш герой. — И такое чувство, будто не завтракал». Хлопнув себя по боковому карману, он достал новенький портсигар и пачку сигарет, старательно переложил каждую сигарету в портсигар. Взгляд с одобрением остановился на клетчатых носках, и постепенно лицо приняло умиротворенное и даже рассеянное выражение.

«Потрясающая девушка, — подумал мистер Хупдрайвер. — Удастся ли снова когда-нибудь ее увидеть? И ездит отлично. Интересно, что она обо мне подумала?» Слова сторожа «его светлость герцог» промелькнули в сознании и принесли душевное успокоение.

Мистер Хупдрайвер закурил и, не поднимая головы и не обращая внимания на проезжавшие мимо экипажи, погрузился в задумчивость. Прошло не меньше десяти минут, прежде чем он вернулся к реальности и поднялся. «Что за ерунда! — сказал он себе раздраженно. — Какой смысл о чем-то думать, если я всего-навсего жалкий приказчик в галантерейном магазине?» (Сказать по правде, вместо слова «жалкий» он

произнес другое, значительно более хлесткое: работа в магазине оттачивает внешнюю любезность, однако совместное проживание продавцов оказывает неблагоприятное воздействие на их манеры и нравственность.) Мистер Хупдрайвер повел велосипед в сторону Эшера. Утро мало-помалу переходило в прекрасный день; живые изгороди, деревья и зелень вокруг радовали утомленный городом взгляд. Однако теперь настроение путешественника слегка отличалось от первоначального ликования.

— Смотри, вот идет джентльмен с лисапедиком, — проворковала проходившая мимо нянька, обращаясь к малышу в коляске. Эти слова его приободрили. «Джентльмен с лисапедиком», «его светлость герцог»… Значит, выгляжу не так уж отвратительно, — подумал наш герой. — Интересно. Хотелось бы знать…»

Оставшийся на дороге прямой ровный след накачанных шин успокаивал. Наверняка это проехала она. Других велосипедистов утром видно не было, так что не исключено, что им удастся встретиться, когда она будет возвращаться. Может, постараться сказать ей что-нибудь остроумное? Наш герой задумался, кем может быть незнакомка. Скорее всего одна из так назы-

ваемых новых женщин. Он не сомневался, что на них понапрасну клевещут. В любом случае велосипедистка выглядела истинной леди, к тому же явно происходила из состоятельной семьи: ее машина стоила не меньше двадцати фунтов. В следующую минуту его мысли сосредоточились на ее внешности. Мужской костюм вовсе не лишал прелестную особу женственности. Как бы то ни было, ему претило поведение охотника за богатством. Тут его мысли снова изменили направление: возникла острая необходимость срочно найти гостиницу и подкрепиться.

VI. По дороге в Рипли

Спустя некоторое время мистер Хупдрайвер дошел до гостиницы «Маркиз Грэнби» в Эшере. Пройдя под железнодорожным мостом и заметив впереди вывеску, он оседлал велосипед, бодро подкатил к самому порогу и заказал пиво «Бертон», а еще галеты и сыр — вполне подходящую закуску. Пока он пил и ел, в зал вошел человек средних лет в темно-желтом велосипедном костюме — очень красный, потный и сердитый — и недовольным тоном потребовал лимонаду. Затем он устроился за стойкой и принялся вытирать лицо платком, однако тут же вскочил и выглянул на улицу.

— Черт подери! — воскликнул он негодующе и добавил: — Проклятый идиот!

— Что-что? — обернувшись с куском сыра во рту, уточнил мистер Хупдрайвер.

Человек в темно-желтом костюме посмотрел на него в упор:

— Назвал себя проклятым идиотом, сэр. Имеете возражение?

— Нет-нет, что вы, — любезно ответил мистер

Хупдрайвер. — Просто подумал, что вы обращаетесь ко мне. Не расслышал, что вы сказали.

— Видите ли, сэр, обладание созерцательным умом и энергичным темпераментом повергает человека в сущий ад. Да, это ад и ничто другое. Созерцательный ум прекрасно гармонирует с флегматичным темпераментом. Но энергия и склонность к философии… мирно ужиться не в состоянии!

Мистер Хупдрайвер с умным видом осторожно промолчал.

— Дело в том, сэр, что спешить мне абсолютно некуда. Выехал, чтобы размяться. Да, просто слегка размяться, полюбоваться природой и собрать кое-какие растения. Но стоит лишь сесть на проклятый велосипед, как я начинаю бешено гнать. Не смотрю по сторонам, не замечаю цветов, не вижу пейзажей. Зато становлюсь злым, потным, красным — точно котлета на сковородке. Примчался сюда из Гилдфорда меньше чем за час. Но ради чего, сэр? С какой целью? Почему?

Мистер Хупдрайвер неопределенно покачал головой.

— Потому, сэр, что я полный идиот. Потому, что во мне множество резервуаров, полных мускульной энергии, и какой-нибудь из них непременно

протекает. Несомненно, дорога изобилует красотами. Вокруг полно птиц, деревьев, цветов, а ведь больше всего на свете я люблю наблюдать за окружающей жизнью. Но не могу. Посадите меня на велосипед, и я сразу помчусь сломя голову. Да посадите на что угодно — все равно помчусь сломя голову. А ведь я совсем не хочу спешить. С какой стати человек должен лететь изо всех сил — весь в мыле, истекая потом? Зачем и почему? Вот что приводит меня в ярость. Уверяю вас, сэр, я гоню по дороге как ошпаренный и не перестаю проклинать себя за это. В глубине души я спокойный, тихий, уравновешенный, склонный к размышлениям наблюдатель. И вот в присутствии постороннего джентльмена дергаюсь от злости и ругаюсь, как пьяный жестянщик. Напрасно убил день. Пропустил всю сельскую дорогу и вот уже скоро окажусь на окраине Лондона. А ведь мог бы без спешки насладиться прекрасным утром! Тьфу! Благодарите небеса, сэр, за то, что не наделены раздражительным нравом и не приходите в ярость под действием вечной непримиримой борьбы души и тела. А вот я обречен на собачью жизнь… Но что толку рассуждать? Все равно измениться невозможно!

С видом непримиримого презрения к самому

себе незнакомец запрокинул голову, залпом осушил стакан лимонада, расплатился и, не сказав больше ни слова, быстрым шагом направился к выходу. Мистер Хупдрайвер все еще раздумывал, что бы ответить, но собеседник уже скрылся из виду. Послышался скрип гравия под ногами, а когда мистер Хупдрайвер подошел к двери, человек в темно-желтом костюме уже катил по дороге в сторону Лондона, успев проехать добрый десяток ярдов и набрать немалую скорость. Напряженно склонив голову, он мчался с плохо скрытой злостью, а спустя миг исчез под железнодорожным мостом, и наш герой никогда больше его не видел.

VII. Еще одна встреча

Проводив этот ураган на колесах задумчивым взглядом, мистер Хупдрайвер заплатил по счету и, ощутив приятную легкость в коленях, сел на велосипед и направился в Рипли по великолепной, но извилистой дороге. Он с гордостью заметил, что после отдыха и завтрака стал владеть машиной более уверенно, а потому принялся задавать себе небольшие упражнения, которые выполнял с переменным успехом. Например, он решал проехать между двумя камнями, лежавшими на расстоянии около фута друг от друга. Переднее колесо выполняло простое задание без малейшего труда, а вот заднее, лишенное бдительного ока седока, так и норовило предательски наткнуться на препятствие, отчего болезненные ощущения распространялись по всему позвоночнику вплоть до головы, а неплотно сидевшая кепка съезжала на глаза, создавая критическую ситуацию. Кроме того, при несложной с первого взгляда попытке убрать с руля одну или даже две руки неизменно возникали крайне неприятные последствия. Мистер Хупдрайвер стремился достичь успеха по

нескольким причинам, однако пока все упражнения заканчивались лишь овладением новых некрасивых способов приземления.

Человеческий нос в лучшем случае представляет собой совершенно бесполезный нарост на лице. Правда, многие из нас считают его ценным украшением, отсутствие которого воспринимали бы с жалостью или даже с презрением. Однако сложно сказать наверняка, обусловлена наша приверженность к этому органу чувством абсолютной красоты или развращающим влиянием всевластной моды. Для начинающих же велосипедистов нос не только бесполезен, но и требует постоянного внимания. До тех пор, пока велосипедист не научится уверенно удерживать руль одной рукой, чтобы второй найти в кармане носовой платок, достать его и использовать по назначению, езда представляет собой бесконечную череду остановок. Кроме того, в природе существуют мухи, и лицо велосипедиста, не способного удерживать руль одной рукой, обречено находиться во власти Вельзевула. Мухи неторопливо, с удовольствием разгуливают по пространству, которое считают своим, и рассеянно пасутся на самых чувствительных участках. Единственный способ их прогнать — отчаянно

трясти головой и яростно гримасничать. Однако этот метод не только утомителен и малоэффективен, но также ужасно неприятен для пешеходов. Порою новичок, лицо которого заливает пот, едет, зажмурив один глаз, что придает ему комичный вид, не соответствующий его настроению и не способствующий обузданию окрестных грубиянов. Таким образом, теперь вы понимаете смысл упорных упражнений мистера Хупдрайвера.

Вскоре он научился достаточно ловко хлопать себя по лицу правой ладонью, при этом не теряя равновесия и не опрокидывая машину, но что касается носового платка, во время езды он с равным успехом мог находиться не в кармане куртки, а в Калифорнии.

Однако не следует думать, что если мистер Хупдрайвер испытывал в пути некоторые неудобства, то хотя бы в малейшей степени чувствовал себя несчастным. В глубине его сознания постоянно присутствовала вдохновляющая мысль, что сейчас Бриггс занимается оформлением витрины, а ученик Гослинг, опрокинув на прилавок стул в качестве упора, с пылающими ушами пытается скатать льняное полотно в ровный рулон. Только те, кто когда-нибудь скатывал льняное полотно, знают, насколько отвратительно это

занятие. К тому же в магазине пыльно, а здесь тихо, зелено и красиво и можно делать что душе угодно, не обращая ни на кого внимания. Не надо звать начальство: «На подпись!» — не надо складывать остатки тканей под крики управляющего: «Хупдрайвер, поворачивайся живее!» Однажды дорогу перебежал удивительный зверек: маленький, рыжий, с пышным желтоватым хвостом и короткими лапками. Так в жизни нашего героя состоялась первая встреча с белкой. Перед ним лежали мили, десятки миль чудес: сосновые леса и дубовые рощи; поросшие сиреневым вереском болота и цветущие поляны; щедрые изумрудные луга с лениво текущими речками; деревни с каменными церквями и высокими прямоугольными колокольнями; увитые неведомыми вьющимися растениями недорогие, но уютные гостиницы; аккуратные белые сельские городки; длинные пологие спуски, по которым можно ехать совершенно спокойно (не обращая внимания на случайные толчки), и где-то далеко за всей этой неземной красотой — море.

Разве несколько случайных мух могли омрачить бесконечную радость бытия? Возможно, постыдное происшествие на глазах молодой леди в сером на короткое время испортило ему

настроение, возможно, неприятное воспоминание соорудило себе берлогу в дальнем углу памяти, чтобы время от времени напоминать, что выглядел он полным идиотом, однако сейчас неприятный инцидент его не беспокоил. Зато человек в темно-желтом костюме — явно богатый и важный — разговаривал с ним как с равным, а коричневые бриджи и клетчатые носки постоянно мелькали перед глазами (точнее говоря, клетчатые носки можно было увидеть, склонив голову набок). А главное, заметно росло мастерство управления восхитительной, пусть и коварной, машиной! Ничего, что через каждые полмили колени отказывались служить и приходилось останавливаться, чтобы отдохнуть на обочине.

В очаровательном местечке между Эшером и Кобхемом, возле моста через речку, мистер Хупдрайвер увидел еще одного велосипедиста в коричневом костюме. И хотя их беседа продолжалась недолго, о ней стоит упомянуть, поскольку впоследствии они еще встретятся, и не один раз. Велосипедист в коричневом костюме сидел на траве рядом с ослепительно новым велосипедом и держал на коленях проколотую шину. Это был мужчина лет тридцати, если не больше, с бледным лицом, орлиным носом, обвисшими усами

соломенного цвета и очень светлыми волосами. Критически оценивая предстоявшую работу, он хмуро созерцал прокол. Завидев незнакомца, мистер Хупдрайвер сосредоточился и, проезжая мимо с видом прирожденного велосипедиста, обратился к нему с кратким приветствием:

— Прекрасное утро и замечательная дорога.

— Ко всем чертям вас вместе с утром и дорогой! — проворчал тот, но наш герой уже был далеко и до его ушей долетел лишь смутный звук.

В результате мистера Хупдрайвера посетило обманчивое, но приятное ощущение единства всех велосипедистов, а мужчина в коричневом костюме мрачно посмотрел ему вслед и буркнул, испытывая какую-то пророческую неприязнь:

— Грязный пролетарий. Купил себе коричневый костюм — в точности, как у меня. Можно подумать, что главная цель его жизни — пародия. Судьба насмехается надо мной. Достаточно посмотреть, как он держит ноги на педалях! И зачем только небо создает таких несуразных существ?

С видом обреченного на вечные муки страдальца он закурил сигарету и принялся неумело заклеивать шину.

А мистер Хупдрайвер въехал на холм, добрал-

ся до места, откуда незнакомец уже не мог его видеть, спустился на землю и повел велосипед. Так он шел до тех пор, пока близость деревни и собственная гордость не заставили его вновь забраться на сиденье.

VIII. И снова она

Примерно на середине пути из Кобхема в Рипли произошло чудесное событие, точнее — чудесное поначалу, но неясное в конце. Мистер Хупдрайвер спустился с небольшого холма и увидел перед собой широкую, поросшую вереском равнину, по которой среди великолепных сосен тянулась желтая дорога. На обочине, на расстоянии примерно полмили, отчетливо выделялась маленькая серая фигурка, энергично размахивавшая чем-то белым.

— Невероятно! — воскликнул мистер Хупдрайвер, крепче сжимая руль.

Глядя вдаль, он с новой силой налег на педали, наткнулся на камень, покачнулся, но удержался и, не веря собственным глазам, как можно быстрее помчался к заветной цели.

— Не может быть!

Несмотря на вновь возникшую боль в коленях, наш герой изо всех сил крутил педали и держался абсолютно прямо.

— Не может быть! — повторил он, с каждой секундой все больше убеждаясь, что чудо все-таки

свершилось. — Господи, даже сейчас не уверен. — И совсем другим тоном добавил: — Будь они прокляты, эти чертовы колени!

Однако он мужественно мчался вперед, тяжело дыша и, подобно липкой ленте, собирая на себя окрестных мух. Вскоре дорога пошла в гору, и сопротивление педалей заметно возросло. А на вершине холма на расстоянии не больше сотни ярдов стояла молодая леди в сером. «Она! — восторженно подумал наш герой. — Совершенно точно. Костюм все решает». Последнее замечание соответствовало действительности значительное больше, чем думал сам мистер Хупдрайвер. Но сейчас прекрасная незнакомка уже не махала платком и даже не смотрела на него, а шла навстречу, ведя велосипед за руль и глядя по сторонам, на живописные лесистые холмы Вейбриджа. Судя по всему, она даже не подозревала о существовании нашего героя, хотя он узнал ее с полной определенностью.

На мгновение мистера Хупдрайвера посетило ужасное сомнение. Неужели белый платок померещился? Он едва не падал от усталости, взмок от пота, покраснел и вообще чувствовал себя ужасно. Должно быть, незнакомка просто кокетничала, ведь платок определенно суще-

ствовал. Что лучше: подъехать и потом слезть с велосипеда или сначала слезть, чтобы спокойно и уверенно подойти? Даже хорошо, что она смотрела в другую сторону, ведь если бы он вздумал приподнять кепку, то неминуемо упал бы. Возможно, молодая леди в сером заботилась о его благополучии. Размышляя об этом, мистер Хупдрайвер поравнялся с красавицей. Должно быть, его тяжелое дыхание уже донеслось до ее слуха. Он нажал на тормоз. Стоять! Правая нога описала в воздухе дугу, и он тяжело, неуклюже, но встал на твердую землю. Богиня взглянула на него с восхитительным удивлением.

Мистер Хупдрайвер постарался любезно улыбнуться. Одной рукой удерживая машину, другой он приподнял кепку и грациозно поклонился — во всяком случае, так ему показалось. Смущение ничуть не потревожило его, поскольку он не подозревал, что прядь потных волос свисает на лоб и едва не закрывает глаза, да и вообще прическа пребывает в плачевном беспорядке. Последовала вопросительная пауза.

— Могу ли иметь удовольствие ... — вкрадчиво начал мистер Хупдрайвер, но, вспомнив, что он человек свободный, внезапно переключился на аристократический тон: — Могу ли я чем-нибудь

помочь?

Молодая леди в сером прикусила нижнюю губку и очень мило ответила:

— Нет, спасибо. — И приняла такую позу, словно собралась продолжить путь.

— О! — разочарованно произнес сразу упавший духом мистер Хупдрайвер.

Незнакомка вела себя непредсказуемо, и все же стоило попытаться исправить ситуацию. Может быть, все-таки кокетничает? Или он …

— Будьте добры, уделите мне еще минуту, — попросил наш герой, едва красавица продолжила путь.

— Да? — отозвалась она, искоса взглянула на него и, покраснев, остановилась.

— Я бы не остановился, если бы не вообразил, что вы… ээ… помахали чем-то белым. — Он умолк.

Молодая леди в сером посмотрела на него с сомнением. Значит, все-таки видел! Но, кажется, он не бессовестный негодяй, готовый воспользоваться ошибкой, а простая невинная душа в поисках счастья.

— Да, я действительно помахала платком, — подтвердила она. — Извините. Жду… друга, знакомого джентльмена. — Красавица на миг

зарделась. — Он тоже едет на велосипеде и тоже в коричневом костюме. А на расстоянии, сами понимаете…

— О, разумеется! — тотчас подхватил мистер Хупдрайвер, мужественно борясь с горьким разочарованием. — Несомненно!

— Простите, пожалуйста, — продолжила незнакомка. — Из-за меня вам пришлось остановиться и все такое.

— Не стоит извинений, уверяю вас, — механически ответил мистер Хупдрайвер и перегнулся через сиденье, словно это был прилавок. Почему-то у него не хватило духу сообщить, что тот, кого она ждет, сидит на обочине с проколотой шиной. Пытаясь придумать, что бы еще сказать, он посмотрел назад, на дорогу, однако пропасть в беседе быстро и неумолимо расширялась.

— Значит, больше ничего не желаете? — в отчаянии произнес мистер Хупдрайвер, пытаясь найти выход в привычных клише.

— Ничего не нужно, благодарю, — решительно подтвердила молодая леди и тут же добавила: — Это дорога на Рипли?

— Именно так, — ответил наш герой. — Судя по дорожным столбам, отсюда до Рипли еще примерно две мили.

— Спасибо, — тепло поблагодарила она. — Большое спасибо. Я так и знала, что не ошиблась. Правда, я глубоко сожалею, что…

— О, не благодарите и не извиняйтесь, — остановил ее мистер Хупдрайвер и, на миг задумавшись, взялся за руль, чтобы забраться на сиденье. — Это я должен сожалеть… — Имеет ли он право это сказать? Не слишком ли дерзко? А, ну и пусть! — …должен сожалеть, что оказался не тем джентльменом.

Он попытался любезно, но многозначительно улыбнуться, однако почувствовал, что вышла кривая, нахальная ухмылка, и понял, что красавица обиделась, испытывая презрение к его нетактичности и стыд за собственную несдержанность. Он повернулся к ней спиной и стал неуклюже забираться на велосипед, потом безобразно вильнул и, изо всех сил нажимая на педали, поехал с мучительным сознанием, что выглядит ужасно. Но хорошо уже то, что удалось благополучно забраться на сиденье! Он побоялся обернуться, чтобы не упасть, но ясно представил негодование и презрение незнакомки, а себя почувствовал полным идиотом. В разговоре с благородной молодой леди следует проявлять тонкую деликатность, а он повел себя так, словно

перед ним стояла какая-нибудь игривая простушка. Непростительная оплошность! Почему он всегда ведет себя по-дурацки? А ведь по манере общения было не трудно понять, что джентльменом она его не считает. Ей хватило одного взгляда, чтобы увидеть его насквозь. Нельзя было даже пытаться заговорить с такой девушкой! С ее образованностью не составило труда оценить, что он собой представляет на самом деле.

До чего же красиво она изъясняется! Как изящно произносит слова! По сравнению с ее изысканной речью сразу заметен его ужасный, грубый выговор. К тому же эта нелепая последняя фраза. Для чего? «Оказался не тем джентльменом». Подумать только! Да еще назвал себя джентльменом! Что она о нем подумала?

На самом деле молодая леди в сером забыла о мистере Хупдрайвере прежде, чем тот скрылся за поворотом, и вовсе не подумала ничего плохого. Откровенное восхищение и нескрываемое благоговейное поклонение ничуть ее не обидели. Она предавалась иным размышлениям — о том, от чего зависела вся ее дальнейшая жизнь. Ведя велосипед, она медленно шла в сторону Лондона, но вскоре остановилась.

— Ах, ну почему же он не едет? — воскликнула

она сердито и раздраженно топнула ножкой. И тут же, словно в ответ на ее вопрос, на холме среди деревьев показался другой человек в коричневом костюме. Он шел ей навстречу, тоже ведя велосипед за руль.

IX. Мистера Хупдрайвера преследуют

Мистер Хупдрайвер задумчиво ехал в сторону Рипли, и внезапная мысль, что он больше никогда не увидит молодую леди в сером, принесла облегчение, близкое к умиротворению. Однако плохо скрытое коварство велосипеда — истинной машины судьбы, deus ex machina[4] — работало против него. Лишенный общества привлекательной молодой особы, велосипед становился все тяжелее и тяжелее и вел себя все более непредсказуемо. Пришлось выбирать: или остановиться на ночлег в Рипли, или умереть в расцвете лет. Мистер Хупдрайвер выбрал жизнь и, прислонив велосипед к стене первой попавшейся гостиницы под названием «Единорог», вошел внутрь. Отдыхая и покуривая сигарету в ожидании холодного мяса, он увидел в окно, как в город въезжает молодая леди в сером в сопровождении другого человека в коричневом костюме.

К ужасу нашего героя, пара свернула к той же

---

[4] Сноски: 4

Бог из машины (*лат.*) — выражение, означающее неожиданную развязку той или иной ситуации с привлечением внешнего фактора.

гостинице, где остановился он, однако вид потрепанного велосипеда со вздыбленным грязевым щитком и мутным глазом фонаря явно отпугнул их и направил — так показалось мистеру Хупдрайверу — в сторону широко раскрытой пасти гостиницы «Золотой дракон». Молодая леди в сером ехала очень медленно, а другой человек в коричневом костюме шел пешком, ведя испорченный велосипед. С неожиданной неприязнью мистер Хупдрайвер узнал льняные усы, орлиный нос и сутулые плечи.

Симпатичная от природы официантка давно устала и поблекла от нескончаемого потока разного рода путешественников, и мистер Хупдрайвер, со свойственной ему любезностью разговаривая с ней на отвлеченные темы: о погоде, о расстоянии до Лондона и превосходной дороге в Рипли, — никак не мог забыть свежесть и очарование молодой леди в сером. Сидя за столом, он то и дело посматривал в окно в надежде вновь ее увидеть, однако, судя по всему, «Золотой дракон» не оценил ту драгоценную добычу, которую проглотил. Невнимательность во время еды закончилась для мистера Хупдрайвера крупной неприятностью: он не заметил, как отправил в рот целую ложку горчицы. Оплатив счет, испол-

ненный сил и храбрости, особенно после обильно сдобренного горчицей мяса, наш герой направился к выходу. Он намеревался встать возле двери и, широко расставив ноги и засунув руки в карманы, вперить бесстрашный взор в здание напротив, но как раз в эту минуту в воротах «Золотого дракона» (надо заметить, что эта чудесная гостиница сохранилась со времен дилижансов) появился другой человек в коричневом костюме с неисправным велосипедом. Он явно шел в мастерскую Фламбо, чтобы заменить проколотую шину. Заметив Хупдрайвера, незнакомец на миг замер, а потом мрачно усмехнулся.

Однако наш герой продолжал непоколебимо стоять возле двери до тех пор, пока другой человек в коричневом костюме не скрылся в мастерской, затем напоследок взглянул на гостиницу «Золотой дракон», беззаботно присвистнул и вывел велосипед на дорогу — туда, где хватало пространства, чтобы удачно забраться на сиденье и безопасно начать движение.

К этому времени мистер Хупдрайвер почти уверился, что больше не желает видеть молодую леди в сером, и пришел к выводу, что другой человек в коричневом костюме доводится красавице братом, хотя его бледность резко контрасти-

ровала с ее яркой внешностью. К тому же наш герой чувствовал, что выглядит безнадежным глупцом.

Однако погода была против него: стояла нестерпимая жара, солнце немилосердно пекло, вся сила ушла из ног и сосредоточилась в желудке, чтобы переварить холодное мясо. В результате путь в Гилдфорд изобиловал остановками. Мистер Хупдрайвер часто шел, ведя велосипед за руль, время от времени сидел и даже лежал на обочине, вопреки советам Бриггса и принципу экономии, заходил в каждый придорожный трактир, чтобы выпить стакан лимонада и опрокинуть кружку холодного пива. А ведь каждый велосипедист по опыту знает, что питье лишь стимулирует жажду — в значительно большей степени, чем жажда стимулирует питье. Так продолжается до тех пор, пока слабый духом страдалец не угодит в ад, где огонь никогда не затухает, а жажда никогда не утоляется. К счастью, спустя некоторое время в поле его зрения попали кислые зеленые яблоки по цене в несколько пенсов за фунт. Немудреные фрукты спасли нашего героя от неминуемой погибели. Мимо по дороге, сверкая спицами и мягко жужжа цепями, то и дело проносились велосипедисты — и по одному, и целыми группами. Чтобы

не потерять достоинства, мистер Хупдрайвер всякий раз останавливался и притворялся, что приводит в порядок сиденье, при этом слезал он все более спокойно и уверенно.

В Гилдфорд наш путешественник приехал лишь к четырем часам и устал настолько, что решил переночевать в гостинице «Желтый молоток». Немного остыв и подкрепившись чаем с хлебом, маслом и джемом, причем чай он шумно прихлебывал из блюдца, мистер Хупдрайвер отправился бродить по городу, чтобы скоротать остаток дня. Путеводитель услужливо сообщил, что Гилдфорд — очаровательный старинный городок, знаменитый тем, что послужил местом действия романа Мартина Таппера[5] «Стивен Лэнгтон, или Последние дни короля Иоанна». Здесь находились прекрасный замок, украшенный цветущей геранью и медными табличками с именами установивших их джентльменов, и ратуша — памятник архитектуры эпохи Тюдоров, привлекающий внимание путешественников. Магазины пользовались успехом и у местных жителей, и у гостей города, а потому улицы выгля-

[5] Сноски: 5

Таппер Мартин Фаркуар (1810–1889) — английский поэт и романист. Особой популярностью пользовался его сборник стихов «Философия пословиц».

дели яркими, оживленными и процветающими. Мистер Хупдрайвер с особенным интересом заглядывал в витрины галантерейных магазинов и магазинов тканей, где вовсю суетились продавцы. Главная улица поднималась к горизонту под углом в семьдесят градусов — во всяком случае, так показалось нашему герою, по понятной причине особенно чувствительному к причудам ландшафта. Можно представить, с каким ужасом он наблюдал за велосипедистом, спускавшимся с горы подобно мухе, сползающей по оконному стеклу. А на машине смельчака даже не было тормоза!

Ранним вечером мистер Хупдрайвер отправился в замок и заплатил два пенса, чтобы подняться на башню. Наверху он равнодушно взглянул сквозь решетку на прижавшиеся друг к другу красные крыши домов и церковную колокольню, потом перешел на южную сторону, закурил и обратил взор на поросшие ежевикой и папоротником развалины, за которыми, пересекая вересковую пустошь, простиралась цепочка мягких голубых холмов, лениво поднимавшихся к вершинам Хиндхед и Батсер. Светло-серые глаза нашего героя светились благодушием и отражали приятное предвкушение, ведь завтра ему

предстояла поездка по этой манящей долине.

Он не заметил, чтобы кто-нибудь поднялся на башню вслед за ним и не подозревал о чьем-либо присутствии до тех пор, пока не услышал тихий голос:

— Ну вот, мисс Бомонт, наслаждайтесь прекрасным видом.

Имя прозвучало шутливо и даже с легким оттенком иронии.

— До чего красив этот старинный городок, братец Джордж, — отозвался другой, до боли знакомый голос.

Повернувшись, мистер Хупдрайвер увидел стоявшую к нему спиной пару: другого человека в коричневом костюме и молодую леди в сером. Красавица с улыбкой повернулась к спутнику, демонстрируя точеный профиль, и добавила:

— Вот только братья не обращаются к сестрам, называя их «мисс».

В эту минуту, посмотрев через плечо, она увидела мистера Хупдрайвера.

Проследив за ее взглядом, другой человек в коричневом костюме достаточно громко воскликнул: «Проклятье!» — а наш герой с равнодушным видом отвернулся и вновь обратил взор на долину.

— Красивый старинный городок, не так ли? — после продолжительной паузы произнес другой человек в коричневом костюме.

— Очень красивый, — откликнулась молодая леди в сером.

Вновь повисла пауза.

— Нигде невозможно остаться одним, — оглядываясь, посетовал другой человек в коричневом костюме.

Мистер Хупдрайвер понял, что мешает, и решил удалиться. Не стоит уточнять, что на первой же ступеньке узкой и крутой каменной лестницы он споткнулся и удалился самым унизительным способом. Только что состоялась третья встреча с ним и четвертая встреча с ней! Правда, эта мысль посетила его уже у подножия башни. Несомненно, пара тоже направлялась на южное побережье Англии. Что же, пусть так. Завтра он встанет пораньше, чтобы скрыться от нее, то есть от них. Ему не пришло в голову, что мисс Бомонт и ее брат могут сделать то же самое. Не подумал он, по крайней мере тем вечером, и о том, что обращение брата к сестре «мисс Бомонт» звучит действительно странно. Сознание мистера Хупдрайвера занимала собственная неказистая роль в утомительных встречах с ними, и эти воспоми-

нания не приносили ни капли удовлетворения.

И еще раз совершенно неожиданно он наткнулся на этих людей. Встреча произошла около семи часов. Мистер Хупдрайвер остановился у витрины магазина тканей и поверх представленных образцов принялся с пристрастием разглядывать суетившихся внутри приказчиков. За такими наблюдениями он мог бы с удовольствием провести целый день и оправдывал такое любопытство чисто профессиональным желанием понять, как парни развешивают полотно на медных карнизах под потолком, хотя в глубине души понимал, что это не так. Покупатели не представляли для него ни малейшего интереса, а потому прошло больше минуты, прежде чем он заметил среди них молодую леди в сером. Он тут же отвернулся от витрины и обнаружил, что другой человек в коричневом костюме стоит на краю тротуара и со странным выражением пристально за ним наблюдает. Здесь возникла трудноразрешимая дилемма: следует ли считать себя преследователем, являясь для этих двоих досадной помехой, или же они преследуют его, внося в сознание сумятицу. Наконец, отчаявшись найти ответ, мистер Хупдрайвер оставил бесплодные попытки, так и не решив, как себя вести во время следую-

щей встречи: то ли негодующе нахмуриться, то ли изобразить искреннее сожаление и продемонстрировать стремление к примирению.

X. Образы, возникшие в уме и сердце мистера Хупдрайвера

Во времена нашей истории мистер Хупдрайвер был поэтом, хотя в жизни не написал ни единой строчки, но, наверное, правильнее было бы назвать его романистом. Подобно большинству заурядных людей, чьими мелкими заботами, волнениями и трудами движется жизнь, наш герой вел совершенно скучное, неинтересное, лишенное ярких красок существование. Если бы он задумался о своей участи с такой же реалистичностью, как герои романов мистера Гиссинга[6], то скорее всего спился бы и меньше чем через год покончил с собой. Но, к счастью, природа наградила юношу мудростью и защитила от печального исхода. Напротив, он постоянно приукрашивал и расцвечивал жизнь нескончаемыми фантазиями, надеждами, позами, причудливым и в то же время вполне действенным самообманом. Реальный опыт служил лишь основой для яркой романтической надстройки. Если бы высшая си-

[6] Сноски: 6

Гиссинг Джордж Роберт (1857–1903) — английский писатель, крупный представитель натуралистического романа.

ла наделила нашего героя тем волшебным даром, о котором молил Бернс — «видеть себя так, как видят другие»[7], — то скорее всего при первой же возможности он отказался бы от него, передав кому-нибудь другому. Однако следует иметь в виду, что жизнь мистера Хупдрайвера представляла собой не постоянно продолжавшийся роман, а череду коротких рассказов, связанных лишь общим героем. Как правило, главный персонаж воплощался в темноволосого молодого человека с голубыми глазами и небольшими светлыми усами, скорее изящного, чем сильного, скорее сообразительного и решительного, чем умного (как пишут в научных книгах, см. выше), и неизменно обладающего железной волей. Рассказы эти отличались необыкновенным разнообразием сюжетов. Простая сигарета в руке мгновенно превращала его в человека светского, изысканно-распутного, с насмешливым огоньком в глазах и милыми грехами в биографии. Видели бы вы мистера Хупдрайвера прогуливавшимся по вечерам по парку Эрлс-Корт, когда там рано заканчивались развлечения! Какие многозначительные взгляды он бросал! (Значение этих взглядов

---

[7] Сноски: 7
Бернс Роберт (1759–1796) — шотландский поэт.

определить не отважусь.) А вот красноречивая проповедь священника о духовном возрождении направляла фантазию в совершенно иное русло, являя мысленному взору героя в белых одеждах: безупречно чистого душой, сумевшего остаться незапятнанным, благородным и бесстрашным среди окружающей грязи. Или вот такой пример: появление в магазине модно одетого джентльмена в белых перчатках, с цветком в петлице и моноклем, галантно сопровождавшего свою спутницу, рождало сюжет о человеке кромвелевской простоты, грубовато-суровом, справедливом и мужественном, молчаливо шагавшем по жизни. В тот день, который я описываю, тон задавали фантазии о безупречно одетом, беззаботном аристократе, эксцентрично севшем на самый обычный велосипед, — иными словами, о таинственном представителе высшего света, невероятно скромном, но время от времени эксцентричном. Возможно, по южному побережью Англии путешествовал инкогнито не кто иной, как сам его светлость герцог.

Не стоит думать, что хотя бы малая часть этих бесконечных историй достигала посторонних ушей: мистер Хупдрайвер никогда не стремился сделать их достоянием общественности. Если

бы я не боялся лишних хлопот, то непременно вернулся бы в начало этой главы, вычеркнул утверждение о том, что мистер Хупдрайвер был прирожденным поэтом и романистом, а взамен написал, что он сочинял пьесы и сам их разыгрывал, причем являлся не только единственным исполнителем, но и единственным зрителем, испытывая при этом состояние абсолютного счастья. Но даже сравнение с драматургом едва ли передает полноту натуры нашего героя. В конце концов, многие его мечтания, а возможно, даже большинство из них, никогда не находили воплощения — например, фантазии, рождавшиеся во время одиноких прогулок, поездок в трамвае или за прилавком, когда торговля шла вяло, а руки механически складывали и свертывали ткани. Часто он сочинял небольшие драматические сценки или остроумные диалоги. Например, приезд в родную деревню в прекрасном новом костюме и дорогих перчатках, завистливые взгляды соседей, восторг пожилой матушки, скромное, словно между прочим, замечание: «Получил в «Энтробусе» надбавку в десять фунтов, мама. Что скажете?» Или первое, смущенное и нежное признание в любви симпатичной девушке, которой несколько дней назад продавал сатин, или ры-

царственное спасение благородной красавицы то ли от оскорблений грубияна, то ли от нападения бешеной собаки.

Многие люди фантазируют, а мы об этом даже не подозреваем. Так, порою, встретив на улице продающего спички оборванного мальчишку, мы думаем, что от безысходности и вечных унижений его защищают лишь жалкие лохмотья да тощие мускулы, но на самом деле по жизни его ведет невидимый сонм ниспосланных небом мечтаний, подобных тем, что скрашивают мое и ваше существование. Многие из нас никогда не видели собственного профиля и затылка, а уж для отражения тайных глубин сознания зеркало пока вообще не придумано. Фантазия защищает мальчишку настолько надежно, что удары судьбы едва задевают его или ощущаются как легкая, даже приятная щекотка. Собственно говоря, так происходит с каждым из нас. Самообман служит своего рода анестезией в то время, пока Господь творит сущностное воплощение малых сих.

Но отвлечемся от общих рассуждений и вернемся к фантазиям мистера Хупдрайвера. Теперь становится ясно, насколько поверхностно мы его представляли, бросив лишь мимолетный взгляд на его внутреннюю драму и на то, как это

отражается в магическом зеркале его сознания. По пути в Гилдфорд и во время случайных встреч с преследовавшей его парой велосипедистов сюжет являл главным образом тихого скромного джентльмена, которого я старательно описывал, но в самом Гилдфорде под влиянием внешних обстоятельств наш герой раскрылся куда более полно, интересно и даже непредсказуемо. Например, при виде объявления в витрине конторы агента по недвижимости ему ничего не стоило разыграть небольшую очаровательную пьесу. Он навел справки о сдававшемся в аренду за тридцать фунтов доме, попросил ключ и отправился осматривать здание, чем чрезвычайно возбудил любопытство служащего. Поводом для подобных действий стал придуманный образ террориста, ищущего надежное укрытие. Следуя данной теории, он тщательно осмотрел помещение и туманно заявил, что дом соответствует его нуждам, но необходимо проконсультироваться с «остальными». Служащий, однако, тонкого намека не понял и просто пожалел слабовольного клиента, решив, что тот слишком рано женился и теперь вынужден подчиняться более сильному характеру своей половины.

Каким-то мистическим образом история с

домом привела его к покупке блокнота и карандаша, а это, в свою очередь, послужило толчком для создания образа художника, делающего зарисовки. Эту небольшую игру мистер Хупдрайвер нередко затеивал в дни ранней юности в родном Гастингсе, когда находил близкую по духу компанию, чем нередко вызывал раздражение многочисленных респектабельных туристов. По гордому признанию матушки, мистер Хупдрайвер с детства проявлял талант к рисованию, но добросовестный и, как водится, недалекий школьный учитель, заметив пробуждавшийся дар, старательно придушил его скучными уроками и нудными наставлениями. Однако наш герой с увлечением зарисовывал интересные уголки, достопримечательности и просто красивые виды старинного Гилдфорда. Однажды другой человек в коричневом костюме, стоя у окна в номере гостиницы «Граф Кент», заметил на углу у ворот соперника. С блокнотом в одной руке и карандашом в другой, тот без зазрения совести занимался тем, что деловито увековечивал импозантный фасад здания. Другой человек в коричневом костюме тут же отпрянул от окна, а потом, слегка пригнувшись, принялся подглядывать в щелку между тюлевыми занавесками.

XI. О чем я не поведал читателям

Не буду рассказывать, чем еще занимался мистер Хупдрайвер в Гилдфорде в великолепный первый день долгожданного отпуска: как в сиреневых сумерках бродил по старинному городу и поднимался на гору Хогбек, чтобы полюбоваться зажигавшимися одна за другой маленькими лампочками внизу и вспыхивавшими над головой такими же маленькими звездами, как по освещенным фонарями улицам вернулся в гостиницу «Желтый молоток» и бесстрашно поужинал в коммерческом зале, с гордостью чувствуя себя Человеком среди Людей, как принял участие в обсуждении летательных аппаратов и электричества и даже высказал оригинальное мнение, что летательные аппараты «наверняка появятся», а электричество «чудесно, чудесно», как наблюдал за партией в бильярд и несколько раз с пророческим видом посоветовал: «Оставьте их в покое», — как, охваченный неудержимой зевотой, достал карту и внимательно изучил дальнейший маршрут. Обо всем этом не стану даже упоминать. Точно так же не возьмусь

описывать, как мистер Хупдрайвер отправился в канцелярскую комнату, обмакнул перо в красные чернила и обозначил на карте путь из Лондона в Гилдфорд яркой жирной линией. В небольшой тетради он регулярно вел дневник путешествия, где подробно описывал все занятия. Считаю необходимым в скором времени представить его читателям, чтобы никто не усомнился в правдивости моей книги и не подумал, что автор сочинил небылицу, желая скоротать досужие часы.

В конце концов, зевота овладела мистером Хупдрайвером настолько, что волей-неволей пришлось закончить великолепный, полный впечатлений день. (Увы, рано или поздно все дни заканчиваются!) В холле наш герой взял у приветливой горничной свечу и поднялся в номер, куда пишущий для семейного чтения романист не осмелится за ним последовать. Но с уверенностью могу сказать: счастливый и сонный, путешественник опустился на колени возле кровати и прочитал молитву «Отче наш», заученную двадцать лет назад со слов матушки. Позднее, когда дыхание его станет глубоким и ровным, мы осмелимся пробраться в комнату и взглянуть на спящего героя. Вот он лежит на

левом боку, засунув руку под подушку. Темнота скрывает очертания фигуры, но если бы нам удалось рассмотреть во мраке его лицо, то, несмотря на жидкие, плохо растущие усики, несмотря на воспоминания о произнесенных в тот день дурных словах, мы увидели бы, что на самом деле спящий человек всего лишь маленький ребенок.

XII. Сны мистера Хупдрайвера

Опущенные ставни и темнота не помешали нам увидеть безмятежное лицо мистера Хупдрайвера, мирно спавшего в простой маленькой комнатке на верхнем этаже гостиницы «Желтый молоток» в славном старинном Гилдфорде. Но так было лишь до полуночи. Время шло, и нашего героя начали тревожить сны.

После целого дня, впервые проведенного на велосипеде, один сон неизбежен: мышцы ног сохраняют память о движениях, а потому вы и во сне продолжаете бесконечно крутить педали. Неустанно колесите по стране снов на чудесных воображаемых велосипедах, которые постоянно изменяются, становясь все больше, все сильнее, все быстрее. Отважно съезжаете с крутых крыш и лестниц, бесстрашно перелетаете через пропасти. Тщетно пытаясь найти рукой тормоз, чтобы не рухнуть, в ужасном предчувствии парите над густонаселенными городами. Не в силах удержаться, погружаетесь в бурные реки и беспомощно налетаете на устрашающие препятствия. Вот и мистер Хупдрайвер вскоре покинул тьму

небытия и в колеснице Иезекииля[8] помчался по долине графства Суррей, перелетая через холмы и стирая с лица земли деревни. Тем временем другой человек в коричневом костюме постоянно посылал ему вслед проклятия и громко кричал, пытаясь остановить непреклонного соперника. Присутствовал во сне и разговорчивый полевой сторож, и энергичный человек в темно-желтом костюме, который не переставал ругать себя последними словами. Сам же мистер Хупдрайвер выглядел полным идиотом. Нет, не то слово. Джином. Тоже не то. А, вспомнил: Джаггернаутом — безжалостным разрушителем![9] Вокруг с тихим хлюпаньем рушились деревни. Наш герой не видел молодой леди в сером, но чувствовал, что она смотрит в спину, однако обернуться не осмеливался. Где же, черт возьми, тормоз? Должно быть, отвалился по пути. А звонок? Прямо по курсу возник Гилдфорд. Мистер Хупдрайвер попытался крикнуть городу, чтобы тот освободил дорогу, однако голос тоже пропал. Все ближе и

[8] Сноски: 8

Иезекииль — согласно христианскому учению, один из четырех ветхозаветных пророков; ему принадлежит описание тетраморфа — четырех образов над таинственной Божественной колесницей-троном.

[9] Сноски: 9

Джаггернаут — термин для обозначения слепой, непреклонной разрушительной силы; берет начало в санскрите.

ближе! Страшно! А в следующий миг дома начали хрустеть под колесами, как орехи; во все стороны брызнула кровь жителей. Улицы заполнились бежавшими в панике людьми. На пути возникла молодая леди в сером. В ужасе мистер Хупдрайвер направил велосипед в сторону, остановился, чтобы слезть, и, совсем забыв, как высоко находится, начал падать, падать, падать…

Тут он проснулся, перевернулся на другой бок, сквозь прорезь в ставнях увидел молодой месяц, слегка удивился и снова уснул.

Второй сон стал продолжением первого: теперь другой человек в коричневом костюме с угрозами и воинственными криками шел ему навстречу. С каждым шагом искаженное нестерпимой злобой лицо становилось все безобразнее и страшнее. Вот он подошел вплотную, посмотрел мистеру Хупдрайверу прямо в глаза и отступил в невероятную даль, произнеся с нескрываемым подозрением: «Мисс Бомонт». Рядом с магазином кто-то начал запускать фейерверки — преимущественно огненные колеса, хотя это было запрещено. Все сотрудники собрались в большом торговом зале, и оказалось, что другой человек в коричневом костюме — не кто иной, как управляющий, который отличался от обыч-

ных управляющих тем, что, подобно китайскому фонарику, светился изнутри. Мистеру Хупдрайверу предстояло обслужить молодую леди в сером. Странно, что он не заметил ее раньше. Как всегда, она была одета в серый костюм с бриджами, а велосипед прислонила к прилавку. Она открыто улыбалась — точно так же, как в тот момент, когда извинялась за то, что остановила его на дороге в Рипли. Доверчиво склоненная фигура отличалась гибкостью и грацией, которых наш герой прежде не замечал.

— Чем могу помочь? — тотчас любезно спросил он, и красавица ответила:

— Покажите дорогу в Рипли.

Мистер Хупдрайвер достал с полки рулон дороги, аккуратно развернул и показал. Она сказала, что это прекрасно ей подойдет, и продолжила с улыбкой смотреть на него, а он взял лежавший на прилавке ярд и принялся отмеривать восемь миль. Именно восемь миль требовалось на костюм с бриджами. Но тут подошел другой человек в коричневом костюме и сердито заявил, что мистер Хупдрайвер — невежда, к тому же слишком медленно отмеряет нужную длину. Мистер Хупдрайвер постарался работать быстрее, но другой человек в коричневом костюме

сказал, что молодая леди в сером и так надолго задержалась в магазине, а потом добавил, что она действительно доводится ему сестрой, иначе они не путешествовали бы вместе, крепко обнял ее за талию и увел прочь. Мистер Хупдрайвер сразу подумал, что вряд ли братья так обнимают сестер. Конечно, нет! Фамильярность другого человека в коричневом костюме страшно его взбесила. Он перепрыгнул через прилавок и бросился в погоню. Те двое пробежали вокруг магазина, взобрались по железной лестнице на башню замка, а оттуда перепрыгнули на дорогу в Рипли. Некоторое время они прятались в придорожной гостинице, а затем выбежали через черный ход. Другой человек в коричневом костюме не мог бежать очень быстро, потому что держал на руках молодую леди в сером, и все же мистеру Хупдрайверу не удавалось его догнать из-за нелепого поведения собственных ног: отказываясь выпрямляться, они двигались исключительно по кругу, как будто вращали педали, а потому шаги получались крошечными. Погоня продолжалась неопределенное время. Самые разные персонажи: полевые сторожа, приказчики из магазинов, полицейские, старик из башни, сердитый человек в желтом костюме, официантка

из «Единорога», люди с летающими машинами, игроки в бильярд, странные безголовые фигуры, безмозглые петухи и курицы — все нагруженные свертками, зонтами, плащами, свечами для спален и прочей ерундой — загораживали путь и страшно раздражали, хотя наш путешественник неустанно предупреждал о своем появлении звонком и на каждом повороте твердил: «Чудесно, чудесно!»

XIII. Как мистер Хупдрайвер отправился в Хейзлмир

Из-за небольшой заминки с завтраком выехать из Гилдфорда мистер Хупдрайвер смог лишь после того, как часы на городской ратуше пробили девять раз. Он вывел машину на главную улицу в некотором недоумении, так как не знал, где находится молодая леди в сером, прочно завладевшая его воображением, и ее недружелюбный и даже опасный брат: то ли они уже вырвались вперед, то ли еще сидят за завтраком в Гилдфорде. В первом случае ничто не мешало ему ехать не спеша, в свое удовольствие, во втором же следовало спешить и, возможно, даже искать укрытия на какой-нибудь боковой дороге.

Некие таинственные стратегические соображения подсказали покинуть Гилдфорд не по прямой дороге, на Портсмут, а по другой, ведущей в Шалфорд. На этом спокойном тенистом пути мистер Хупдрайвер почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы возобновить упражнения в езде с одной рукой на руле, и даже осмелился несколько раз оглянуться через плечо. Пару раз

он терял равновесие, но сумел благополучно приземлиться на ноги и похвалил себя за очевидный прогресс. Недалеко от Брамли его подхватила коварная боковая дорога, провела примерно с полмили и в паре миль от Годалминга бросила, как терьер бросает палку, на дорогу в Портсмут.

В Годалминг наш путешественник вошел пешком, поскольку дорога в этом восхитительном городке была поистине ужасна: покрытая грудами щебня, она состояла сплошь из ухабов и ям. Успешно проведя эксперимент с сидром в таверне «Мешок шерсти», наш герой отправился дальше, в Милфорд.

Все это время он постоянно ощущал близкое присутствие молодой леди в сером и ее спутника в коричневом костюме — точно так же, как ребенок ощущает присутствие буки в темной комнате. Иногда он слышал доносившийся сзади шорох шин, однако, оглядываясь, видел лишь пустую дорогу. Однажды он заметил блеснувшее впереди колесо. Правда, на поверку оказалось, что это бесстрашный рабочий, ехавший на очень высоком велосипеде. Молодая леди в сером вселяла странное, необъяснимое и в то же время смутное чувство неловкости. Сейчас, бодрствуя, мистер Хупдрайвер забыл нарочито подчеркну-

тое обращение «мисс Бомонт», которое отметил во сне, однако пришедшая во сне внезапная уверенность, что девушка вовсе не доводится мужчине сестрой, не рассеялась. Зачем бы ему потребовалось остаться наедине с сестрой на вершине башни?

В Милфорде велосипед повел себя коварно. Внезапно на дороге появился указатель, в последнюю минуту самодовольно обозначивший поворот направо. Мистер Хупдрайвер хотел затормозить и прочитать надпись, но нет, своевольная машина не позволила это сделать. Улица шла под уклон; велосипед заупрямился и, словно разъяренный бык, рванул вперед, так что седок вспомнил о тормозе лишь тогда, когда указатель остался далеко за спиной. Дороги, достаточно широкой для разворота, здесь не было, и для того, чтобы вернуться на перекресток, пришлось бы остановиться и слезть с велосипеда, поэтому мистер Хупдрайвер продолжил намеченный путь, а точнее говоря, избрал совершенно противоположное направление. Чтобы попасть в Портсмут, следовало повернуть направо, в то время как он поехал по дороге, ведущей в Хейзлмир и Мидхерст. Из-за этой ошибки наш герой снова наткнулся на вчерашнюю пару, причем налетел на нее внезапно,

без предупреждения — под юго-западным железнодорожным мостом, когда велосипедисты меньше всего этого ожидали.

— Это ужасно: жестоко, трусливо… — прозвучал женский голос и смолк.

Выражение лица мистера Хупдрайвера в тот момент, когда он выскочил из-под арки моста прямо на них, являло нечто среднее между приветливой улыбкой и гримасой раздражения на себя за случайное, крайне несвоевременное появление. Однако даже обескураженный, наш герой заметил в сцене под мостом нечто странное: велосипеды путешественников лежали на обочине, а сами они стояли лицом к лицу. От внимания мистера Хупдрайвера не укрылось, что другой человек в коричневом костюме принял весьма непринужденную позу: он теребил усы, слегка улыбался и вообще казался расслабленным, в то время как его собеседница выглядела напряженной. Щеки ее горели, глаза покраснели, а в руке она сжимала платок. Мистеру Хупдрайверу почудилось, что молодая леди негодует. Однако впечатление оказалось мимолетным, потому что уже в следующий миг, стоило ей повернуть голову и увидеть его, на ее лице застыло крайнее удивление, да и другой человек в коричневом

костюме тут же сменил позу. Мистер Хупдрайвер молнией промчался мимо и продолжил путь в сторону Хейзлмира, не переставая размышлять над моментальным снимком, запечатлевшимся в его голове.

«Странно, — сказал он себе. — Чертовски странно! Кажется, они ссорились».

«Ухмыляющийся…» — не станем повторять, как именно он назвал другого человека в коричневом костюме.

«Обидел ее! — Мистер Хупдрайвер не мог представить, что такое вообще возможно. — Но почему?»

Внезапно у него возникло неудержимое желание вмешаться. Наш герой выжал тормоз, спустился на землю, но, задумчиво глядя назад, медлил. Пара по-прежнему стояла под железнодорожным мостом, причем мистеру Хупдрайверу показалось, что молодая леди в сером сердито топнула ножкой. Подумав еще немного, он развернул велосипед и, собрав все мужество в кулак, чтобы оно не покинуло его в последнюю минуту, поехал обратно.

«Сейчас я покажу ему, как грубить!» — решил мистер Хупдрайвер, а вскоре с невыносимой жалостью увидел, что девушка плачет. Спустя миг

эти двое услышали звук шин и удивленно обернулись. Да, она действительно плакала: из глаз лились слезы, а другой человек в коричневом костюме выглядел крайне расстроенным. Мистер Хупдрайвер слез с велосипеда и перегнулся через руль.

— Надеюсь, ничего плохого не произошло? — осведомился он, в упор глядя на другого человека в коричневом костюме.

— Ничего, — резко ответил тот. — Абсолютно ничего. Благодарю вас.

— Но молодая леди плачет, — мужественно продолжил мистер Хупдрайвер. — Я подумал, что, может быть…

Молодая леди в сером вздрогнула, смерила его мимолетным взглядом и, прикрыв один глаз платком, сказала:

— Просто пылинка попала.

— Должно быть, мошка залетела, — пояснил другой человек в коричневом костюме.

Повисла неловкая пауза. Молодая леди принялась якобы доставать мошку.

— Все в порядке, — сообщила она спустя пару мгновений, а ее спутник изобразил повышенный интерес к судьбе воображаемого насекомого.

Мистер Хупдрайвер стоял словно громом по-

раженный. Интуиция подсказывала ему, что никакой мошки не было и в помине. Внезапно он ощутил, как земля уходит из-под ног. Даже рыцарство имеет разумные пределы. Придуманные драконы и мнимые злодеи, конечно, прекрасны, но мошки! Вымышленные мошки! Впрочем, в чем бы ни заключалась проблема, его она явно не касалась. Он снова повел себя по-дурацки. Мистер Хупдрайвер хотел было пробормотать что-нибудь в свое оправдание, но другой человек в коричневом костюме этого не позволил, резко повернувшись в его сторону и неприязненно спросив:

— Надеюсь, теперь ваше любопытство удовлетворено?

— Несомненно, — ответил мистер Хупдрайвер.

— В таком случае не смею задерживать.

Нашему герою не оставалось ничего иного, как бесславно ретироваться. Он развернул велосипед, не без труда забрался на сиденье и продолжил путь на юг, а когда понял, что едет вовсе не в Портсмут, а по какой-то другой дороге, вернуться было уже нельзя, поскольку снова пришлось бы принять позор. Поэтому мистер Хупдрайвер поднялся по Брук-стрит и отправился в Хейзлмир, а справа, дразня близостью, среди залитых

солнцем зеленых и сиреневых холмов Хиндхеда, где писал свои «романы с холмов» мистер Чарлз Грант Аллен[10], лежала дорога в Портсмут.

Солнце сияло, освещая великолепные пейзажи. По обе стороны песчаной дороги сменяли друг друга голубые холмы и живописные долины; на обочинах росли серый вереск и колючий дрок, а сосны весело зеленели молодыми побегами, особенно яркими на фоне темных прошлогодних иголок. Однако солнечный летний день не радовал, а ощущение лишь вчера обретенной свободы вступило в неравную борьбу с нестерпимым раздражением, вызванным отвратительной встречей. Огромная мрачная тень — в виде чудовищной ненависти к другому человеку в коричневом костюме — не давала покоя. В голову пришла блестящая спасительная мысль: вычеркнуть Портсмут из маршрута или по крайней мере уступить прямую дорогу молодой леди в сером и ее спутнику, а самому храбро отклониться влево, на восток. Наш путешественник не отважился даже зайти ни в один из симпатичных кабачков на главной улице Хейзлмира, а вместо этого свернул в переулок и тотчас увидел пивную под названи-

[10] Сноски: 10

Аллен Чарлз Грант (1848–1899) — англо-канадский писатель, убежденный агностик и социалист, сторонник идей эволюционизма.

ем «Добрая надежда», где и решил остановиться. Там он славно подкрепился и снисходительно поболтал с пожилым рабочим, ради собственного развлечения изображая лишенного наследства отпрыска богатой семьи. Потом он снова сел на велосипед и поехал в сторону городка Нортчепел, куда, словно сговорившись, приглашали сразу несколько указателей. Однако один-единственный коварный поворот сбил его с пути, заставив проехать несколько лишних миль.

XIV. Как мистер Хупдрайвер попал в Мидхерст

Мой дядюшка однажды философски изрек: «Человек — единственное неразумное существо на свете», — и мистер Хупдрайвер вполне оправдывал это мудрое утверждение. Проведя утро в мучительных попытках избежать встречи с другим человеком в коричневом костюме и его спутницей, значительную часть дня он размышлял о прекрасной особе и оптимистично мечтал о новых встречах с ней. Память и воображение целиком и полностью сосредоточились на светлом образе, а потому маршрут определился сам собой, руководствуясь поворотами ложившейся под колеса дороги. В одном наш герой не сомневался: с ними было что-то определенно не так. Он несколько раз повторил это про себя, а однажды даже произнес вслух. Но что именно было не так, оставалось неясным. Мистер Хупдрайвер перебрал в уме известные факты: обращение «мисс Бомонт», при этом брат и сестра; остановка, ссора, слезы… Много загадок для неискушенного молодого человека. Но больше всего на свете наш герой

ненавидел логически мыслить, а потому вскоре оставил попытки постичь истину и отпустил на волю воображение. Удастся ли когда-нибудь увидеть ее снова? Возможно, удастся, причем без отвратительного спутника — например, на ежегодном молодежном балу в зале Ассамблеи в Патни. Они найдут друг друга и будут танцевать снова и снова. Картина выглядела необыкновенно красиво, поскольку, как вы понимаете, танцевал мистер Хупдрайвер исключительно хорошо. Или так: она, словно солнечный луч, покажется в дверях его магазина и склонится над прилавком, а он будет без устали демонстрировать ей хлопчатобумажные ткани, а потом перегнется через прилавок и, словно продолжая беседу о предлагаемом товаре, негромко скажет: «Я не забыл то утро на дороге в Портсмут. — И еще тише добавит: — И никогда не забуду».

В Нортчепеле мистер Хупдрайвер развернул карту и обдумал дальнейший путь. Удобными местами для отдыха выглядели Петворт и Палборо. Мидхерст казался слишком близким, а любой городок за грядой известняковых холмов — слишком далеким, поэтому наш путешественник отправился в Петворт, то и дело останавливаясь, любуясь окрестностями, собирая полевые цветы

и удивляясь, почему у них нет названий, ибо никогда их не слышал. При виде человека он украдкой выбрасывал букет и вообще всячески валял дурака. В живых изгородях радовали взор сиреневая вика, таволга, жимолость, поздняя ежевика. Однако шиповник уже отцвел. На кустах черной смородины уже виднелись зеленые и розовые ягоды, в траве светились звездчатки и одуванчики, а чуть дальше, среди засохшей белой крапивы, пестрели цветки ломоноса и подмаренника, возвышались метелки диких злаков, белый лихнис и кукушкин цвет. На пшеничном поле сияли алые и фиолетовые маки и уже раскрывали созвездия ярко-синие васильки. На узких тропах кроны деревьев смыкались над головой, а в живых изгородях кое-где висели пучки оставшегося после уборки сена. На одной из дорог нашему путешественнику пришлось преодолеть опасное препятствие в виде дюжины угрюмых, недружелюбно настроенных волов. Он проезжал мимо живописных хижин и придорожных пивных с манящими красно-синими вывесками, а однажды ему встретилось поселение из доброй сотни домов, расположенных вокруг церкви. Через некоторое время путь ему преградил каменистый ручеек, зародившийся

где-то под кронами деревьев, среди зарослей осоки, вербейника и незабудок, и отважно выбежавший на дорогу. Здесь наш герой остановился, мечтая скинуть ботинки и запылившиеся модные клетчатые носки и охладить худые ноги в весело журчащей воде. Но вместо этого он сел и, как подобает настоящему мужчине, закурил сигарету — на тот случай, если молодая леди в сером вдруг покажется из-за поворота в ореоле света. Да, незримое присутствие богини ощущалось в окружающей природе, осеняя все вокруг очарованием и восторгом, и наполняло воздух предчувствием, волнением и чем-то вроде сожаления о несбыточном счастье, которое трудно было оставить без внимания.

Поздно вечером совершенно неожиданно возникло непреодолимое сожаление: напрасно он поспешил скрыться от тех двоих. Дело в том, что мистер Хупдрайвер проголодался, а голод, как известно, оказывает странное влияние на наш эмоциональный настрой. Сейчас, в миг озарения свыше, стало ясно, что мужчина в коричневом костюме — настоящий зверь и нежной спутнице грозит серьезная опасность. А он — тот, кто мог бы ее спасти, — подчинился первому порыву и трусливо сбежал! Новый взгляд на это событие

страшно его расстроил. Что же творится с бедняжкой сейчас? Снова вспомнились ее слезы. Несомненно, ему следовало остаться, чтобы принять самые решительные меры!

Мистер Хупдрайвер поднялся и, пытаясь избавиться от укоров совести, поехал как можно быстрее. Запутавшись в расположении множества дорог, он заблудился и с наступлением сумерек вместо Петворта очутился в Истборне, на расстоянии мили от Мидхерста.

«Я голоден, — подумал он, узнав у первого встречного, куда попал. — До Мидхерста осталась одна миля, а до Петворта еще целых пять, так что выбора нет, поеду в Мидхерст».

Оказавшись в городке и проезжая по Нортстрит, мистер Хупдрайвер обратил внимание на симпатичный магазинчик с чайником на вывеске и витриной, представлявшей прекрасный выбор различных сортов табака, сладостей и детских игрушек. Его встретила аккуратная пожилая хозяйка с ясными глазами, и вскоре он превосходно отужинал аппетитными сосисками и чаем, устремив взгляд в прислоненную к чайнику книгу отзывов, полную юмористических хвалебных отзывов как в прозе, так и в стихах. Некоторые опусы казались очень забавными, а

стихи читались легко, даже с набитым сосисками ртом. Мистеру Хупдрайверу захотелось дополнить книгу рисунком, ибо мнение о симпатичной пожилой леди уже сложилось. Воображение услужливо представило, как после его ухода хозяйка увидит рисунок и всплеснет руками: «Боже мой! Наверняка это был художник из журнала «Панч»!»

Часть отведенной гостю комнаты являла собой альков и отделялась занавеской, скрывавшей кровать и комод. Там предстояло провести ночь. А дневную половину украшали вставленные в застекленные рамки сертификаты сообщества под названием «Чудаки»[11], книги в золоченых переплетах, картины, грелки для чайников и другие изящные вещицы из шерсти. Красиво и уютно. Забранное в свинцовую раму окно с ромбовидными переплетами открывало вид на дом священника и слегка размытый туманом силуэт церкви на фоне сумеречного неба. Когда сосиски закончились, наш герой закурил сигарету и не спеша вышел на вечернюю улицу. Между темными кирпичными домами синело небо, а сумеречное пространство кое-где расцвечивал

[11] Сноски: 11

«Чудаки», или «Странное братство» — международное сообщество, состоящее из лож, впервые зарегистрированных в Лондоне в 1730 г.

ярко-желтый свет окон и зеленые и красные вспышки на вывесках аптек.

XV. Интермедия

Ну а теперь давайте на некоторое время оставим мистера Хупдрайвера в Мидхерсте на вечерней Норт-стрит и вернемся к паре, оставшейся под железнодорожным мостом между Милфордом и Хейзлмиром. Ей было лет семнадцать — темноволосая, с тонкими чертами лица, нежным румянцем и яркими карими глазами, которые сейчас блестели от слез. Мужчина выглядел года на тридцать три — тридцать четыре и отличался довольно оригинальной внешностью: светлые волосы, длинный нос, нависавший над льняного цвета усами, голубые глаза и прямо посаженная, даже слегка запрокинутая голова. Он стоял, широко расставив ноги и сложив руки на груди — в позе одновременно пренебрежительной и агрессивной. Провожая взглядом назойливого незнакомца, оба молчали. Внезапное появление мистера Хупдрайвера остановило поток ее слез. Теребя мягкие усы, мужчина невозмутимо смотрел на спутницу, а та стояла, отвернувшись, упрямо не желая разговаривать.

— Ваше поведение привлекает внимание по-

сторонних, — наконец проговорил он.

Девушка повернулась к мужчине: глаза и щеки ее горели, ладони сжались в кулаки.

— Вы… вы — отвратительный негодяй, — задыхаясь, с трудом пробормотала она, топнула ножкой и снова умолкла.

— Милая моя девочка! Что ж, не исключено, что я действительно отвратительный негодяй. Но ради вас кто им не станет?

— Милая девочка? Да как вы смеете разговаривать со мной таким тоном?! Вы…

— Готов на все…

— О!

Возникла короткая пауза. Молодая леди в сером в упор посмотрела на собеседника и, кажется, еще больше покраснела. Глаза ее горели гневом и презрением. Он погладил усы, усилием воли пытаясь сохранить циничное спокойствие, и высокомерным тоном произнес:

— Будем же благоразумны.

— Благоразумны! Это слово заключает в себе все, что есть в мире подлого, трусливого и сладострастного.

— Да, вам свойственно обобщать. Но давайте обратимся к конкретным фактам — конечно, если вам угодно.

Нетерпеливым жестом она изъявила готовность выслушать.

— Итак, — продолжил он, — вы убежали из дому.

— Покинула дом, — с достоинством поправила она. — Покинула дом, потому что жизнь стала невыносимой. Потому что эта женщина…

— Да-да, конечно. Но дело в том, что убежали вы со мной.

— Это вы поехали за мной. Притворились верным другом. Пообещали помочь заработать на жизнь писательским трудом. Сказали: «Почему мужчина и женщина не могут просто дружить?» И вот теперь осмеливаетесь… осмеливаетесь…

— Право, Джесси, эта ваша поза оскорбленной невинности…

— Я вернусь домой. И запрещаю вам меня удерживать…

— Минуточку. Я всегда считал, что моя маленькая ученица по крайней мере способна рассуждать здраво. Нет смысла отрицать, что пока вы очень мало знаете о жизни. Послушайте меня немного.

— Разве я не слушала все это время? А вы только оскорбляли, вы, который еще недавно говорил исключительно о дружбе и едва осмеливался

намекнуть на что-либо большее.

— И все же вы поняли намеки. Поняли, но даже не подумали возразить. Игра вам понравилась, показалась увлекательной. Вы знали, что я вас люблю, но не могу признаться, и манипулировали моим чувством…

— Все это вы уже говорили. Считаете подобные слова оправданием?

— Но это еще не все. Я решил сделать игру более равной, поэтому предложил вам уехать из дому и сам отправился в путешествие. Я выдумал живущую в Мидхерсте сестру, но, уверяю вас, у меня нет никакой сестры! И все ради единственной цели…

— Да?

— Скомпрометировать вас.

Пораженная новым поворотом событий, молодая особа растерянно замерла. С полминуты оба молчали, потом она с вызовом возразила:

— Вот еще! Подумаешь, скомпрометировали! Конечно, я повела себя глупо…

— Милая моя, вам всего семнадцать, и пока вы знаете о жизни гораздо меньше, чем полагаете. Но постепенно вы наберетесь ума-разума. Прежде чем написать все те романы, о которых мы рассуждали, вам придется многое узнать. Вот,

например… — Мужчина немного помолчал, словно сомневаясь, стоит ли продолжать. — Когда за завтраком официант обратился к вам «мэм», вы вздрогнули и покраснели. Решили, что это забавная ошибка, но промолчали, потому что официант был молод и заметно нервничал. К тому же сама мысль, что вас приняли за мою жену, показалась вам оскорбительной. Так что вы предпочли не заметить оплошность. Но, видите ли, в гостинице я записал вас как миссис Бомонт. — Несмотря на циничную позу, мужчина выглядел едва ли не извиняющимся. — Да, миссис Бомонт, — повторил он, теребя льняные усы и наблюдая, какой эффект произвели его слова.

На миг собеседница утратила дар речи и наконец негромко проговорила:

— Я быстро учусь.

Решив, что пришло время для решающей атаки, он произнес внезапно изменившимся голосом:

— Джесси, я сознаю всю подлость и безнравственность своего поведения. Но неужели вы думаете, что я придумал эту сложную схему и пошел на все ухищрения ради чего-то иного помимо…

Казалось, она не услышала его последних слов, поэтому внезапно заключила:

— Я поеду домой.

— К ней?

Девушка поморщилась, словно от боли.

— Вы только подумайте, что она скажет после всего случившегося.

— Все равно я должна вас оставить.

— Да? И куда же вы направитесь?

— Куда-нибудь, где смогу заработать на хлеб, стать свободной и жить без условностей.

— Дорогая, давайте взглянем на вещи цинично. У вас нет ни денег, ни кредита. Никто никуда вас не возьмет. Остается одно из двух: либо вернуться к мачехе, либо довериться мне.

— И то и другое невозможно!

— Что ж, тогда возвращайтесь домой. — Он на миг умолк, чтобы она осознала эти слова, а потом продолжил: — Джесси, я вовсе не собирался говорить того, что сказал. Честное слово, сам не понимаю, как это вырвалось. Простите, если можете. Я мужчина, не смог сдержаться. Простите, и даю слово …

— Но разве можно вам верить?

— Испытайте меня. Обещаю…

Она взглянула с сомнением.

— Хотя бы продолжите путь вместе со мной. Мы уже слишком долго стоим под этим ужасным

мостом.

— О, дайте время подумать, — ответила она и, отвернувшись, прижала ладонь ко лбу.

— Подумать! Послушайте, Джесси, сейчас десять. Может быть, объявим перемирие хотя бы до часу?

Через пару минут молодая леди потребовала объяснить условия перемирия, после чего наконец согласилась.

Они сели на велосипеды и молча продолжили путь по залитой солнцем вересковой пустоши. Оба испытывали крайнюю неловкость и глубокое разочарование. Находясь между страхом и гневом, Джесси выглядела бледной: запоздало поняв, что попала в отчаянную ситуацию, она мучительно пыталась найти выход. Однако на ум приходила одна-единственная абсолютно пустая мысль, что голова ее спутника удивительно похожа на кокосовый орех, только белый. Мужчина тоже пребывал в расстроенных чувствах, осознав, что романтическая идея соблазнения на деле неожиданно обернулась провалом. Но ведь это было только начало, и каждый день, проведенный вместе, увеличивал шансы на успех! Возможно, на самом деле обстоятельства складывались гораздо лучше, чем казалось на

первый взгляд. Эта мысль немного его утешила.

XVI. О неестественном начале в человеке и о духе времени

Итак, уже знакомая вам пара путешественников (кстати, фамилия мужчины — Бечемел, а девушку зовут Джесси Милтон) направлялась в Хейзлмир. Они ехали рядом, но не слишком близко друг к другу, в неловком молчании. Попытаемся в этой главе заглянуть в те скрытые от любопытных глаз уголки их сознания, где рождаются желания и зреют поступки.

Но для начала поговорим о париках и вставных зубах. Один остроумец, рассуждая о стремительном росте числа лысых и подслеповатых людей, предсказал человечеству удивительное будущее. В наши дни если человек лысеет, ему предлагают парик, если усыхает, одежду для объема подбивают плотной тканью, теряет зубы — и вот, пожалуйста, появляется вставная челюсть, а если, не приведи Господь, бедняга лишается ноги или руки, ему тут же предлагают прекрасную искусственную конечность. На случай несварения желудка существуют специальные препараты, будь то желчь или панкреатин. Цвет лица под-

дается изменению, плохое зрение корректируют очки, а оглохшему уху помогает искусственная перепонка. Так циничный шутник прошелся по всему человеческому организму — пока, наконец, не создал странное, состоящее из клочков и заплаток существо, некое подобие человека, наделенное лишь отдельными частицами живой плоти. Он заявил, что именно к такому будущему медленно, но верно движется человечество.

Не станем сейчас рассуждать о том, насколько возможна подобная странная замена. Но дьявол устами мистера Редьярда Киплинга[12] утверждал, что в отношении некоего Томлинсона такая замена уже произошла. В далекие времена люди были простыми и имели желания столь же естественные, как глаза: немного любви к ближнему и немного стремления к продолжению рода, чувство голода и желание хорошо жить, тщеславие в разумных границах, здоровая, приносящая удовлетворение амбициозность и так далее. А сейчас мы годами учимся и вгоняем себя в рамки дисциплины, а потом до конца своих дней читаем и читаем нудные, действующие на нервы документы. Нас со всех сторон окружают

[12] Сноски: 12

Киплинг Джозеф Редьярд (1865–1936) — английский писатель, поэт и путешественник.

разного рода гипнотизеры — будь то педагоги, священники, лекторы, ораторы, писатели или журналисты. Эти самозванцы авторитетно заявляют, что сахар, который мы едим, — не что иное, как чернила, и мы тут же с неодолимым отвращением отказываемся от сладкого. Они утверждают, что черное ярмо неоплаченного труда есть истинное счастье, и мы с готовностью им верим. «Ибсен[13], — говорят они, — невероятно скучен», — мы тут же послушно зеваем и лениво потягиваемся. «Нет! — внезапно изменяют они свое мнение. — Ибсен глубок и прекрасен!» — мы тотчас, перебивая друг друга, принимаемся им восторгаться. Так вот, заглянув в уголки сознания этих двух молодых путешественников, мы не найдем ни единого искреннего, честного побуждения, не найдем живой души. Вместо этого перед нашим изумленным и разочарованным взором предстанет подобие некой сверхдуши — дух времени, набор приобретенных идей, рой спутанных, беспорядочных мыслей. Девушка провозгласила намерение вести независимую жизнь, а мужчиной руководило извращенное стремление выглядеть циничной артистической

[13] Сноски: 13

Ибсен Генрик Юхан (1828–1906) — норвежский драматург, основатель европейской новой драмы, поэт и публицист.

натурой самого современного толка. Среди прочего жалкий эгоист надеялся разбудить в спутнице страсть, так как в книгах прочитал, что страсть обязана пробудиться. Он, известный лондонский критик, знал, что юная особа восхищается его талантом, но не подозревал, что форма его головы вовсе не вызывает у нее восхищения. Они познакомились в гостиной ее мачехи, популярной романистки, и теперь путешествовали вместе. Сейчас и он и она находились на первой ступени раскаяния, когда, как вы, должно быть, знаете по себе, человек, крепко стиснув зубы, упрямо твердит: «Ни за что не отступлюсь!»

Однако, как не трудно заметить, что-то в их отношениях пошло не так, и теперь велосипедисты ехали хотя и рядом, но с тем отчужденным видом, который не предвещает приятного приключения. Мужчина понимал, что поспешил, однако под влиянием уязвленной гордости обдумывал подробности нового наступления. А что же девушка? Она еще не пробудилась к жизни. Мотивы ее поступков были почерпнуты из книг, написанных случайным набором авторов — романистов, биографов и прочих любителей печатного слова — на белом листе ее неопытности. Ею управляла искусственная сверхдуша,

способная в любой момент расколоться и обнажить живого человека. Она еще чувствовала себя наивной школьницей, для которой болтливый старик намного интереснее смущенного юноши, а положение знаменитого математика или редактора ежедневной газеты вызывает восхищение и неумолимо влечет. Мистер Бечемел, ловко воспользовавшись положением, оказался рядом, изрекая загадочные фразы о страсти и странно поглядывая, а однажды — самый опрометчивый его проступок — даже попытался ее поцеловать, правда, потом извинился. Как видите, Джесси Милтон до сих пор не осознала, что по неопытности угодила в большую неприятность.

XVII. Встреча в Мидхерсте

Мы расстались с мистером Хупдрайвером возле двери небольшого заведения, где можно было поужинать, выпить чаю, купить табак или игрушки, а заодно и переночевать. Не следует принимать за совпадение тот факт, что по соседству с домом миссис Вордор — именно так звали миниатюрную ясноглазую пожилую леди, у которой остановился на ночлег наш герой, — располагалась гостиница «Ангел», где тем вечером отдыхали «мистер и мисс Бомонт», то есть уже знакомые нам Бечемел и Джесси Милтон. Ничего странного в этом не было. Дело в том, что если поехать на юг через Гилдфорд, то выбор дорог будет ограничен: через Питерсфилд в Портсмут или через Мидхерст в Чичестер. Помимо этих очевидных путей было еще две небольших, местного значения дороги в Петворт или Палборо и пересекавшая их дорога в сторону Брайтона. Если въехать в Мидхерст с севера, то миновать гостеприимно распахнутую дверь гостиницы «Ангел» просто невозможно: элегантное заведение неизбежно привлечет ре-

спектабельных велосипедистов. В то же время приветливый чайник миссис Вордор с радостью встретит путешественников, довольствующихся более скромными средствами. Однако людям, незнакомым с географией графства Суссекс — а именно к таким относятся персонажи нашей истории, — неизбежность встречи не казалась столь очевидной.

После обеда мистер Бечемел вышел в гостиничный двор, чтобы подтянуть цепь на своем велосипеде, и первым заметил присутствие нежелательного лица. Мистер Хупдрайвер появился из соседнего дома, окутанный клубами сигаретного дыма, и неторопливо зашагал по улице. Темные тучи дурных предчувствий, рассеявшиеся в течение дня, снова собрались на горизонте, образовав вполне определенное подозрение. Мистер Бечемел тут же сунул отвертку в карман и вышел на улицу, чтобы немедленно добиться ясности, ибо гордился своей решительностью. Мистер Хупдрайвер просто прогуливался, и джентльмены встретились лицом к лицу.

При виде соперника нашим героем овладело чувство насмешливого отвращения, на миг разрушившее стену враждебности.

— А вот и мы! — проговорил он, неестественно

расхохотавшись над досадной случайностью.

Другой человек в коричневом костюме преградил ему путь и, глядя на него в упор, осведомился ледяным тоном:

— Удивитесь ли вы, если я скажу, что вы нас преследуете?

По какой-то необъяснимой причине мистер Хупдрайвер подавил свойственное ему стремление извиниться. Ему захотелось разозлить другого человека в коричневом костюме, и в этот миг весьма кстати в голову пришла заранее заготовленная фраза.

— С каких это пор графство Суссекс принадлежит лично вам? — замирая от смущения, доблестно ответил он вопросом на вопрос.

— Позвольте заметить, — парировал другой человек в коричневом костюме, — что я возражаю — точнее говоря, мы возражаем — не только против вашего близкого присутствия. Честно говоря, кажется, что вы нас преследуете с какой-то определенной целью.

— Если вас это не устраивает, ничто не мешает вам вернуться туда, откуда приехали.

— О! — воскликнул другой человек в коричневом костюме. — Наконец-то! Так я и думал!

— Неужели? — уточнил наш герой, недоумевая,

к чему же он клонит.

— Понимаю, — продолжил соперник. — Понимаю. Я предполагал… — Внезапно он изменился, став подозрительно дружелюбным. — Я хотел бы с вами побеседовать. Надеюсь, вы уделите мне десять минут?

Мистер Хупдрайвер терялся в догадках. За кого же его принял другой человек в коричневом костюме? Он на миг задумался, и в голову ему пришла восхитительная фраза:

— Хотите что-то сообщить?

— Да, назовем это сообщением, — подтвердил другой человек в коричневом костюме.

— Что же, в таком случае я могу уделить вам десять минут, — с достоинством согласился мистер Хупдрайвер.

— Давайте пройдемся, — предложил собеседник, и они медленно пошли по Норт-стрит в сторону грамматической школы.

С полминуты оба молчали. Мистер Бечемел нервно поглаживал усы. Склонность мистера Хупдрайвера к драматизму обострились до предела. Пока он не понимал, какая роль ему досталась, но было очевидно, что предстояло изобразить нечто мрачное и таинственное. Доктор Конан Дойл, Виктор Гюго и Александр Дюма возглав-

ляли список любимых писателей нашего героя, причем читал он их не напрасно.

— Буду говорить совершенно откровенно, — начал другой человек в коричневом костюме.

— Откровенность — неизменно лучшая тактика, — ответил мистер Хупдрайвер.

— Итак… кто же, черт возьми, поручил вам это дело?

— Поручил мне это дело?

— Не притворяйтесь глупцом! Кто вас нанял?

— Ну… — растерянно произнес мистер Хупдрайвер. — Нет, не могу сказать.

— Уверены? — многозначительно посмотрел на свою руку мистер Бечемел.

Невольно проследив за его взглядом, наш герой заметил блеснувший в сумерках металлический край бумажника. Разумеется, приказчик из магазина считает намек на чаевые ниже своего достоинства, однако великолепно понимает все, что касается этой щекотливой темы.

Мистер Хупдрайвер пунцово покраснел и, пронзив собеседника негодующим взглядом, приказал:

— Уберите немедленно!

— Что? — удивленно воскликнул другой человек в коричневом костюме, но тем не менее

спрятал бумажник в карман бриджей.

— Неужели вы полагаете, что меня можно подкупить? — возмущенно спросил мистер Хупдрайвер, чье воображение в этот момент быстро раскручивало ситуацию. — Черт возьми! Теперь я и правда буду вас преследовать…

— Дорогой сэр, — мгновенно отреагировал собеседник, — прошу меня простить. Я неправильно вас понял и искренне сожалею. Давайте продолжим беседу. В вашей профессии…

— Что вы имеете против моей профессии?

— Ну поймите меня правильно. Сыщики, ведущие частные расследования, зачастую играют в грязные игры. Я подумал, что и вы… Надеюсь, вы закроете глаза на мою опрометчивость. Люди чести довольно редко встречаются в жизни, причем в любой профессии.

Мистеру Хупдрайверу повезло, что летом в Мидхерсте не включают уличное освещение, иначе первый попавшийся фонарь немедленно его разоблачил бы. Пришлось с силой потянуть себя за ус, чтобы скрыть приступ ликования и обуздать накатившую волну смеха. Подумать только: сыщик! Но даже в полутьме мистер Бечемел заметил, как наш герой пытается сдержать веселье, однако решил, что такую реакцию вы-

звали его слова «люди чести».

«Ничего, скоро возьмет. Просто набивает себе цену», — снисходительно подумал он и кашлянул.

— Не думаю, что вы почувствуете себя хуже, если скажете, кто вас нанял.

— Правда? А я другого мнения.

— Крепко держитесь, — одобрительно заметил другой человек в коричневом костюме. — Я вот что хочу спросить… Если не желаете, можете не отвечать, но ведь я никому не причиню вреда, если уточню, за кем вам поручили следить: за мной или за мисс Милтон?

— Я не из болтливых, — парировал мистер Хупдрайвер, с наслаждением храня секрет, которого не знал. Мисс Милтон! Значит, вот как зовут богиню! Возможно, этот тип скажет еще что-нибудь полезное. — Не стоит пытаться меня разговорить. Это все, что вам нужно?

Считая себя искусным дипломатом, мистер Бечемел решил выманить признание в ответ на откровенность:

— Если я правильно понимаю, в слежке заинтересованы два лица.

— Кто же второй? — невозмутимо осведомился мистер Хупдрайвер, с огромным трудом сохраняя

выдержку. — Кто второй? — повторил он, считая этот ход блестящим.

— Моя жена и ее мачеха.

— Хотите знать, кто из них?

— Да, — подтвердил мистер Бечемел.

— Видите ли… спросите их самих! — посоветовал мистер Хупдрайвер, ликуя и высоко оценивая собственное остроумие. — Спросите обеих!

Собеседник в раздражении отвернулся, однако решил предпринять последнюю попытку и многозначительно изрек:

— Готов предложить пять фунтов тому, кто расскажет об истинном положении дел.

— Я же велел вам убрать деньги, — угрожающим тоном произнес мистер Хупдрайвер и таинственно добавил: — Вы не знаете, с кем связались. Но скоро узнаете!

Он говорил так убежденно, что сам почти поверил, будто в Лондоне действительно существует его детективная контора, расположенная, разумеется, на Бейкер-стрит.

На этом беседа закончилась. Возмущенный мистер Бечемел вернулся в гостиницу, мысленно восклицая: «Только сыщиков мне не хватало! Вот уж чего никак не ожидал!»

А мистер Хупдрайвер с округлившимися от вос-

торга глазами и удивленной улыбкой неспешно направился к мерцавшей в лунном свете реке. В задумчивости постоял он, облокотившись на перила моста и время от времени тихо бормоча под нос: «Частное сыскное агентство», — и другие подобные слова, а потом с таинственным видом опытного детектива направился в сторону города.

XVIII. Начало новой игры

Охватившее нашего героя ликование внешне проявлялось в слегка вскинутых бровях и в тихом протяжном свисте. На некоторое время он забыл о слезах молодой леди в сером — началась новая игра, причем самая настоящая. Отныне мистер Хупдрайвер выступал в качестве частного сыщика — по сути, Шерлока Холмса — и держал подозрительную пару под наблюдением. Он медленно вернулся в центр города, остановился напротив гостиницы «Ангел» и целых десять минут созерцал здание, наслаждаясь странными ощущениями от нового — удивительного, таинственного и ужасного — образа. Каждый фрагмент мозаики встал на свое место. Конечно, не иначе как по наитию свыше искусный детектив перевоплотился в велосипедиста и, купив первую попавшуюся рухлядь, бросился в погоню.

Затем он попытался понять, что именно узнал. «Моя жена… ее мачеха!» Внезапно вспомнились полные слез прекрасные глаза, и нахлынувшая волна гнева, удивившая его самого, смыла внешний налет сыщика, оставив настоящего мистера

Хупдрайвера. Этот тип в коричневом костюме с его уверенностью и предложенными пятью фунтами (черт возьми!) явно задумал что-то недоброе, иначе с чего бы так беспокоился из-за слежки? Значит, он женат, а она ему вовсе не сестра! Постепенно пришло понимание ситуации, и ужасное подозрение об истинном положении вещей охватило его. Нет, не может быть, чтобы дошло до этого! Но он детектив, а потому докопается до правды. Однако каким же образом? Наш герой стал придумывать различные варианты, выбирая лучший. Наконец, преодолев смущение, вошел в гостиничный бар.

— Будьте добры, лимонад и пиво. — Он откашлялся. — Мистер и миссис Боулонг остановились у вас?

— Джентльмен и молодая леди на велосипедах?

— Да, довольно молодая супружеская пара.

— Нет, — ответила буфетчица, разговорчивая особа массивного телосложения. — Супружеские пары у нас сегодня не останавливались. Но приехали мистер и мисс Бомонт. — Для верности она произнесла фамилию по слогам. — Вы уверены, что правильно назвали тех, кого разыскиваете?

— Вполне уверен, — подтвердил мистер Хуп-

драйвер.

— Бомонты есть, а вот… как вы сказали?

— Боулонг, — повторил он.

— Нет, такие точно не приезжали, — уверенно заявила буфетчица и, взяв полотенце, принялась вытирать вымытый стакан. — Сначала я подумала, что вы спрашиваете о Бомонтах, ведь фамилии очень похожи. Ваши тоже на велосипедах?

— Да. Сказали, что сегодня вечером могут оказаться в Мидхерсте.

— Может быть, скоро приедут. Бомонты уже здесь, а вот Боулонгов пока не видно. Вы уверены, что ждете не Бомонтов?

— Наверняка, — подтвердил наш герой.

— Как похожи фамилии! Вот я и подумала, что, может быть…

В таком духе разговор продолжался еще некоторое время, и мистер Хупдрайвер с радостью осознал, что его ужасное подозрение ошибочно. Буфетчица же с готовностью поделилась кое-какими подробностями о молодой паре и даже призналась, что при виде костюма молодой леди покраснела от смущения. Мистер Хупдрайвер вполголоса пошутил по этому поводу, отчего собеседница кокетливо ужаснулась и возмущенно воскликнула:

— Через пару лет мы уже не сможем отличить женщину от мужчины! А что за манеры! Слезла с машины и приказала ему поставить ее у стены, а сама явилась сюда и распорядилась: «Мы с братом хотим остановиться на ночь. Брату все равно, какая спальня ему достанется, а мне непременно нужна комната с красивым видом из окна — конечно, если такая найдется». А он поспешно подошел и вопросительно на нее посмотрел. «Я уже договорилась о размещении, — сообщила она, а он раздраженно воскликнул: «Проклятье!» Да-да, именно так. Представляю, что сказал бы мой брат, если бы я вздумала так себя вести.

— Да, точно, — поддержал ее мистер Хупдрайвер. — Мало не показалось бы.

Буфетчица опустила взгляд и, с улыбкой покачав головой, поставила вытертый стакан, взяла следующий и тщательно стряхнула капли в маленькую оцинкованную раковину.

— Хороша она будет, когда решит выйти замуж. На свадьбу оденется неведомо как. О чем только думают нынешние девушки?

Осуждающий комментарий в адрес молодой леди в сером не понравился мистеру Хупдрайверу.

— Во всем виновата мода, — отозвался он, забирая сдачу. — Для вас, женщин, мода всегда самая

главная цель. Не пройдет и двух лет, как вы сами наденете брюки.

— Хороша я в них буду при своей-то фигуре! — хихикнула буфетчица. — Нет уж, спасибо. Мне ваша мода не нужна ни за какие деньги. Я буду чувствовать себя так, будто чего-то не хватает, будто я что-то забыла надеть. Но заболталась я тут с вами! — Она со стуком поставила стакан на поднос, добавив напоследок: — Такая вот я старомодная. — И, тихо напевая, пошла вдоль бара.

— Только не вы, — любезно произнес мистер Хупдрайвер, затем дождался, когда она посмотрит в его сторону, вежливо улыбнулся, приподнял кепку и пожелал ей спокойной ночи.

XIX. Мечты и планы

Мистер Хупдрайвер вернулся в свою маленькую комнатку, где не так давно ужинал и где сейчас была приготовлена удобная постель, сел на сундук возле окна, посмотрел на всходившую над домом священника луну и попытался сосредоточиться. Поначалу мысли разбегались в разные стороны. Был одиннадцатый час, и большинство жителей Мидхерста уже легли спать, но в конце улицы кто-то прилежно упражнялся в игре на скрипке, время от времени доносились шаги спешившего домой запоздалого прохожего, а в саду, перебегая с места на место, деловито кричал коростель. Небо стало синим, лишь из-за темного края холма выбивался последний отблеск заката, а на небосводе властвовала бледная луна, снисходительно допустив к себе пару желтых звездочек.

Поначалу мысли нашего героя носили подвижный характер и были сосредоточены на действиях, а не на отношениях. Существовали злодей и его жертва, и мистер Хупдрайвер ощущал необходимость вступить в игру. Итак,

он женат. Известно ли об этом молодой особе? Даже на миг он не подумал ее осудить. Простодушные люди разбираются в вопросах морали намного лучше высокомерных умников, прочитавших множество книг и высушивших свой мозг абстрактными размышлениями. Наш герой услышал нежный голос, увидел искренний взгляд и даже слезы; этого оказалось вполне достаточно. Пока он не понимал суть конфликта, однако не сомневался, что скоро непременно поймет. А этот ухмыляющийся тип… «Свинья» — вот самое мягкое для него слово. Вспомнился отвратительный разговор под железнодорожным мостом.

— Тогда больше вас не задерживаем, спасибо, — передразнивая Бечемела, произнес мистер Хупдрайвер неестественным, противным голосом. — Негодяй! Но ничего, я с ним расквитаюсь. Клянусь, он боится нас, детективов, — добавил он нарочито громко (на тот случай, если бы в этот момент миссис Вордор стояла за дверью и подслушивала).

Некоторое время наш герой обдумывал различные способы расправы и мести — надо заметить, по большей части физически невозможные. Например, он представлял, как Бечемел падает навзничь от его удара крупным, но, честно гово-

ря, отнюдь не мощным кулаком или, несмотря на рост пять футов девять дюймов, словно пушинка, взлетает на воздух и извивается под эффектными ударами хлыста. Мечты оказались столь приятными, что остроносое лицо нашего героя в свете луны преобразилось. В эту минуту его вдохновенный облик напоминал знаменитый образ с картины Джеймса Сента «Пробуждение души»[14] — таким сладостным был охвативший его экстаз. Наконец после шести-семи яростных ударов, дуэли и пары безжалостных убийств наш герой удовлетворил свою жажду мести и переключился на молодую леди в сером.

Мисс Милтон выглядела в его глазах отважной. Ему вспомнился рассказ о ней буфетчицы из гостиницы «Ангел». Бурные мысли тут же успокоились, и в них, как в зеркале, ясно и в мельчайших подробностях отразился светлый облик молодой леди в сером. Мистер Хупдрайвер никогда не встречал подобной особы. Разве можно представить толстую буфетчицу в столь смелом костюме? Он презрительно усмехнулся и сравнил свою богиню: ее румянец, энергию, голос — с молодыми продавщицами, с которыми

[14] Сноски: 14

Сент Джеймс (1820–1916) — английский художник, специализировавшийся на портретах женщин и детей.

приходилось вместе работать. Богиня оставалась прекрасной даже в слезах в отличие от плачущих продавщиц с растрепанными волосами, распухшими лицами и покрасневшими носами. Более того, в слезах молодая леди в сером была для него еще прекраснее, так как выглядела мягче, слабее, доступнее. А как она улыбалась! Уж он-то отлично это знал.

Трудно сказать, сколько времени наш герой провел в задумчивости, но в какой-то момент вновь почувствовал желание действовать и многозначительно подмигнул бледной морщинистой луне. Он вспомнил, что отныне является сыщиком, а значит, завтра должен выйти на службу, и достал блокнот, чтобы, как и подобает настоящим сыщикам, делать пометки, и снова задумался. Интересно, рассказал ли ей спутник, что за ними установлена слежка? Если так, то захочет ли она тоже уехать из Мидхерста как можно раньше? Нужно быть начеку. Хорошо было бы с ней поговорить, бросить хотя бы пару выразительных фраз, например: «Я — ваш друг. Доверьтесь мне!» Возможно, завтра, чтобы улизнуть, они встанут ни свет ни заря. При этой мысли мистер Хупдрайвер взглянул на часы, увидел, что уже половина двенадцатого, и воскликнул:

— Господи, как поздно! Нужно скорее лечь, чтобы не проспать!

Он зевнул и встал с сундука, затем раздвинул ситцевые занавески, чтобы первые лучи солнца коснулись лица (ставни не были опущены), повесил часы на видное место — на гвоздик, поверх грелки для чайника, и лег в кровать. Какое-то время он лежал, представляя чудесные приключения завтрашнего дня, а затем блаженно удалился в волшебное царство снов.

XX. Погоня

Мистер Хупдрайвер вскочил с первыми лучами солнца — бодрый, активный, — распахнул окно и, прислушиваясь, стал бросать беглые взгляды на фасад гостиницы «Ангел». Миссис Вордор предложила позавтракать внизу, в кухне, однако для этого пришлось бы покинуть наблюдательный пункт, и наш герой категорически отказался. Велосипед стоял наготове в магазине — вопреки возражениям хозяйки. В шесть утра мистер Хупдрайвер ждал, что пара покинет гостиницу с минуты на минуту, в девять испугался, что добыча скрылась от него, и совершил вылазку во двор «Ангела», чтобы выяснить, на месте ли средства передвижения. Увидев, как конюх (до чего же низко пали в наши дни сильные мира сего!) чистит велосипеды, он с облегчением вернулся в свою комнату. Пара появилась около десяти и спокойно поехала вверх по Норт-стрит. Преследователь дождался, когда они скроются за углом почты, и только тогда помчался за ними. Велосипедисты миновали локомотивное депо, где вместе с позорными столбами хранилось

устаревшее оборудование, и выехали на дорогу, ведущую в Чичестер. Галантно соблюдая почтительное расстояние, наш герой направился за ними. Великая погоня началась.

Преследуемые не оглядывались, а преследователь осторожно соблюдал дистанцию, однако не упускал объект из виду. Если же он оказывался слишком близко, то спускался на землю и некоторое время шел пешком. В целом, энергично крутя педали, он сохранял удобное расстояние, так как путешественники не спешили. Ему было жарко, колени начали неметь, но больше никаких неприятных ощущений не возникало. Опасность потерять цель из виду не пугала, поскольку дорогу покрывал тонкий слой меловой пыли, на которой четко отпечатывался след шин велосипедов: ее — похожий на рисунок на ребре монеты в шиллинг, его — в виде клетчатой ленты. Они миновали ферму Кобден, проехали по очаровательным деревушкам; наконец впереди показались поросшие деревьями мягкие холмы. Путешественники остановились в единственной гостинице, а мистер Хупдрайвер устроился на обочине так, чтобы видеть дверь. Его мучила жажда, однако единственное, что он себе позволил, — это вытереть лицо и закурить сигарету.

Пара оставалась в гостинице довольно долго. Компания возвращавшихся из школы круглощеких мальчишек остановилась напротив незнакомца и, выстроившись в ряд, принялась беззастенчиво его разглядывать.

— Убирайтесь прочь, — раздраженно потребовал наш герой, однако зрители даже не пошевелились. Тогда он начал спрашивать каждого, как его зовут, но ответы звучали невразумительно. В конце концов он утомился и умолк, а детям вскоре наскучило стоять, и они побрели своей дорогой.

Тем временем пара по-прежнему оставалась в гостинице, и мистер Хупдрайвер начал страдать не только от жажды, но и от голода. Они наверняка занялись ланчем, причем обстоятельным. День выдался ясным: солнце стояло уже высоко и безжалостно пекло макушку. Голова начала кружиться. Наконец преследуемые вышли из гостиницы. Другой человек в коричневом костюме оглянулся и увидел нашего героя.

Они доехали до подножия холма, сошли на землю и медленно, с трудом повели велосипеды вверх по почти вертикальной ослепительно белой дороге. Мистер Хупдрайвер задумчиво посмотрел им вслед: подъем займет не меньше

двадцати минут, а затем предстоит несколько миль пологого спуска по пустой, лишенной растительности и жилья местности. Ничто не мешало ему вернуться в гостиницу и наспех перекусить.

В гостинице ему принесли галеты с сыром и огромную кружку предательского пива — приятного на вкус, освежающего, но в жару наливающего ноги свинцом. Выйдя на улицу, в безжалостное пекло, наш герой ощутил прилив сил, однако уже у подножия холма ему показалось, что мозг вот-вот расплавится от жары. С каждым шагом склон становился все круче, а меловая дорога слепила глаза, к тому же переднее колесо начало противно скрипеть. Мистер Хупдрайвер чувствовал себя, должно быть, как марсианин, очутившийся на Земле, то есть втрое тяжелее. Вскоре две крошечные черные фигурки скрылись за холмом. «Следы все равно останутся», — мысленно успокоил себя наш герой.

Да, осознание неминуемого успеха придавало уверенности, оправдывая не только медленный подъем, но и отдых на вершине с видом на южную часть долины. Всего за два дня наш путешественник преодолел обширное пространство с застывшими волнами зеленых холмов Уилда, разбросанными там и сям крошечными

деревнями и живописными городками, с рощами и полями, с отливающими серебром озерами и речками. Теперь северная сторона долины скрылась за вершиной холма, а взору открылась иная панорама: непосредственно внизу расположилась маленькая деревня Кокинг, а на расстоянии мили вправо, на склоне, словно повиснув в пространстве, мирно паслось стадо овец. Высоко в небе парил невидимый чибис, время от времени оповещая о своем присутствии негромким, но пронзительным криком. Здесь, наверху, жара немного спала, дул приятный свежий ветерок. Мистера Хупдрайвера охватило чувство глупого довольства, он зажег сигарету и прилег на мягкую траву. Да, кажется, в Суссексе пиво варили на воде из Леты[15], из макового отвара и приятных снов, ибо к нему незаметно, коварно подобралась сладкая дрема.

Проснувшись и увидев себя распластанным на траве, в съехавшей набок кепке, наше герой испытал чувство вины. Он сел, протер глаза и понял, что спал. Голова немного прояснилась, но все еще оставалась тяжелой. А что же погоня? Он вскочил и поднял лежавший рядом велосипед,

---

[15] Сноски: 15

Лета — в древнегреческой мифологии река забвения.

достал часы и увидел, что уже больше двух. «Господи милостивый, подумать только! — мысленно воскликнул мистер Хупдрайвер и тут же себя успокоил: — Но ведь следы-то все равно остались». Он вывел машину на дорогу, вскочил на сиденье и поехал так быстро, как позволяли жара и сохранившаяся усталость. Время от времени ему приходилось останавливаться на развилках и пристально рассматривать дорогу. Впрочем, этот процесс доставлял удовольствие.

— Настоящая слежка, — произнес он вслух и мысленно похвалил себя за природный инстинкт сыщика.

Миновав станции Гудвуд и Лавант, к четырем часам наш неутомимый преследователь прибыл в Чичестер, где столкнулся с ужасным затруднением: на подступах к городу дорога оказалась каменистой, к тому же местами сплошь затоптанной недавно прошедшим стадом овец. В самом Чичестере булыжные мостовые уводили на все четыре стороны, а возле старинного каменного креста, стоявшего в тени собора, следы окончательно исчезли.

— Боже мой! — громко воскликнул мистер Хупдрайвер, слез с велосипеда и в растерянности замер.

— Что-нибудь потеряли? — участливо осведомился проходивший мимо местный житель.

— Да, потерял нить, — ответил мистер Хупдрайвер и горестно побрел куда глаза глядят, оставив любознательного обитателя Чичестера гадать, какая из деталей велосипеда называется нитью.

Немного успокоившись, наш герой принялся спрашивать прохожих, не видели ли они молодую леди в сером на велосипеде. Получив шесть отрицательных ответов, он почувствовал, что его расспросы кажутся странными, и бросил это занятие. Но что же делать?

Страдая от жары, голода и усталости, он зашел в гостиницу «Король Георг» и заказал холодное мясо и чай, а в ожидании еды стал предаваться меланхоличным размышлениям. Молодая леди в сером и ее коварный спутник исчезли из поля зрения, бесследно испарились, а вместе с ними испарились восхитительные мечты о некоем туманном, но роковом вмешательстве в чужую жизнь. Как он просчитался, не прилипнув к ним подобно пиявке! Но что сожалеть понапрасну? При мысли о слезах прекрасной дамы, о ее беспомощности, о нахальном поведении бесцеремонного спутника его охватила волна безудержного гнева и раздражения.

— Что теперь делать? — спросил мистер Хупдрайвер вслух, стукнув кулаком по столу и едва не задев чайник.

А как бы в данной ситуации поступил Шерлок Холмс? Хотя век чудес миновал; может быть, на свете все-таки существуют такие вещи, как неопровержимые улики? Но неужели не остается ничего другого, кроме как искать эти улики в сложном переплетении булыжных мостовых, заглядывая в каждую грязную расщелину? Конечно, можно навести справки в городских гостиницах. Именно на этом варианте и остановился наш герой. Однако молодая леди в сером и ее спутник могли проехать, нигде не задерживаясь и не привлекая внимания, тогда ни одна душа их не заметила. Внезапно в голову пришла поистине блестящая идея.

— Сколько дорог выходит из Чичестера? — вслух спросил себя мистер Хупдрайвер. Да, вопрос, достойный самого Шерлока Холмса. — Если они оставили следы, то рано или поздно я эти следы увижу, а если нет, значит, они по-прежнему отдыхают в городе.

Объезжая Чичестер, он попутно выяснил, что город обнесен стеной, а заодно навел справки в гостинцах «Черый лебедь», «Корона» и «Красный

лев». В шесть вечера наш герой, унылый и злой, медленно брел по дороге в Богнор, поднимая пыль и внимательно глядя под ноги, словно искал потерянные деньги. И вдруг в глаза ему бросился отчетливый след, похожий на ребро шиллинга, а рядом еще один, в виде клетчатой ленты.

— Есть! — победно воскликнул мистер Хупдрайвер, круто развернулся и сломя голову побежал в гостиницу «Король Георг», где оставил для ремонта велосипед.

Занимавшийся починкой конюх решил, что как владелец такой плохонькой машины он держится чертовски высокомерно.

XXI. В Богноре

Коварный соблазнитель Бечемел упорно стремился к намеченной цели. Он задумал этот романтический побег, гордый своей безнравственностью и действительно влюбленный в Джесси — конечно, в той мере, в какой может быть влюблен человек с искусственной душой. Однако сама Джесси то ли оказалась невероятной кокеткой, то ли была неспособна испытывать Страсть (да-да, с заглавной буквы). Будучи высокого мнения о себе и имея определенное представление о женском характере, Бечемел не мог смириться с тем очевидным фактом, что даже в самых благоприятных условиях мисс Милтон вела себя столь неправильно. Ее неизменная холодность и нескрываемое презрение страшно раздражали. Бечемел убеждал себя, что она может рассердить даже святого, и старался относиться к упрямству как к пикантной и даже приятной особенности ее характера, однако его тщеславие испытывало один болезненный удар за другим. На самом же деле под покровом раздражения наконец-то проявился истинный мужчина, причем, несмотря на

диплом Оксфордского университета и членство в клубе молодых журналистов, этот истинный мужчина ничем не отличался от первобытного существа с его примитивными вкусами и жестокими методами.

«Ничего, я с тобой разберусь» — вот такая немудреная мысль словно плугом пропахала сознание утонченного джентльмена.

Да еще, черт возьми, этот проклятый сыщик! Жене Бечемел сказал, что едет в Давос навестить Картера. Кажется, она приняла эту версию. Но вот как она отнесется к такому приключению, невозможно даже представить. Жена придерживалась своеобразных моральных принципов, а супружескую неверность оценивала в зависимости от того, как это отразится на ее собственной персоне. Вдали от нее, а главное — вдали от других женщин ее круга этот порок, присущий слабым презренным существам — мужчинам, можно было бы простить. Но ведь сейчас зло совершалось на большой дороге! Жена обязательно устроит скандал, а подобные скандалы неизменно заканчивались для Бечемела ограничением в средствах. И все же (приняв решение, он чувствовал себя героем) это приключение того стоило. Воображение создало образ ревнивой Валь-

рии, и в воздухе повеяло духом погони и мести. Но на авансцене царила идиллия. Судя по всему, проклятого сыщика удалось сбить со следа, и теперь ничто не мешало провести ночь спокойно. Однако неприятности могли поджидать в любой момент. Так и вышло.

В восемь часов вечера в маленьком ресторане гостиницы «Викуна» в Богноре разразился кризис. Рассерженная, пылавшая гневом, оскорбленная Джесси вступила в последний, решительный бой. В этот раз мистеру Бечемелу удалось обвести спутницу вокруг пальца и зарегистрировать как миссис Бомонт. Если не считать ее категорического отказа войти в их общую комнату и эксцентричного желания сесть за стол, не вымыв рук, до сих пор в присутствии официанта она вела себя прилично. Однако когда обед подошел к концу, мисс Милтон принялась взывать к его благородству и излагать нелепые, экстравагантные планы своего бегства.

К этому времени Бечемел, разозлившись уже не на шутку, с трудом скрывал кипевший внутри гнев.

— Пойду на станцию, — заявила она. — Поеду домой на поезде.

— Последний поезд ушел в семь сорок две, —

невозмутимо пояснил он.

— Обращусь в полицию…

— Вы не представляете, что такое полиция.

— Попрошу помощи у служащих гостиницы.

— Служащие гостиницы тут же выставят вас на улицу, поскольку вы находитесь в двусмысленном положении. Здесь придерживаются консервативных условностей.

Она сердито вскинула голову:

— Значит, буду всю ночь скитаться по улицам…

— Это вы-то, которая ни разу не выходила из дому в сумерки? Представляете, что творится по ночам на улицах очаровательного приморского городка?

— Мне все равно. Пойду к священнику.

— Здешний священник — очаровательный человек, причем холостой. А мужчины куда больше похожи друг на друга, чем вам кажется. В любом случае…

— Да?

— Как вы объясните кому бы то ни было, где провели последние две ночи? Увы, Джесси, грех совершен.

— Вы подлец, — дрожащим голосом пролепетала мисс Милтон и вдруг поднесла руку к груди,

невероятно побледнев. Казалось, сейчас она упадет в обморок, однако устояла.

— Нет, — возразил Бечемел. — Я вас люблю.

— Любите! — с презрением повторил она.

— Да, люблю.

— Все равно должен быть какой-то выход, — заключила мисс Милтон после долгого раздумья.

— Только не для вас. Для пустынного моста и глубокой черной реки вы слишком полны жизни и надежды. Даже не думайте об этом. В последний момент вы просто испугаетесь и устроите нелепую комедию.

Она резко отвернулась и замерла, глядя вдаль, на мерцавшее море, над которым последние лучи угасавшего дня уступали место восходившей луне. Ставни еще не были опущены, потому что Джесси попросила официанта оставить окна открытыми. Бечемел по-прежнему ощущал свое превосходство. Несколько минут оба хранили молчание.

Наконец Бечемел заговорил самым убедительным тоном, на какой был способен:

— Проявите благоразумие, Джесси. Зачем нам, имеющим так много общего, ссориться и разыгрывать пошлую мелодраму? Клянусь, что люблю вас. Для меня вы олицетворение всего, что есть на

свете яркого и желанного. Я сильнее вас, старше. Я тот мужчина, который вам нужен. И вот вы оказываетесь… такой же, как все!

Мисс Милтон взглянула на него через плечо, и он с восхищением заметил, как она капризно вздернула милый маленький подбородок.

— Мужчина! — повторила она возмущенно. — Мужчина, который мне нужен! Значит, мужчины — лжецы? Готовы использовать опыт своих тридцати пяти лет, чтобы сбить с толку семнадцатилетнюю девушку? Да уж, мужчина, который мне нужен! Хуже оскорбления не придумать!

— Ваша находчивость восхитительна, Джесси, но осмелюсь подтвердить, что мужчины лгут, и не только, особенно когда их сердца в плену у таких прелестных особ, как вы. Ради бога, оставьте свою строптивость! Откуда такая несговорчивость? Я бросил к вашим ногам свою репутацию, карьеру, жизнь, в конце концов. Послушайте, Джесси, даю честное слово, что женюсь на вас…

— Избави бог! — воскликнула она так поспешно, что даже в такой момент не дала ему возможности признаться, а он впервые подумал о том, что она не подозревает о существовании жены.

— Сейчас у нас предварительная помолвка, —

добавил Бечемел, озадаченный внезапным осложнением, потом немного помолчал, собираясь с мыслями, и продолжил: — Перестаньте упрямиться, лучше пойдемте на пляж. Пляж здесь просто замечательный, и скоро взойдет луна.

— Не пойду! — упрямо топнула она ножкой.

— Так-так…

— Ах, оставьте же меня в покое! Дайте подумать!

— Думайте, если хотите, дорогая, — позволил Бечемел, — хотя раздумья вас не спасут. Да и ничто другое тоже не спасет. Если, конечно, ваше спасение заключено в несговорчивости…

— О, уйдите, уйдите!

— Хорошо. Я уйду… выкурить сигару. И буду думать о вас, дорогая… Но неужели вы полагаете, что я затеял бы эту авантюру, если бы не любил вас?

— Уходите, — прошептала она, продолжая смотреть в окно.

Мгновение он стоял, глядя на нее со странным блеском в глазах, а потом подошел ближе и тихо проговорил:

— Вы в моей власти. Пусть пойманы и посажены в клетку, но моя. — Ему захотелось дотронуться до ее плеча, но он не посмел. — Вы в моих руках.

В моей власти. Слышите? Вы моя!

Мисс Милтон не шелохнулась. С полминуты он смотрел молча, потом торжествующе взмахнул рукой, чего она не заметила, и шагнул к двери. Несомненно, на его стороне свойственный женщинам инстинкт подчинения мужской силе.

XXII. Спаситель

А теперь выйдем на окутанную сумерками улицу, где бродит мистер Хупдрайвер. Щеки его пылают, глаза горят, а ум пребывает в полнейшем смятении. Тот нервный, подобострастный, угодливый приказчик Хупдрайвер, которого я представил вам несколько дней назад, волшебным образом преобразился. Потеряв в Чичестере «нить», он начал страдать от ужасных видений: богатое воображение рисовало картины постыдных оскорблений прекрасной беззащитной дамы. Оказавшись в новой необычной обстановке, он мгновенно освободился от привычной покорности. Здесь на горизонте вставала серебристая луна, желтый свет фонарей порождал сумрачные тени, где-то ждала спасения таинственная красавица, а воплощенное зло в коричневом костюме, с неприятным лицом презрительно над ней глумилось. Мистер Хупдрайвер попал в мир рыцарских романов, где тотчас забыл о своем социальном положении и о положении мисс Милтон, освободился от робости, сковывавшей его за прилавком — на его настоящем месте. Он

стал сильным, раздражительным и безрассудным. Жизненная драма, свидетелем которой он стал, затянула его и помогла убежать от скучной реальности. Вновь обрести потерянную «нить» и не воспользоваться таким шансом казалось немыслимой ошибкой. Отныне наш герой жил полной жизнью. Остановившись у таверны и наскоро перекусив, он уже не пытался играть придуманную роль.

В тот момент, когда Бечемел вышел из гостиницы «Викуна» и отправился на прогулку, разочарованный и раздраженный, мистер Хупдрайвер как раз торопливо огибал заведение под названием «Трезвость». При виде противника сердце его подпрыгнуло, гневное беспокойство ушло, а голова лихорадочно заработала. Значит, путешественники остановились в «Викуне» и сейчас мисс Милтон находится там в одиночестве. Именно такого случая ждал наш герой. Однако полагаться на милость фортуны было нельзя, поэтому он снова зашел за угол, дождался, пока Бечемел скроется в сумерках, и только потом вошел в гостиницу, спросил молодую леди в сером, приехавшую на велосипеде, и храбро последовал за служащим.

Дверь в ресторан распахнулась прежде, чем он

успел испугаться, и только потом возникло желание убежать прочь, а лицо, как ему показалось, исказилось судорогой.

Вздрогнув, мисс Милтон обернулась и взглянула на него со страхом и надеждой.

— Могу ли я… сказать вам несколько слов… наедине? — начал мистер Хупдрайвер, с трудом справляясь с дыханием.

Она на миг задумалась, а потом жестом приказала служащему удалиться.

Мистер Хупдрайвер дождался, пока за ним закрылась дверь. Он намеревался выйти на середину комнаты, картинно сложить руки на груди и провозгласить: «Вы в опасности. Я ваш друг. Доверьтесь мне», — но вместо этого немного постоял, отдуваясь, а затем поспешно забормотал с виноватым видом:

— Послушайте, я не знаю, что у вас происходит, но чувствую, что дела идут неважно. Если ошибаюсь, простите за вмешательство, а если действительно что-то не так, то я готов на все, чтобы помочь. Исполню любое ваше желание. Вот что я хотел сказать. Распоряжайтесь мной по своему усмотрению.

Нахмурившись, молодая леди в сером внимательно выслушала великолепную, эмоциональ-

ную речь.

— Вы! — уверенно проговорила мисс Милтон.

Пока он сбивчиво изъяснялся, она успела взвесить все за и против и приняла твердое решение.

— Вы истинный джентльмен, — продолжила она, шагнув ему навстречу.

— Да, — подтвердил мистер Хупдрайвер.

— Могу ли я вам довериться? — спросила она, но ответа дожидаться не стала. — Я должна немедленно покинуть эту гостиницу. Подойдите сюда.

Взяв нашего героя за руку, мисс Милтон подвела его к окну.

— Видите ворота? Они еще открыты, а во дворе стоят наши велосипеды. Пойдите туда и выведите их на улицу, а я к вам спущусь. Сможете?

— Вывести ваш велосипед на дорогу?

— Оба. Один лишь мой пользы не принесет. Отправляйтесь немедленно. Справитесь?

— Как туда попасть?

— Пройдете через главный вход и затем за угол. Я приду через минуту.

— Сделаю! — заверил ее мистер Хупдрайвер и поспешил прочь.

Итак, ему предстояло украсть велосипеды. Даже если бы она приказала убить Бечемела, он исполнил бы поручение, ни на миг не усо-

мнившись. В голове бушевал вихрь мыслей. Он вышел из гостиницы, завернул за угол, попал на большой темный каретный двор и осмотрелся. Никаких велосипедов видно не было. Внезапно из темноты появился человек — низенький, в короткой черной промасленной куртке. Судя по всему, это был конюх. Хупдрайвер понял, что попался, однако убегать не стал.

— Я почистил ваши машины, сэр, — проговорил конюх, узнав коричневый костюм и вежливо приподняв шапку.

Мысль мистера Хупдрайвера воспарила подобно орлу, ситуация мгновенно оказалась под контролем.

— Отлично, — ответил он и, прежде чем успела возникнуть пауза, добавил: — Где мой велосипед? Хочу проверить цепь.

Конюх проводил его в темный сарай, а сам, недовольно что-то бормоча, пошел за фонарем. Мистер Хупдрайвер отвел женский велосипед к двери, чтобы не мешал, а потом выкатил мужской во двор. Ворота оставались открытыми, и за ними виднелась светлая дорога и чернели в сумерках деревья. Он склонился и трясущимися пальцами потрогал цепь. Как же это сделать? За воротами что-то мелькнуло. Надо любым спосо-

бом избавиться от конюха.

— Послушайте, — подчиняясь наитию, проговорил мистер Хундрайвер. — Можете принести отвертку?

Конюх вошел в сарай, открыл и снова закрыл какой-то ящик и тут же вернулся с отверткой в руках. Наш герой окончательно растерялся, взял инструмент и холодно поблагодарил. К счастью, новое озарение не заставило себя ждать.

— Послушайте, — снова произнес он.

— Да?

— Эта отвертка чертовски велика.

Конюх зажег фонарь, поставил на землю рядом с постояльцем и осведомился:

— Хотите отвертку поменьше?

Мистер Хундрайвер поспешно вытащил из кармана платок, закрыл лицо и громко чихнул. Так всегда следует поступать, если вы не хотите, чтобы вас узнали.

— Самую маленькую, какая есть, — прогнусавил он из-под платка.

— Меньше нет, — обиженно заявил конюх.

— Эта не годится, — настойчиво заявил наш герой, не отнимая платок от лица.

— Если желаете, сэр, я пойду в дом и посмотрю, что там у них есть, — предложил конюх.

— Будьте добры, — обрадовался мистер Хупдрайвер.

Тяжелые сапоги застучали по мощеному двору, а рыцарь без страха и упрека мгновенно выпрямился, воровато подкрался к женскому велосипеду, трясущимися руками схватился за руль и сиденье и приготовился к бегству.

Кухонная дверь на миг открылась, выпустив сноп теплого желтого света, и тут же снова закрылась за вошедшим внутрь конюхом. Мистер Хупдрайвер побежал с велосипедом к воротам. Вскоре рядом с ним возникла серая фигурка.

— Давайте сюда, — прошептала мисс Милтон, — и выводите свой.

В темноте, на миг коснувшись теплой руки, он передал ей велосипед, бросился назад и вывел машину Бечемела.

Внезапно желтый свет из кухни снова упал на булыжник двора. Теперь оставалось только одно: бежать. Конюх что-то крикнул ему вслед, но мистер Хупдрайвер уже вышел на дорогу. Серая фигурка почти скрылась в сумерках, и наш герой уверенно вскочил на сиденье. Спустя мгновение конюх выбежал из ворот и во все горло закричал:

— Эй, сэр! Вернитесь! Так не положено!

Однако мистер Хупдрайвер не только не вернулся, но даже не обернулся, настойчиво догоняя молодую леди в сером. Некоторое время вслед неслись истошные крики: «Ловите их!» — и где-то далеко метались призраки полицейских. Но вот дорога завернула за угол и скрыла гостиницу от беглецов. Теперь они ехали рядом вдоль высоких темных живых изгородей.

Когда мистер Хупдрайвер догнал мисс Милтон, она заплакала от волнения и с восторгом провозгласила:

— Герой! Настоящий герой!

И он перестал ощущать себя вором, убегающим от преследователей.

Мистер Хупдрайвер посмотрел вокруг, даже отважно взглянул через плечо и увидел, что они уже выехали из Богнора — ибо гостиница «Викуна» расположена на западной окраине города — и теперь мчались куда глаза глядят по прекрасной широкой дороге.

XXIII. Потрясение

Не отличаясь умом, конюх с криками бросился за беглецами, однако быстро выдохся и, тяжело дыша, вернулся в гостиницу «Викуна». У входа уже стояла группа любознательных горожан, желавших узнать, что за событие нарушило их вечерний покой. Он остановился, чтобы поведать историю бессовестного обмана, и это обстоятельство подарило беглецам добрых пять минут. Потом конюх шумно вломился в бар и повторил свой рассказ буфетчице. Поскольку хозяин отсутствовал, последовало бурное обсуждение, что же теперь делать. В это время с улицы вошли двое постояльцев и приняли активное участие в разговоре. Было сделано несколько малополезных заявлений и дана моральная оценка произошедшему. Мнения разделились. Одни считали, что необходимо сообщить в полицию, другие советовали преследовать беглецов на лошади. Так прошло еще минут десять. Затем из ресторана явился Стивен — тот самый служащий, который впустил мистера Хупдрайвера, — и придал дискуссии новое направление, задав простой

вопрос: «Который из них?» Таким образом десять минут растянулись до четверти часа. В разгар спора, повергнув всех в ужас и заставив мгновенно умолкнуть, в холле за баром возник мистер Бечемел собственной персоной, решительно прошагал к лестнице и скрылся из виду. Представляете, как выглядел его необычной формы затылок? Собравшиеся в баре недоуменно переглянулись и замерли в напряженном ожидании; приглушенные ковром шаги были слышны на лестнице, затем со стороны коридора и, наконец, в направлении ресторана.

— Не этот, мисс, — пробормотал конюх. — Готов поклясться.

— Это мистер Бомонт, — засвидетельствовала буфетчица. — Точно.

Все снова прислушались.

Мистер Бечемел остановился, потом развернулся и покинул ресторан, направился к спальне, снова остановился.

— Бедняга! — посочувствовала буфетчица. — А она нехорошая женщина.

— Тсс! — прошипел Стивен.

Немного постояв, мистер Бечемел вернулся в ресторан. Внизу было слышно, как скрипнуло под ним кресло.

— Пойду наверх, — заявил Стивен. — Надо сообщить печальную новость.

Он вошел в ресторан без стука, и мистер Бечемел взглянул на него поверх газеты недельной давности. Выражение его лица красноречиво говорило, что он ожидал увидеть кого-то другого.

— Прошу прощения, сэр, — дипломатично кашлянув, начал Стивен

— Да? — отозвался Бечемел, внезапно подумав, уж не осуществила ли Джесси какую-нибудь из своих нелепых угроз. Если так, он готов к объяснениям — просто скажет, что она одержима навязчивой идеей, и добавит: «Оставьте нас. Я знаю, как ее успокоить».

— Миссис Бомонт … — проговорил Стивен.

— Да?

— Уехала.

От удивления Бечемел вскочил и повторил с нервным смешком:

— Уехала?

— Уехала, сэр. На велосипеде.

— На велосипеде! Но почему?

— Уехала, сэр, с другим джентльменом.

На сей раз известие не просто удивило, а потрясло.

— С другим джентльменом? Но с кем?!

— С другим джентльменом в коричневом костюме, сэр. Примерно двадцать минут назад он вышел во двор, забрал два велосипеда, сэр, и уехал вместе с ней, сэр.

Мистер Бечемел застыл, вытаращив глаза и сжав кулаки. С огромным удовольствием наблюдая за его реакцией, Стивен раздумывал, что предпримет обманутый муж: заплачет, осыплет изменницу проклятиями или немедленно бросится в погоню. Но пока тот выглядел просто потрясенным.

— В коричневом костюме? — уточнил Бечемел. — Волосы светлые?

— Примерно такие же, как у вас, сэр. Конюх Джим Дюк…

Мистер Бечемел нервно рассмеялся, а потом произнес несколько пламенных выражений… Однако не станем повторять, что именно он сказал.

— Я должен был это предвидеть! — заключил он обреченно, снова бросился в кресло и как обычный простой человек добавил: — А ну ее к черту! Плевать я на нее хотел! Значит, уехали вдвоем?

— Да, сэр.

— Что же, скатертью дорога, — мудро напутствовал их Бечемел. — Скатертью дорога. Мне все

равно. Желаю ему удачи. А теперь будьте добры, принесите бурбон, да поскорее. Выпью и еще раз пройдусь по Богнору, а потом лягу спать.

Стивен был удивлен и переспросил:

— Бурбон, сэр?

— Идите же! — прикрикнул Бечемел. — Черт подери!

— Да, сэр, — промолвил озадаченный Стивен, нащупал за спиной дверную ручку и вышел.

Отправив восвояси навязчивого служащего, мистер Бечемел забыл о приличиях и разразился потоком грязной брани. Кто бы ни подослал сыщика: его жена или ее мачеха, — она сбежала с этим парнем, и на этом его романтическая история закончилась. И вот он сидит здесь, обманутый и преданный, осел ослом. Единственный луч надежды заключался в том, что скорее всего побег организовала ее мачеха. В таком случае дело удастся замять, а грозный час объяснения с женой отодвинется на неопределенное время. Но здесь воображение вновь услужливо нарисовало стройную фигурку в серых брючках до колен, и в душе взыграла новая волна проклятий. Мистер Бечемел вскочил в бешеном порыве, чтобы броситься в погоню, однако тут же снова рухнул в кресло, причем так тяжело, что расположенный

этажом ниже бар содрогнулся до основания. Он изо всех сил стукнул кулаком по подлокотнику и вновь грязно выругался.

— Из всех когда-нибудь живших на земле законченных идиотов, — начал он, — я, Бечемел…

Но тут послышался короткий стук, дверь распахнулась, и вошел Стивен с бурбоном.

XXIV. Поездка при луне

Вот так двадцать минут превратились в вечность. Оставим безнравственного Бечемела покрывать себя проклятиями, словно черной мантией: отвратительный тип успел уже достаточно запятнать наши скромные, но правдивые страницы. Оставим оживленную группу в баре гостиницы «Викуна». Оставим весь Богнор, как ранее оставили Чичестер, Мидхерст, Хейзлмир, Гилдфорд и Патни, и последуем за нашим дорогим простодушным мистером Хупдрайвером и его прекрасной спутницей по залитой лунным светом дороге. До чего же славно они ехали! Их сердца бились в унисон, их дыхание с шумом вырывалось в едином ритме, каждая тень таила опасность, а каждый звук пугал преследованием!

Мистер Хупдрайвер не ехал по земле — нет, он летел в небесном мире романтики! Если бы встречный полицейский пожелал остановить велосипедистов за езду без фонарей, он, не задумываясь, сбил бы стража порядка с ног и даже не остановился. Настоящий герой! А если бы

Бечемел предстал с готовыми для дуэли рапирами, Хупдрайвер поверг бы соперника с такой легкостью, словно битва при Азенкуре была для него реальностью, а магазин тканей всего-навсего призрачным видением. Всем его существом овладело блаженство спасения, побега, славы! А рядом, совсем близко, ехала Она! Он уже видел прекрасное лицо в тени, когда солнечный свет едва касался волос, видел это лицо согретым теплыми лучами, видел в печали, с полными слез глазами. Но разве способен какой-нибудь свет сравниться с мягким, чарующим обаянием летней луны?

Дорога повернула на север, обогнула окраину Богнора, спряталась под густыми темными кронами деревьев, а потом снова вышла на свободу и повела между домами — то освещенными теплым мерцанием ламп, то темными, спавшими в лунном свете, между живыми изгородями, за которыми в тяжелом влажном тумане раскинулись просторные тускло-серые луга. Поначалу беглецы не представляли, куда едут, желая побыстрее оказаться как можно дальше от городка. Лишь однажды, когда из росистой тьмы неожиданно показался бледный высокий шпиль чичестерского собора, они свернули на запад и затем поехали

дальше, только изредка — на поворотах, при звуке шагов или неровностях дороги — перекидываясь парой слов.

Мисс Милтон была чересчур поглощена мыслями о своем спасении, чтобы думать о спутнике, однако мистер Хупдрайвер, едва улеглось первое волнение приключения, а побег превратился в размеренное путешествие, со всей полнотой осознал значительность события. Лишь тихое жужжание велосипедных цепей нарушало безмолвие теплой ночи. Он мельком взглянул на нее, на то, как стройные ножки грациозно крутят педали. Вот дорога свернула на запад, и в серебристом мерцании луны спутница превратилась в темно-серый силуэт. А потом они поехали на север, и мягкий прохладный свет ласково лег на волосы, коснулся лба и щек.

Сияние луны обладает магическим свойством: оно касается всего, что красиво и мило сердцу, оставляя лишнее в ночной тьме. Сияние луны создает волшебных фей, которых убивают солнечные лучи; при виде ночного светила в наших сердцах возникают чудесные страны, где из туманных далей доносятся дивные голоса и слышатся тихие, трогающие душу мелодии. В лунном сиянии каждый мужчина, каким бы скучным он

ни был днем, становится Эндимионом[16], принимая его молодость и силу, и встречает в глазах дамы сердца благодарное обожание. Привычные днем, самые простые предметы вдруг становятся призрачными и неуловимыми, далекие холмы превращаются в фантастическую морскую стихию, реальный мир приобретает свойства мира волшебного, а наше духовное начало выступает из темноты и, теряя вес и сущность, воспаряет к небесам.

Дорога, днем пыльная, слепящая, изрезанная колеями, сейчас превратилась в мягкую серую ленту, изредка оживляемую серебряным проблеском какого-нибудь мелкого кристалла, а над головой в бескрайнем синем просторе плыла царица тишины в преданном сопровождении двух ярких звезд. Под ее пристальным, но милостивым наблюдением, под благословением серебристого света в преображенной и преображающей ночи молча парили двое.

Однако нигде луна не сияла так ярко, как в сознании мистера Хупдрайвера. На развилках и перекрестках он мгновенно, с видом глубокого понимания (на самом же деле наугад) принимал

---

[16] Сноски: 16

Эндимион — в древнегреческой мифологии знаменитый своей красотой юноша, царь Элиды; зд. — олицетворение красоты.

решения. Лаконично командовал: «Направо», — или распоряжался: «Налево», — с таким уверенным видом, будто действительно знал, куда следует повернуть. В итоге примерно через час наши путешественники неожиданно спустились к берегу моря. В обе стороны простирался серый каменистый пляж, а чуть дальше, отгородившись от воды спавшей рыбацкой лодкой, приютилась крошечная белая хижина.

— Ну вот! — вполголоса произнес мистер Хупдрайвер.

Оба быстро спустились на землю. Вокруг росли причудливые в лунном свете чахлые дубы и кусты терновника, образовывавшие подобие живой изгороди.

— Вы в безопасности, — объявил мистер Хупдрайвер, сняв головной убор и изысканно поклонившись.

— Где мы?

— В надежном месте.

— Но где же?

— В Чичестерской гавани, — простер он торжественно руку в сторону моря, словно достиг намеченной цели.

— Как по-вашему, они гонятся за нами?

— Мы много раз меняли направление. Даже ес-

ли и гнались, то давно потеряли след и отстали.

Мистеру Хупдрайверу показалось, что спутница всхлипнула. Она оставалась чуть поодаль, держа свой велосипед, а он держал свой и не мог подойти ближе, чтобы понять, плачет она или просто тяжело дышит.

— Что нам теперь делать? — послышался ее тихий голос.

— Вы устали? — спросил он.

Она покачала головой:

— Я готова сделать все, что нужно.

Некоторое время две темные фигуры молча, неподвижно стояли в тусклом свете.

— Знаете, — заговорила мисс Милтон, — почему-то я совсем вас не боюсь. Уверена, что вы порядочный человек. А ведь я даже не знаю, как вас зовут!

Внезапно он устыдился своей непритязательной фамилии и смущенно ответил:

— У меня некрасивое имя, но, доверяя мне, вы правы. Я готов… готов для вас сделать что угодно… не только такую малость.

На миг она перестала дышать, хотя спросить, почему он готов на все, не осмелилась. Но по сравнению с Бечемелом…

— Значит, мы доверяем друг другу, — прогово-

рила она. — Хотите узнать мою историю? — И так как он молчал, продолжила: — Тот человек пообещал помочь и защитить. Дома я чувствовала себя несчастной, неважно отчего. Мачеха обрекла меня на праздное, пустое существование, чиня во всем препятствия… Пожалуй, этого достаточно. А потом появился он и разговорами об искусстве, литературе воспламенил мое сознание. Мне захотелось выйти в мир, стать человеком, а не вещью в сундуке. А он…

— Знаю, — произнес Хупдрайвер.

— И вот я здесь …

— Я сделаю что угодно, — вновь пообещал Хупдрайвер.

Она задумалась.

— Вы не представляете мою мачеху. Нет! Даже не берусь ее описать!

— Я всецело в вашем распоряжении и готов помогать всеми силами.

— Значит, я рассталась с иллюзией и встретила рыцаря.

Под иллюзией она имела в виду Бечемела.

Мистер Хупдрайвер почувствовал себя польщенным, но достойного ответа не нашел.

— Я пытаюсь понять, — наконец заговорил он, исполненный восторга от своей миссии покро-

вителя, — что сейчас следует делать. Конечно, вы устали, да и блуждать всю ночь после такого тяжелого дня невозможно.

— Кажется, мы проезжали мимо Чичестера? — спросила она.

— Если бы, — задумчиво проговорил он дрожащим голосом, — вы согласились назвать меня своим братом, мисс Милтон…

— Да?

— Мы смогли бы остановиться там вместе.

Она задумалась.

— Я сейчас зажгу фонари, — сообщил мистер Хупдрайвер, нагнулся и чиркнул спичкой о подошву.

Она взглянула на освещенное огоньком его лицо, серьезное и сосредоточенное. И как можно было считать его заурядным и нелепым?

— Но вы должны сказать свое имя, брат, — проговорила мисс Милтон после затянувшегося молчания.

— Мм… Каррингтон, — на миг запнувшись, произнес мистер Хупдрайвер. Кто захотел бы в такую ночь назваться Хупдрайвером?

— А имя?

— Имя? Мое имя… Крис. — Он зажег свой фонарь и выпрямился. — Если подержите мою

машину, зажгу и ваш фонарь тоже.

Она послушно взяла его велосипед. На миг они оказались лицом к лицу.

— А меня зовут Джесси, брат Крис.

Наш герой взглянул в ее карие глаза и от волнения едва не утратил дар речи.

— Джесси, — медленно повторил он и умолк.

Выражение его лица подействовало на нее странным образом. Надо было что-то сказать, чтобы разрядить напряжение, и она со смехом добавила:

— Не очень редкое имя, правда?

Мистер Хупдрайвер открыл рот, но тут же снова закрыл и, поспешно отвернувшись, занялся фонарем на руле ее машины, а она с необъяснимым одобрением смотрела, как он стоит едва ли не на коленях.

Как я уже упоминал, настало время полнолуния.

XXV. Завершение самого удивительного дня

Оставшуюся часть ночного путешествия мистер Хупдрайвер вел себя так же, как прежде, уверенно и достойно. Благодаря удаче и тому обстоятельству, что сельские дороги неизменно ведут в ближайший город, в конце концов наши путешественники приехали в Чичестер. Поначалу показалось, что все в городе уже спят, однако окна гостиницы «Красная» по-прежнему излучали теплый желтый свет. Впервые в жизни наш герой отважился переступить порог первоклассного отеля, но тем вечером его ничто не страшило.

— Значит, вы все-таки нашли свою молодую леди, — одобрительно заметил конюх, оказавшийся одним из тех, кого мистер Хупдрайвер расспрашивал днем.

— Да, случилось небольшое недоразумение, — ни на миг не замешкавшись, ответил наш герой. — Сестра уехала в Богнор, но я ее догнал и вернул. У вас здесь очень хорошо. И луна светит просто божественно!.. Мы уже поужинали, спа-

сибо, — продолжил он. — К тому же невероятно устали. Ведь ты не голодна, Джесси?

Какое счастье быть рядом с ней, пусть даже в качестве выдуманного брата, и называть вот так просто: Джесси! И мистер Хупдрайвер с гордостью подумал, что держится великолепно.

— Спокойной ночи, сестричка, — пожелал он благодушно. — Приятных сновидений. А я, пожалуй, посмотрю газету и потом тоже лягу.

«Вот это жизнь!» — добавил он мысленно.

Так галантно мистер Хупдрайвер завершил самый удивительный день своей жизни. Вы, конечно, помните, что начался этот день в Мидхерсте, на рассвете, с дежурства у окна маленького гостевого дома напротив гостиницы «Ангел». Но только представьте, сколько событий произошло с тех пор! Преданный рыцарь поймал себя на середине зевка, достал часы, увидел, что уже половина двенадцатого, и, по праву чувствуя себя героем, отправился в постель.

XXVI. Интермедия в Сурбитоне

Здесь, по милости всемогущего сна, вновь наступает перерыв в повествовании. Исполненные безрассудства молодые люди спокойно лежали в кроватях, а их умные головы были полны причудливых снов. Однако благодаря бездействию главных персонажей на ближайшие восемь часов, если не больше, мир был избавлен от дальнейшего развития событий. Возможно, вас удивит, но оба спали крепким здоровым сном. Девушка — на что способны современные девушки, может сказать только миссис Линн Линтон[17] — без тени смущения разделяла общество совершенно незнакомого мужчины низкого происхождения и считала, что находится в полной безопасности, больше того — даже немного гордилась этим приключением. А мистер Хупдрайвер вел себя как оптимистичный идиот. Украл велосипед, похитил молодую леди, присвоил чужие имя и фамилию и со всем этим добром явился в недо-

[17] Сноски: 17

Линтон Элиза Линн (1822–1898) — английская писательница, автор более двадцати романов, первая в Великобритании женщина-журналист.

ступную по средствам гостиницу, а теперь даже во сне восхвалял себя за вопиющую, ни с чем не сравнимую глупость. Бывают ситуации, когда склонный к морализаторству романист может лишь горестно заломить руки и позволить событиям развиваться независимо от его замысла. Мистер Хупдрайвер не думал о том, что завтра же утром его могут арестовать за похищение велосипеда, а в Богноре, помимо печального рудимента Бечемела (с которым нас, к счастью, больше ничто не связывает), в таверне остался заказанный им стейк, давно превратившийся в угли, в спальне наверху лежит брезентовая сумка, а в сарае в качестве залога крепко-накрепко заперт тяжеловесный старомодный велосипед. Он не думал о том, что завтра превратится в пропавшего постояльца и по всему морскому побережью начнутся поиски его тела.

А ведь мы до сих пор ни разу не заглянули в охваченный тревогой дом в Сурбитоне — несомненно, уже знакомый вам по иллюстрированным интервью, где безутешная мачеха…

Здесь необходимо пояснить, что эта мачеха прекрасно вам известна. Да, я приготовил небольшой сюрприз: она — пишущий под псевдонимом Томас Плантагенет одаренный автор остроум-

ной и смелой книги «Душа без оков» и просто замечательная женщина, хотя и несколько странная. Настоящая ее фамилия — Милтон. Она вдова, причем очаровательная, и всего на десять лет старше падчерицы, а свои самые дерзкие романы неизменно посвящает светлой памяти своего мужа, чтобы показать, что в них нет ничего личного. Несмотря на литературную репутацию (романистка всегда говорила о себе как о страдалице за правду, потому что критики подвергали ее непристойные сочинения разгромам длиной в целую колонку) — так вот, несмотря на литературную репутацию, миссис Милтон была одной из самых респектабельных особ, каких только можно вообразить. Она благопристойно обставляла дом, благопристойно одевалась, придерживалась строгих понятий о том, с кем следует водить знакомство, а от кого лучше держаться подальше, регулярно посещала церковь и даже время от времени причащалась, а падчерицу Джесси воспитывала в такой строгости, что даже не позволяла читать «Душу без оков». Разумеется, Джесси прочитала роман, после чего перешла к еще более прогрессивной литературе. Миссис Милтон строго воспитывала девочку и препятствовала ее развитию, отчего в

семнадцать лет та все еще оставалась примерной умненькой школьницей (какой вы ее видели), далекой от того узкого кружка творческих знаменитостей, который собрала вокруг себя Томас Плантагенет. Миссис Милтон знала, что Бечемел — дурной мужчина. Но дурной мужчина совсем не то же, что дурная женщина; она принимала журналиста в своем доме, чтобы показать, что ничего не боится, причем о Джесси даже не подумала, поэтому известие о побеге разочаровало ее вдвойне, так как узнать руку Бечемела ничего не стоило. Она сразу сделала то, что следовало сделать, а именно наняла фаэтон и принялась объезжать близких друзей, плакать и твердить, что не знает, как теперь поступить. Даже если бы Джесси доводилась ей родной дочерью, объездить больше людей и еще горше плакать она не смогла бы, настолько глубокими и искренними казались переживания. Впрочем, она не только демонстрировала эти чувства, но и действительно их испытывала.

Успешная писательница и еще более успешная тридцатидвухлетняя вдовушка (даже ругая ее произведения, критики неизменно добавляли, что Томас Плантагенет — очаровательная особа), миссис Милтон однажды с удивлением и досадой

обнаружила, что падчерица выросла и расцвела, а потому постаралась держать ее в тени. Джесси, в свою очередь, с четырнадцати лет возражая против любой мачехи вообще, направила свои негативные чувства на конкретную женщину. Соперничество между ними постепенно росло, так что ссора могла вспыхнуть из-за оброненной шпильки или разрезанных острым ножом книжных страниц. Однако злых намерений мисс Милтон не вынашивала и вела себя так из-за глупого эгоизма, поэтому, когда катастрофа свершилась, она испытала искреннее раскаяние и сожалела о своем поведении.

Не трудно представить многочисленные утешительные речи со стороны друзей. Западный Кенсингтон, Ноттинг-Хилл и Хэмпстед — некогда богемные, а ныне благопристойные литературные окрестности Лондона — полнились сочувствием. Преданные почитатели, которых у прелестной пишущей леди набралось на целый отряд, выражали тревогу, сочувствие, энергичное стремление помочь, давали ценные советы и предупреждали об опасности — иными словами, делали все, что требовалось в подобных случаях. «Есть новости о Джесси?» — таким вопросом неизменно начиналась добрая дюжина грустных,

но интересных бесед. В мужском обществе потрясенная мачеха плакала значительно меньше, чем в окружении дам, но оттого выглядела еще более милой и трогательной. В течение трех дней: среды, четверга и пятницы — никаких сведений о беглецах не поступало. Было известно лишь то, что Джесси надела новый серый костюм с оригинальной, застегивавшейся у колен юбкой, села на велосипед с накачанными шинами и мягким, покрытым люфой сиденьем и рано утром уехала из дома, взяв два фунта семь шиллингов и серую дорожную сумку. Мачехе она оставила краткую записку — своего рода декларацию независимости и утверждения собственного «я», снабженную крайне раздражающими цитатами из «Души без оков», но не раскрывавшую планов. Записка демонстрировалась лишь избранным друзьям, да и то в условиях строжайшей секретности.

Однако в пятницу вечером, запыхавшись, явился один из верных поклонников, корреспондент по фамилии Виджери, в числе первых услышавший о случившемся несчастье. Он только что вернулся из путешествия по графству Суссекс — рюкзак по-прежнему оставался у него за спиной — и сбивчиво сообщил, что в городке Мидхерст, в баре гостиницы «Ангел», буфетчица

живо описывала молодую леди в сером. Описание не оставило сомнений. Но кто тот мужчина в коричневом костюме?

— Бедная обманутая девочка! — вскричала миссис Милтон, задыхаясь и хватаясь за сердце. — Я должна немедленно броситься на ее поиски!

— Сегодня это уже невозможно, — возразил галантный Виджери. — Поездов больше нет. Я узнал по пути сюда.

— Материнская любовь и тревога, — призналась миссис Милтон, — вот что я испытываю.

— Знаю, — проговорил джентльмен с чувством, ибо никто не восхищался его фотографиями пейзажей более пылко, чем миссис Милтон. — Девочка этого не заслуживает.

— О, не осуждайте бедняжку! Она всего лишь поддалась дурному влиянию!

Мистер Виджери искренне желал помочь и выразил сожаление, что на этом его осведомленность заканчивалась. Может быть, ему стоит поехать за беглянкой и вернуть ее домой? Он сразу пришел сюда, потому что знал, как она тревожится.

— Какой вы добрый! — отозвалась миссис Милтон, инстинктивно сжав крепкую руку друга. — Подумать только, что может случиться с

моей девочкой! Это ужасно! — Она посмотрела в камин, который растопила, как только он вошел. Теплый свет упал на темно-лиловое платье, оставив лицо в густой тени. Такая нежная, такая хрупкая для тяжких переживаний! — Мы должны отправиться на поиски. — Она была полна решимости. — Не знаю никого, кроме вас, кто мог бы поехать со мной.

— Он обязан на ней жениться, — постановил мистер Виджери.

— У нее нет родственников! У нас никого нет. Да, две одинокие женщины… совсем беспомощные.

Так говорила светловолосая хрупкая леди, которую те, кто знал ее лишь по книгам, считали особой дерзкой, сладострастной и даже… похотливой! А все оттого, что она обладала великодушием и ярким интеллектом. Ее невыразимое страдание потрясло мистера Виджери.

— Миссис Милтон, — проговорил он срывающимся голосом. — Хетти!

Она взглянула на него, и взрыв страсти, казалось, был неотвратим.

— Не сейчас, — остановила его миссис Милтон. — Прежде я должна ее найти.

— Да, — с глубоким чувством согласился мистер

Виджери (он относился к тем большим толстым мужчинам, которые способны испытывать глубокие чувства). — Но позвольте вам помочь. Хотя бы позвольте помочь.

— Сможете ли вы найти время? — спросила она. — Для меня.

— Для вас…

— Но что же я могу сделать? Что мы можем сделать?

— Поедем в Мидхерст. Последуем за ней. Найдем ее. Она была в Мидхерсте в четверг вечером, то есть вчера, а потом уехала из города на велосипеде. Не теряйте мужества! — призвал мистер Виджери. — Нам еще удастся ее спасти!

Миссис Милтон снова сжала надежную руку.

— Не теряйте мужества! — повторил он, вдохновленный столь теплым приемом.

За дверью послышались шаги и голоса. Она тут же отвернулась к камину, а он поспешно опустился в большое кресло, прекрасно соответствовавшее его комплекции. Дверь распахнулась, и горничная впустила мистера Дэнгла, который с любопытством оглядел и хозяйку, и гостя. Здесь явно что-то происходило: он слышал скрип кресла, а покрасневшая миссис Милтон с подозрительной поспешностью пустилась в объяснения:

— Вы тоже мой верный друг. Наконец-то мы получили известие о ней.

Преимущество, несомненно, было у Виджери, однако Дэнгл решил продемонстрировать свою находчивость и в конце концов, к огромному неудовольствию соперника, тоже был включен в состав экспедиции в Мидхерст. А вскоре к ним присоединился и молодой мистер Фиппс — бесконечно преданный, пылкий, но немногословный юноша с безупречным воротничком. Джентльмены пообещали втроем обыскать местность. Миссис Милтон немного приободрилась, но не сумела скрыть того, что глубоко тронута, и не знала, как отблагодарить добрых друзей. Голос ее сорвался, и она шагнула к выходу. Будучи человеком действия, а не слова, молодой Фиппс тут же подскочил и, опередив других джентльменов, распахнул перед ней дверь.

— Миссис Милтон невероятно страдает, — заметил Дэнгл, обращаясь к Виджери. — Мы должны сделать для нее все возможное.

— Восхитительная женщина, — прочувствованно отозвался Виджери. — Такая утонченная, такая изысканная, такая многогранная… И так глубоко переживает!

Молодой Фиппс промолчал, хотя и его перепол-

няло сострадание.

А еще кто-то смеет утверждать, что век рыцарства миновал!

Но это лишь интермедия, призванная дать нашим бродягам время, достаточное для крепкого здорового сна. Поэтому сейчас мы не станем рассказывать о начале спасательной экспедиции, как не станем описывать простое, но элегантное серое платье миссис Милтон, свободную куртку и дорожные ботинки крепкого Виджери, изысканный костюм стройного Дэнгла и брюки в яркую клетку, украшавшие ноги Фиппса. Через некоторое время все эти люди вновь предстанут перед нами, а пока постарайтесь напрячь фантазию и представить, как Виджери, Дэнгл и Фиппс прочесывают городок Мидхерст, стремясь превзойти друг друга. Мистер Виджери проявил несравненный талант к расспросам, мистер Дэнгл превзошел самого себя в умозаключениях, и только бедняга Фиппс явно уступал им во всем, что и сам заметил, а потому предпочел коротать время вместе с миссис Милтон — страдая так, как умеют страдать юнцы по всему свету. Миссис Милтон остановилась в гостинице «Ангел» и выглядела очень печально и в то же время очаровательно. В субботу, во второй половине

дня, мистер Виджери оплатил счет, и экспедиция отправилась дальше, в Чичестер. Но к тому времени наши беглецы…

Впрочем, скоро вы все узнаете.

XXVII. Пробуждение мистера Хупдрайвера

Мистер Хупдрайвер шевельнулся, открыл глаза, бессмысленным взглядом обвел комнату и сладко зевнул. Тонкое постельное белье мягко обнимало славно отдохнувшее тело. Он задрал к потолку острый нос, возвышавшийся над жидкими усиками и особенно выделявшийся своей краснотой на фоне белой подушки. Когда наш герой снова зевнул, нос сморщился, но тут же вернулся в обычное состояние. Некоторое время мистер Хупдрайвер пребывал в полусонном состоянии, а потом к нему стала возвращаться память. Из-под простыни показался неопределенного цвета вихор, выглянул сначала один водянисто-серый глаз, а затем и второй. И вот, наконец, кровать взволновалась, и из-под одеяла вытянулась худая шея, а взгляд вновь прошелся по комнате, теперь уже вполне осознанный. Думаю, здесь следует пояснить: наш герой прикрывался одеялом потому, что его ночная рубашка осталась в Богноре, в брезентовом мешке. Он зевнул в третий раз, протер глаза и причмокнул губами. Память уже

полностью к нему вернулась. Погоня, гостиница, дерзкое вторжение в ресторан, стремительный набег на гостиничный двор, угон велосипедов, лунный свет… Наш герой резко откинул одеяло и сел на краю кровати. С улицы доносились звуки поднимаемых ставен, отпираемых дверей, цоканье копыт по мостовой и скрип колес. Мистер Хупдрайвер посмотрел на часы: половина седьмого. Потом он снова окинул взглядом богато обставленную комнату и восторженно выдохнул:

— Господи! Значит, все-таки это не сон. — И, почесывая розовую ступню, пробормотал: — Хотелось бы знать, во что обойдется этот шикарный номер.

Мистер Хупдрайвер потеребил свои скромные усы и беззвучно рассмеялся:

— Однако как стремительно все произошло! Ворвался и увел девушку прямо из-под его носа. Отлично спланированная операция. Можно сказать, ограбление на большой дороге! Разбойник напал и тотчас скрылся! Должно быть, ему сейчас чертовски не по себе. А история с велосипедами? Ничего не скажешь, славно получилось!

Мистер Хупдрайвер внезапно умолк. Брови его недоуменно поднялись, а рот открылся. Вспом-

нив, в каком угаре он действовал накануне, наш герой прошептал:

— Ничего себе!

Еще ни разу эта неприятная мысль не приходила ему в голову, но, как правило, при свете дня события оцениваются более трезво.

«Черт возьми, ведь я же украл проклятый велосипед!» — мелькнуло в голове предательское понимание.

— Ну и что? — на миг задумавшись, спросил наш герой вслух, и выражение его лица тотчас подсказало ответ.

Потом он снова подумал о молодой леди в сером и постарался представить случившееся в героическом свете. Однако рано утром, да еще на голодный желудок (как со свойственной им прямолинейностью заявляют доктора) героизм рождается труднее, чем при свете полной луны. Вчера вечером все происходившее казалось восхитительным, блестящим, но совершенно естественным подвигом.

Мистер Хупдрайвер протянул руку, взял со стула куртку, положил на колени, достал из маленького билетного кармана деньги и пересчитал.

— Четырнадцать шиллингов шесть с полови-

ной пенсов, — подытожил он задумчиво, зажав монеты в левой руке, а правой потирая подбородок, затем похлопал по нагрудному карману и убедился, что бумажник на месте. — Значит, всего осталось пять фунтов четырнадцать шиллингов шесть с половиной пенсов.

Он снова погрузился в размышления: «Это не страшно. Вот велосипед — это серьезно… Но не возвращаться же в Богнор. Конечно, можно отправить машину с посыльным: приложить записку, поблагодарить за аренду. Написать, что больше не нужна».

Наш герой ухмыльнулся и принялся сочинять восхитительно нахальное письмо: «Мистер Хупдрайвер шлет наилучшие пожелания…» — однако скоро серьезный настрой вернулся.

«Можно было бы за час съездить туда и обратно, чтобы обменять велосипеды. Мой слишком уж стар и плох… тот тип в коричневом костюме жутко разозлится. Может быть, даже постарается упечь меня за решетку. И тогда Джесси окажется в положении куда более опасном. Что ни говори, а я — ее странствующий рыцарь. Из-за этого возникает масса сложностей».

Бесцельно блуждавший взгляд упал на тазик для умывания. «Интересно, зачем им здесь мис-

ка для сливок?» — мимоходом подумал мистер Хупдрайвер.

«Лучшее, что можно предпринять, это как можно скорее отсюда убраться. Наверное, она захочет вернуться домой, к родным. Вот только что делать с велосипедом? Какая досада!»

Ощутив прилив энергии, он вскочил с кровати, чтобы привести себя в порядок, и только сейчас с ужасом вспомнил, что все туалетные принадлежности остались в Богноре.

— Вот это да! — буркнул мистер Хупдрайвер и, присвистнув, принялся подсчитывать прибыль и убытки. — Прибыль — очаровательная сестренка и отличный велосипед в придачу. А что взамен? Так, всякая ерунда: зубная щетка, расческа, чистое белье, ночная рубашка, носки и прочие мелочи. Ничего не поделаешь, придется обойтись тем, что есть.

Он оделся, а когда дело дошло до волос, попытался пригладить непослушные вихры ладонями. Результат не порадовал.

— Наверное, надо выйти и где-нибудь побриться, а заодно купить расческу и прочее. Но ведь все стоит денег. Пожалуй, я пока еще не слишком оброс, — успокоил себя наш герой.

Он провел рукой по подбородку, внимательно

посмотрелся в зеркало, старательно подкрутил жалкие усы и задумался о своей внешности. Повернулся влево, потом вправо. На лице появилось выражение крайнего недовольства.

— Что толку себя рассматривать, Хупдрайвер? — заметил он с иронией. — Худосочный ты тип. Плечи узкие, сам тощий.

Он уперся руками в туалетный стол и, задрав подбородок, продолжил критически:

— Да уж… Что за шея! Да еще такой заметный кадык!..

Не сводя глаз с зеркала, мистер Хупдрайвер сел на кровать и задумался: «Если бы я занимался спортом, нормально питался, если бы меня не выпихнули из дурацкой школы прямиком в дурацкий магазин… Но что тут скажешь? Родители ничего не понимали. Учитель, конечно, должен был знать, но бедный старый дурак ни о чем не думал! И все же, когда встречаешь такую девушку, становится грустно… Интересно, что подумал бы обо мне Адам как о представителе рода человеческого? Цивилизация, а? Наследство веков! Я же ничтожество! Ничего не знаю, ничего не умею… разве только немножко рисовать. Почему я не стал художником? Наверное, смог бы… Да, при дневном свете мой костюм выглядит позорно

дешевым… Ничего не поделаешь, Хупдрайвер. Не лги хотя бы самому себе. Роль дамского угодника не для тебя, как ни крути. Но ведь существуют и другие понятия. Ты можешь помочь молодой леди — и поможешь. Наверное, она вернется домой. Да и с велосипедом придется разобраться, парень. Вперед, Хупдрайвер! Даже если ты не красавец, это еще не повод сидеть здесь и ждать, когда тебя поймают. Разве не так?»

Достигнув, таким образом, некоего мрачного перемирия с самим собой, он снова попытался пригладить волосы и вышел из комнаты, чтобы заказать ранний завтрак и поскорее отправиться в путь, а пока завтрак готовили, прошелся по Саут-стрит и купил необходимые мелочи.

— Расходов не жалеть, — пробормотал он, доставая из кармана монету в полсоверена.

XXVIII. Отъезд из Чичестера

Мистер Хупдрайвер несколько раз посылал за «сестрой», а когда Джесси наконец спустилась, с натянутой улыбкой оправдал спешку юридическими осложнениями из-за стоявшего во дворе велосипеда.

— Видите ли, могут возникнуть неприятности, — пояснил он с очевидной тревогой.

— Замечательно, — ответила она вполне дружелюбно. — Поскорее позавтракаем и отправимся в путь. Хочу обсудить с вами положение вещей.

После ночного отдыха девушка стала еще прекраснее: зачесанные со лба волосы ниспадали на плечи пышными темными волнами, свободные от перчаток пальчики выглядели невинно-розовыми и прохладными. А до чего решительно она держалась! Завтрак прошел в нервной обстановке: разговор велся по-родственному, однако скупо. Официант наводил на нашего героя ужас, а множество разложенных на столе вилок пугало. И все же она называла его Крисом. Чтобы не молчать, брат и сестра развернули на столе карту ценой шесть пенсов и принялись обсуждать

маршрут, но при посторонних не стали принимать конкретных решений. Банкноту в пять фунтов пришлось разменять, чтобы оплатить гостиничный счет, а поскольку мистер Хупдрайвер решил вести себя как истинный джентльмен, официант и горничная получили по полкроны, а конюху достался флорин.

— Парень на отдыхе, — без тени благодарности пробормотал конюх себе под нос.

Садиться на велосипеды на улице, на глазах у всех, также оказалось занятием крайне затруднительным и неприятным. Полицейский на противоположной стороне улицы остановился и уставился на них с откровенным любопытством. А вдруг сейчас подойдет и спросит: «Это ваш велосипед, сэр?» Что тогда делать? Драться? Или бросить машину на произвол судьбы и убежать? Поездка по центру города также прошла в тревожных предчувствиях, настолько сбивавших с толку, что тележка молочника едва избежала гибели под своевольным колесом велосипеда мистера Хупдрайвера. Это происшествие вернуло его к действительности и напомнило о необходимости крепче держать руль. На окраине наш герой вздохнул свободнее, и вскоре между путешественниками завязалась непринужденная

беседа.

— Вы очень спешили выехать из Чичестера, — заметила Джесси.

— Дело в том, что я немного тревожусь. Из-за машины.

— Да, конечно, — согласилась она. — Но куда же мы держим путь?

— Если не возражаете, то повернем еще пару раз, — предложил мистер Хупдрайвер, — и проедем милю с небольшим. Я должен думать о вас, чтобы чувствовать себя спокойнее. Если нас арестуют… конечно, я волнуюсь не за себя…

Они ехали вдоль берега, и слева подступало хмурое серое море. С каждой милей, уводившей прочь от Чичестера, мистер Хупдрайвер все меньше ощущал себя преступником и все больше представал в воображении благородным рыцарем. Он мчался на великолепной машине рядом с роскошной дамой. Что бы подумали в магазине, если бы случайно его увидели? Мисс Айзекс и мисс Хоу испытали бы потрясение.

— Ах, это же мистер Хупдрайвер! — воскликнула бы мисс Айзекс.

— Не может быть! — не поверила бы мисс Хоу.

Потом фантазия нарисовала Бриггса и даже управляющего, проезжавшего мимо в легком

экипаже. Что, если представить ее как сестру pro tempore?[18] Да, он же брат Крис. Крис… а фамилия? Проклятье! То ли Харрингтон, то ли Хартингтон — что-то в этом роде. Пока он не вспомнит, лучше обойтись без фамилии. Наверное, надо было сказать ей правду. Мистер Хупдрайвер взглянул на спутницу: она сосредоточенно смотрела прямо перед собой и выглядела слегка озадаченной. Ехала она прекрасно, причем с плотно сомкнутыми губами; сам он так не умел.

Мысли устремились в будущее. Что она будет делать? Что они оба будут делать? Вопросы не праздные. Да, он ее спас, выполнил благородную, мужественную миссию. Теперь она должна вернуться домой — даже несмотря на злую мачеху. Он должен твердо настоять на этом. Конечно, молодая леди отважна и независима, но все-таки… Интересно, есть ли у нее деньги? И сколько стоит билет второго класса из Хаванта в Лондон? Конечно, ему придется оплатить дорогу: такова обязанность джентльмена. А что потом? Проводить домой? Перед внутренним взором тут же разыгралась живая, трогательная сцена

---

[18] Сноски: 18
На время (*лат.*).

возвращения. Мачеха раскается в неописуемой жестокости — даже богатые порою страдают. Конечно, здесь же окажется пара заботливых дядюшек. Лакей объявит: «Мистер … (черт возьми, какая же фамилия?) и мисс Милтон». Женщины со слезами бросятся друг к другу, а рыцарственная фигура в коричневой спортивной куртке (все еще подозрительно новой) скромно останется в стороне. Да, он до самого конца не проявит своих чувств — только уходя, остановится в дверях в позе, достойной самого мистера Джорджа Александра[19]. Медленно, с убедительной хрипотцой в голосе произнесет: «Будьте к ней добры… будьте милостивы» — и удалится с разбитым сердцем, что станет очевидно всем и каждому. Но это в будущем, а сейчас предстояло завести разговор о возвращении. Дорога оставалась свободной; наш герой догнал ее (задумавшись, он немного отстал) и поехал рядом.

— Мистер Денисон, — начала Джесси и тут же с сомнением уточнила: — Правильно? Я постоянно все забываю…

— Верно, — подтвердил мистер Хупдрайвер. («Разве Денисон? Денисон, Денисон, Денисон… О

---

[19] Сноски: 19

Александр Джордж (1858–1918), урожденный *Александр Гибб Самсон Джордж* — английский театральный актер, продюсер и менеджер.

чем она говорит?»)

— Хотелось бы знать, насколько вы готовы мне помочь.

Чертовски трудно обсуждать проблемы, да еще изо всех сил крутя педали.

— Можете целиком на меня положиться, — ответил мистер Хупдрайвер, с трудом удержав вильнувший велосипед. — Спешу заверить вас, что очень хочу помочь. Не жалейте меня. По меньшей мере считайте своим верным слугой. (Стыдно, если не умеешь красиво говорить подобные слова.)

— Видите ли, я попала в крайне неловкую ситуацию.

— Если только смогу сделать что-нибудь полезное, буду счастлив.

Возникла пауза. За поворотом, между живой изгородью и дорогой, показалась расцвеченная тысячелистником и таволгой зеленая лужайка, а на ней — упавшее дерево. Мисс Милтон спустилась с велосипеда, прислонила его к камню и присела на ствол.

— Ну вот, здесь можно спокойно поговорить.

— Да, — ожидая продолжения, согласился мистер Хупдрайвер.

Она сидела молча, поставив локоть на колено

и подперев кулачком подбородок, и смотрела в одну точку.

— Я решила… начать самостоятельную жизнь.

— Разумеется, — поддержал мистер Хупдрайвер. — Это вполне естественно.

— Я хочу жить своим умом. Хочу понять, что такое жизнь без прикрас. Хочу учиться. Все вокруг торопятся, куда-то мчатся, а мне необходимо время, чтобы подумать.

Мистер Хупдрайвер, пусть и слегка озадаченный, слушал с восхищением. Удивительно, как красиво и гладко она говорила! Впрочем, с таким горлышком и такими губками ничего не стоит так говорить. Он понимал, что недостоин собеседницы, однако старался соответствовать.

— Если вы позволите принудить себя к чему-то, о чем потом будете жалеть, то, конечно, поступите глупо.

— А вы не хотите учиться? — спросила мисс Милтон.

— Вот только сегодня утром обдумывал… — начал он и умолк.

Сосредоточившись на своих переживаниях, она даже не заметила этого.

— Жизнь, которую я веду, просто ужасна. Я кажусь себе пылинкой, попавшей в колесо и не

способной вырваться. Я спрашиваю себя: зачем я здесь? Чтобы какое-то время просуществовать? Я задавала этот вопрос и неделю назад, и вчера. Задаю и сегодня. Дни проходят в мелочной суете. Мачеха возит меня по магазинам, люди приходят к нам на чай… В театре появляется новая пьеса, и ее надо посмотреть, чтобы убить время. Или послушать концерт. Или прочитать модный роман. А мир вращается, вращается, и это ужасно. Подобно Иисусу Навину[20] я хочу совершить чудо и остановить это бесконечное вращение до тех пор, пока не постигну истину. Но дома это сделать невозможно.

Мистер Хупдрайвер пригладил усы и заметил задумчиво:

— Так и есть. Мир продолжает вращаться.

Легкий летний ветерок пролетел среди деревьев, поднял в воздух пух одуванчиков и дюжиной отдельных пушинок опустил прямо ему на колено, а как только ветер стих, пушинки безвольно упали в траву: некоторые, чтобы прорасти, а другие — чтобы исчезнуть. Он проводил их долгим взглядом.

---

[20] Сноски: 20

Иисус Навин — библейский персонаж, согласно Ветхому Завету, предводитель еврейского народа в период завоевания Ханаана, преемник Моисея.

— Я не могу вернуться в Сурбитон, — снова заговорила молодая леди в сером.

— Что? — дернув ус, нервно переспросил мистер Хупдрайвер. Заявление прозвучало неожиданно.

— Я хочу писать, — решительно продолжила она. — Писать книги и изменять мир. Творить добро. Вести свободную самостоятельную жизнь и распоряжаться собой. Нет, я не могу вернуться! Я хочу стать журналисткой. Да, мне говорили… но я не знаю никого, кто мог бы мне помочь прямо сейчас. Никого, к кому можно было бы обратиться. Впрочем, есть один человек — учительница из моей школы. Если бы можно было ей написать… Вот только как получить ответ?

Мистер Хупдрайвер слушал с серьезным видом.

— Я не могу больше вас беспокоить. Вы и так рискуете из-за меня…

— Это не в счет, — возразил он. — Напротив, я вдвойне рад.

— До чего любезно с вашей стороны! В Сурбитоне все построено на условностях, а я решила их отвергнуть любой ценой. Там так тесно и душно! Если бы только мне удалось освободиться от всего, что держит и мешает! Я хочу бороться за свое место под солнцем, хочу стать хозяйкой судьбы,

построить карьеру, но мачеха категорически против. Сама творит что пожелает, а чтобы совесть не мучила, держит меня в строгости. Если я вернусь сейчас, признав себя побежденной… — Она умолкла, предоставив воображению собеседника дорисовать картину.

— Понимаю, — сказал мистер Хупдрайвер, думая о том, что обязан помочь. В уме он вел сложные арифметические расчеты с пятью фунтами шестью шиллингами двумя пенсами. Из всего услышанного каким-то странным образом он сделал вывод, что Джесси пыталась избежать нежелательного брака, но из скромности умолчала об этом. Его представления о жизни оставались ограниченными.

— Знаете, мистер… я опять забыла вашу фамилию.

Погруженный в размышления, мистер Хупдрайвер ее не услышал.

— Конечно, вернуться в такие условия невозможно, — заключил он задумчиво, причем уши его покраснели, а щеки запылали.

— Но как же все-таки ваша фамилия?

— Фамилия! — очнулся мистер Хупдрайвер. — Ах… Бенсон, конечно же.

— Мистер Бенсон. Право, я такая глупая: по-

стоянно забываю фамилии. Надо записать на манжете. — Она достала маленький серебряный карандаш и записала. — Если бы только удалось отправить письмо учительнице! Я уверена, она помогла бы добиться независимости. Что надежнее: письмо или телеграмма? Наверное, письмо. В телеграмме всего не объяснишь. Да, я знаю, что она поможет.

В сложившихся обстоятельствах у джентльмена не оставалось выбора.

— В таком случае, — проговорил мистер Хупдрайвер, — если вы готовы довериться незнакомцу, мы можем продолжить путь еще день или два, пока вы не получите ответ. (Предположим, тридцать шиллингов в день в течение четырех дней: получается сто двадцать шиллингов, то есть шесть фунтов, а если три дня, тогда всего четыре фунта десять шиллингов).

— Ах какой же вы добрый!

Выражение лица спутника было красноречивее любых слов.

— Очень хорошо, спасибо. Это больше, чем я заслуживаю… — Джесси внезапно сменила тему разговора. — Сколько мы потратили в Чичестере?

— Что? — переспросил мистер Хупдрайвер,

сделав вид, что не понял вопроса.

Последовал короткий спор. В глубине души он восхитился желанием леди разделить расходы. Она настаивала. В конце концов разговор вернулся к планам на день. Путешественники решили неторопливо проехать через Хавант и остановиться либо в Фархеме, либо в Саутгемптоне. Предыдущий день утомил обоих. Развернув на коленях карту, мистер Хупдрайвер случайно обратил внимание на лежавший в траве велосипед.

— Если вместо этого маленького фонарика установить большой двойной «иларум», то машина станет неузнаваемой, — заметил он ни с того ни с сего.

— Что-что?

— Да так, просто кое о чем подумал.

Оба помолчали.

— Что же, — решительно проговорила Джесси, вставая, — значит, впереди Хавант и там остановка на ланч.

— Жаль, что пришлось украсть этот велосипед, — продолжил мистер Хупдрайвер не дававшую покоя мысль. — Потому что, как ни крути, а мы его украли.

— Ерунда. Если мистер Бечемел вдруг предъ-

явит претензии, я расскажу о его поведении всему миру… если потребуется.

— Не сомневаюсь, — восхищенно согласился мистер Хупдрайвер. — Видит бог, вы не из пугливых.

Внезапно обнаружив, что леди уже стоит, он тут же вскочил и поднял ее велосипед. Она выкатила его на дорогу. Тогда он поднял свой и задумчиво произнес:

— Интересно, как будет выглядеть эта машина, если покрасить ее в серый цвет?

Джесси обернулась и взглянула ему в лицо.

— Хотите ее скрыть?

— Просто мелькнула мысль, — беспечно ответил мистер Хупдрайвер. — Так, невзначай.

По пути в Хавант он мимоходом подумал, что разговор оказался абсолютно неожиданным, но в его жизни всегда так случалось. И хотя мудрость смотрела осуждающе, осторожность звенела монетами, а врожденное почтение к частной собственности укоризненно качало головой, в глубине сознания что-то громко кричало, приказывая отбросить все здравые рассуждения и подчиниться пьянящей мысли, что он будет ехать вместе с мисс Милтон целых два дня, а возможно, и дольше: разговаривать запросто, чувствовать

себя братом, восхищаться ее стройностью и свежестью, проводить время так чудесно, что даже вообразить невозможно. Привычные фантазии уступили место надеждам, столь же неуловимым, легким и восхитительным, как летний закат.

В Хаванте мистер Хупдрайвер заскочил в расположенную на главной улице небольшую парикмахерскую, чтобы приобрести зубную щетку, маникюрные ножницы и маленькую бутылочку средства для окраски усов в темный цвет, которую со знанием дела порекомендовал продавец.

XXIX. Неожиданный случай со львом

Путешественники отправились в Кошем, где заказали легкий, но дорогой ланч, после чего Джесси отправила письмо своей учительнице. Их внимание привлекла зеленая вершина холма Портсдаун, и, оставив велосипеды в деревне, они взобрались по склону к старинному форту из красного кирпича. Отсюда, с высоты, открывался привлекательный вид на окруженный мелкими городками Портсмут, на гавань с множеством кораблей, на пролив Солент и остров Уайт, похожий на витающее в дымке голубое облачко. В гостинице пикантные бриджи Джесси каким-то чудом превратились в традиционную юбку. Мистер Хупдрайвер грациозно возлежал на траве, курил сигарету и лениво рассматривал раскинувшиеся внизу, подобно крупномасштабной карте, укрепленные городки с защитными сооружениями, напоминавшими игрушечные крепости. Расстояние до них не превышало мили. Чуть дальше виднелись небольшие поля, а за ними начинался пригород Лэндпорта с многочисленными домами,

окутанными дымом. Справа, на северном берегу гавани, среди деревьев расположился город Порчестер. Одолевавшая мистера Хупдрайвера тревога притаилась в дальнем углу сознания, а живое своевольное воображение обратилось к образу Джесси. Интересно, какое впечатление он на нее произвел? Оптимистичным взглядом он окинул свой костюм и благодушно оценил предпринятые в течение последних суток действия. К счастью, мысль о бесконечном совершенстве мисс Милтон вернула его на землю.

Тем временем сама мисс Милтон вот уже час, если не больше, незаметно, но весьма пристально наблюдала за своим спутником. Смотреть на него прямо она не могла, потому что он постоянно смотрел на нее. Волнение ее немного утихло, уступив место любопытству по отношению к этому благородному, но необычному джентльмену в коричневом костюме. Вспомнились странные обстоятельства их первой встречи. Он казался ей непонятным, но необходимо учитывать, что ее знание жизни было почерпнуто исключительно из книг, а потому было равным почти нулю. И все же нельзя приравнивать неопытность и даже определенное невежество к глупости.

Молодая леди начала исследование «объекта»

с проведения нескольких экспериментов. Так, она выяснила, что его знание французского языка ограничивалось фразой «S'il vous plait»[21], которую он, видимо, считал отличной застольной шуткой. Английский же его казался странным и неуверенным, но не таким, на каком в книгах изъяснялись представители низших слоев общества. Манеры нового знакомого выглядели в целом вполне достойными, хотя порою преувеличенно уважительными и старомодными. Однажды он даже использовал обращение «мэм». Спутник производил впечатление человека состоятельного, без определенных занятий, но ничего не знал о концертах, спектаклях и книгах. В таком случае чем же он заполнял время? Он определенно отличался душевным благородством и в то же время бесхитростностью. В конце концов мисс Милтон заключила, что прежде никогда не встречала подобного мужчину. Кого же он мог собой представлять?

— Мистер Бенсон, — заговорила она, прервав тишину.

Джентльмен перевернулся на живот и, подперев кулаком подбородок, вопросительно взглянул

---

[21] Сноски: 21
Пожалуйста, будьте любезны (*фр.*).

на нее:

— К вашим услугам.

— Вы рисуете? Вы художник?

— Знаете ли… — Он выдержал многозначительную паузу. — Вряд ли я имею право называть себя художником, хотя действительно немного рисую — так, кое-какие наброски, небольшие пейзажи. — Мистер Хупдрайвер сорвал травинку и прикусил. Скорее живое воображение, а вовсе не желание солгать подсказало добавить: — В газетах и тому подобное.

— Понимаю, — отозвалась Джесси, задумчиво глядя на него. Художники, конечно, представляли крайне разнородное сообщество, а уж гении могли выглядеть и вовсе странно.

Мистер Хупдрайвер отвернулся в сторону и снова прикусил травинку.

— Но рисую я нечасто.

— Значит, рисование нельзя назвать вашей профессией?

— Нет, конечно, — пошел на попятную наш герой. — Я занимаюсь этим крайне нерегулярно. Так, иногда что-то приходит в голову, и я переношу это на бумагу, но назвать меня художником никак нельзя.

— Получается, что постоянного занятия у вас

нет?

Мистер Хупдрайвер посмотрел ей в глаза, но не увидел в них ничего, кроме чистого, лишенного подозрительности интереса. Возникло смутное желание вернуться к роли сыщика.

— На самом деле ситуация такова, — начал он, чтобы выиграть время. — Профессия у меня есть — так, ничего особенного, — но по некоторым причинам…

— О, прошу прощения за учиненный допрос.

— Не стоит извинений. Только я не могу в полной мере… так что предоставляю вам возможность домыслить. Не хочу напускать туман таинственности.

«Может быть, набраться смелости и назваться адвокатом? Во всяком случае, звучит солидно. Но об адвокатах она может что-нибудь знать».

— Кажется, я сумею догадаться, кто вы.

— Что же, попытайтесь, — великодушно позволил мистер Хупдрайвер.

— Вы приехали из какой-нибудь колонии?

— Господи милостивый! — воскликнул наш герой, стремительно разворачивая парус по ветру. — И как только вы это поняли?

(Учтите, дорогой читатель, что мистер Хупдрайвер родился и вырос в пригороде Лондона.)

— Просто догадалась, — скромно ответила Джесси.

Он изумленно вскинул брови и сорвал новую травинку.

— А учились где-то на севере Англии?

— И снова попали в десятку, — похвалил ее мистер Хупдрайвер, перевернувшись обратно на спину. — Кажется, вы ясновидящая. — Он с улыбкой покачал головой. — Продолжим. Из какой же именно колонии?

— Не знаю.

— Попытайтесь отгадать, — ободрил ее наш герой.

— Из Южной Африки, — робко предположила мисс Милтон. — Да, я почти уверена, что из Южной Африки.

— Южная Африка велика, — поддразнил он.

— Значит, я не ошиблась?

— Во всяком случае, не попали в молоко, — уклончиво ответил мистер Хупдрайвер, в то время как его воображение энергично исследовало новое пространство.

— И все-таки. Действительно Южная Африка? — настойчиво уточнила Джесси.

Глядя ей в глаза, он обнадеживающе улыбнулся.

— На мысль о Южной Африке меня навел роман Оливии Шрейнер[22]. Должно быть, вы знаете: «История африканской фермы». Главный герой Грегори Роуз очень похож на вас.

— К сожалению, «Историю африканской фермы» я не читал, но теперь обязательно прочитаю. Что представляет собой этот Грегори Роуз?

— Прочтите книгу, тогда узнаете. Это поистине удивительное место, где смешались расы и народы, а новая цивилизация вытесняет древнюю дикость. Вы выросли на земле великого вождя Кхамы?

— Нет, он правил в другой части страны, — покачал головой наш герой. — Видите ли, мы жили вблизи Йоханнесбурга, на небольшой ферме по разведению страусов.

— Кажется, там находится засушливая долина Кару, верно?

— Вы правы. К счастью, земля досталась нам даром. Да, в прежние времена там было замечательно. Но сейчас на ферме страусов уже не разводят.

В голове мистера Хупдрайвера зародился рассказ об алмазных копях, однако он умолк, чтобы

---

[22] Сноски: 22

Шрейнер Оливия Эмили Албертина (1855–1920) — южноафриканская англоязычная писательница и общественная деятельница.

дать волю воображению слушательницы. К тому же он вдруг понял, что беззастенчиво лжет, и эта мысль была ему неприятна.

— А что случилось со страусами?

— Мы их распродали, когда собрались уехать с фермы. Не возражаете, если я закурю еще одну сигарету? Да, в то время я был ребенком.

— Вам приходилось жить в окружении негров и буров?

— Совершенно верно. Причем их было так много… — подтвердил мистер Хупдрайвер, чиркая спичкой о подошву и ощущая, как его бросает в жар от взятой на себя новой ответственности.

— Ах, до чего же интересно! Знаете, я никогда не была за границей. Конечно, если не считать Парижа, Ментоны и Швейцарии.

— От путешествий быстро устаешь, — произнес наш герой, глубокомысленно затянувшись.

— Расскажите еще что-нибудь о ферме в Южной Африке. Когда я слышу о тех краях, воображение сразу оживает. Представляю целое стадо высоких страусов, которых чернокожий пастух выгоняет… наверное, на пастбище. А чем питаются страусы?

— Видите ли, — задумчиво начал мистер Хупдрайвер, — самой разной едой. У этих птиц свои причуды. Конечно, они любят фрукты и всякие

овощи. Не отказываются от куриного корма. Приходится решать по обстоятельствам.

— А льва вы когда-нибудь видели?

— В наших местах они не часто встречались, — скромно ответил мистер Хупдрайвер. — Но, конечно, пару раз довелось их встретить.

— Представляю, как это страшно! Вы испугались?

Наш герой уже не на шутку пожалел, что угодил в сети Южной Африки. Он снова глубоко затянулся и обратил задумчивый взор к проливу Солент, тем временем мысленно решая судьбу грозного зверя.

— Честно говоря, я даже не успел испугаться, — наконец ответил храбрый колониальный житель. — Все произошло так быстро…

— Продолжайте, — нетерпеливо поторопила его слушательница.

— Я шел по загону, где держали птиц на откорм.

— Значит, страусов едят? — изумилась Джесси. — А я и не знала…

— Едят, причем очень часто. Особенно вкусны фаршированные страусы. Так вот, мы… точнее, я шел по этому загону и вдруг в свете луны увидел какое-то существо, которое пристально на меня

смотрит. — Тут мистер Хупдрайвер покрылся потом: кажется, его история зашла в тупик. — К счастью, при мне было отцовское ружье. Но должен признаться, что страху я натерпелся изрядно. — Он снова глубоко затянулся. — Прицелился туда, где, как мне казалось, должна была находиться голова, и нажал на спуск. — Еще одна затяжка. — И лев упал.

— Замертво?

— Абсолютно. Это был один из самых удачных выстрелов в моей жизни. А ведь мне тогда едва исполнилось девять.

— Да, вы герой… А вот я наверняка закричала бы от ужаса и бросилась бежать.

— Бывают ситуации, когда бежать бесполезно. Побег означал бы смерть.

— Я еще ни разу не встречалась с человеком, убившим льва, — почтительно заключила мисс Милтон. Ее мнение о собеседнике заметно изменилось.

Наступила продолжительная пауза. Казалось, Джесси обдумывает новые вопросы. Мистер Хупдрайвер поспешно достал часы и, показывая ей время, спросил:

— Послушайте, вам не кажется, что пора двигаться дальше?

Лицо нашего героя пылало, уши стали ярко-красными, но спутница объяснила его смущение врожденной скромностью. Он тяжело поднялся: его совесть теперь была отягощена убийством льва — и подал спутнице руку, чтобы помочь встать. Путешественники спустились в Кошем, забрали велосипеды и неторопливо поехали вдоль северного побережья обширной бухты. Однако мистер Хупдрайвер больше не чувствовал себя счастливым: в памяти крепко-накрепко застряла чудовищная, бесстыдная ложь. И зачем только он врал? К счастью, Джесси больше не расспрашивала о Южной Африке, по крайней мере вплоть до Порчестера, а рассуждала о возможности жить самостоятельно и о том, как отягощают людей цепи традиций. Она говорила так одухотворенно, что сознание нашего героя пришло в крайнее возбуждение. В прибрежной заводи возле замка ему удалось поймать несколько крабов. В Фархеме они остановились, чтобы выпить чаю, и отправились дальше на запад при весьма вдохновляющих обстоятельствах, о которых я сообщу, когда придет время.

XXX. Спасательная экспедиция

А теперь поведаем об энергичных кавалерах: Виджери, Дэнгле и Фиппсе — и о печальной красавице Томас Плантагенет, известной в обществе как миссис Милтон. Если я правильно помню, мы оставили эту компанию на станции в Мидхерсте в нетерпеливом ожидании поезда на Чичестер. Вся спасательная экспедиция единодушно решила, что миссис Милтон героически справляется со свалившимся на нее невыносимым горем. Джентльмены пытались превзойти друг друга в готовности помочь и смотрели на объект сочувствия тяжелым, полным нежности взглядом. Толстяк Виджери теребил усы и выражал не поддающееся словам обожание по-собачьи преданными карими глазами. Стройный Дэнгл также теребил усы, однако в его холодных серых глазах читалась сдержанность. Молодой Фиппс, которого природа не наградила усами, которые он мог бы теребить, сложив руки на груди, бодрым тоном рассуждал о железнодорожном сообщении между Лондоном, Брайтоном и южным побережьем — просто ради того, чтобы немного

развлечь страдалицу. Сама же миссис Милтон в полной мере ощущала глубину дружеского участия и старалась выражать признательность разными деликатными способами, присущими женщинам.

— Пока не приедем в Чичестер, ничего сделать не можем, — заявил Дэнгл. — Абсолютно ничего.

— Ничего, — подтвердил Виджери и прошептал в хорошенькое ушко: — Вы же сегодня почти не ели.

— Эти поезда постоянно опаздывают, — констатировал Фиппс, проведя пальцами по краям воротничка.

Мистер Дэнгл — это немаловажное обстоятельство следует учитывать — служил заместителем редактора и рецензентом, а потому гордился дружбой с таким интеллектуальным партнером, как Томас Плантагенет. Мистер Виджери занимал пост управляющего в банке и слыл мастером игры в гольф. Его отношения с очаровательной миссис Милтон можно описать словами милой старинной песенки: «Дуглас, Дуглас, нежный и верный». Дело в том, что его действительно звали Дуглас — Дуглас Виджери. Ну а мистер Фиппс пока еще оставался студентом-медиком и считал, что принес к ногам леди свое сердце

— сердце светского джентльмена. Миссис Милтон по-своему проявляла доброту к каждому из поклонников и настаивала на общей дружбе, несмотря на частые проявления недовольства между соперниками. Дэнгл считал Виджери обывателем, не способным по достоинству оценить тонкость романа «Душа без оков», в то время как Виджери подозревал, что Дэнглу не хватает гуманности и что он склонен хитрить и лукавить ради остроумного высказывания. Впрочем, оба сходились во мнении, что Фиппс молокосос, в то время как Фиппс мысленно называл Дэнгла и Виджери парочкой громогласных нахалов.

— Они наверняка приедут в Чичестер к ланчу, — заявил Дэнгл уже в поезде, — или чуть позже. Других приличных мест по дороге просто нет. Как только туда попадем, Фиппсу придется обойти все крупные гостиницы и выяснить, не заходила ли к ним на ланч соответствующая описанию особа.

— О, непременно выясню, — отозвался Фиппс. — Охотно. Полагаю, что тем временем вы с Виджери будете болтаться…

На нежном личике миссис Милтон отразилась боль, и юноша тут же умолк.

— Нет, — возразил Дэнгл, — мы не будем бол-

таться, как вы изволили заметить. В Чичестере всего два места, куда могут отправиться туристы. Это собор и великолепный музей. Я пойду в музей и наведу справки там, тогда как Виджери…

— Мне остается собор, — перебил соперника Виджери. — Очень хорошо. А затем я проверю пару своих идей.

В Чичестере кавалеры первым делом торжественно проводили миссис Милтон в гостиницу «Красная», устроили в удобном номере и заказали чай.

— Вы так добры ко мне, — поблагодарила прекрасная дама. — Все трое.

Джентльмены заверили, что это самое малое, что они могут сделать, и отправились исполнять высокий долг. Вернулись они к шести часам без новостей и с заметно угасшим рвением. Виджери и Дэнгл пришли вместе, Фиппс явился последним.

— Вы уверены, что ваша догадка верная? — ехидно осведомился Виджери.

— Вполне, — лаконично ответил Дэнгл.

— Дело в том, — продолжил Виджери, — что, выехав из Мидхерста по дороге, ведущей на Чичестер, они в любой момент могли изменить маршрут.

— Мой дорогой! Именно что не могли! Не отказывайте мне в смекалке и предусмотрительности. Право, не отказывайте. Суть в том, что никаких перекрестков на этой дороге просто не существует. Могли беглецы свернуть здесь? Нет, не могли. Могли свернуть там? Тоже не могли. В мире куда больше неизбежных обстоятельств, чем вам кажется.

— Сейчас узнаем, — заключил стоявший у окна Виджери. — Вон идет Фиппс. Что касается меня…

— Фиппс! — воскликнула миссис Милтон. — Он спешит? Как он выглядит? — Кусая дрожавшие губы, она порывисто поднялась и подошла к окну.

— Никаких новостей, — едва переступив порог, объявил Фиппс.

— Ах! — разочарованно вздохнул Виджери.

— Совсем никаких? — деловито уточнил Дэнгл.

— Ну, — снизошел Фиппс, — один мужик рассказал странную историю о человеке в коричневом велосипедном костюме, который вчера примерно в это же время задавал подобный вопрос.

— Какой вопрос? — не отходя от окна, осведомилась миссис Милтон. Голос ее прозвучал глухо, едва слышно.

— Не видел ли он молодую леди в сером вело-

сипедном костюме.

Дэнгл недоуменно вскинул брови:

— Что? Вчера! Человек искал ее вчера! Что бы это значило?

— Трудно сказать, — пожал плечами Фиппс и устало опустился на стул. — Можете сходить и разузнать подробнее.

— А как этот человек выглядел? — настаивал Дэнгл.

— Откуда мне знать? Мужик сказал, что он был одет в коричневый велосипедный костюм.

— Какого роста? Какого сложения?

— Я не спросил, — флегматично промямлил Фиппс.

— Не спросил! Что за чушь! — взорвался Дэнгл.

— Сами выясните. Это конюх из «Белого сердца» — низенький, коренастый, с красной физиономией и грубыми манерами. От него за милю несло виски. Так что сходите и спросите его.

— Непременно. — Сняв соломенную шляпу со стеклянного колпака, который защищал чучело птицы, Дэнгл решительно направился к двери.

— Как я сразу не догадался? — воскликнул Фиппс и умолк.

— Вы очень устали, мистер Фиппс, — заботливо проворковала миссис Милтон. — Позвольте зака-

зать для вас чай.

Здесь Фиппс осознал, что слегка отклонился от кодекса чести преданного рыцаря.

— Манера Дэнгла командовать, куда мне идти и что делать, страшно раздражает, — оправдался он. — Но я готов сделать в сто раз больше, лишь бы помочь вам найти беглянку. — И после паузы уже спокойнее добавил: — Да, с удовольствием выпью чаю.

— Не хочу пробуждать ложную надежду, — вмешался Виджери, — но я не верю, что они вообще поехали в Чичестер. Конечно, Дэнгл очень сообразителен, но порою его чрезмерно смелые умозаключения…

— Проклятье! — внезапно вскрикнул Фиппс.

— Что случилось? — забеспокоилась миссис Милтон.

— Забыл кое-что. Выйдя отсюда, я заглянул во все гостиницы и даже не подумал… Но ничего, сейчас придет слуга, и спрошу его.

— Вы хотите сказать…

В этот миг в дверь постучали.

— Чаю, мэм? Хорошо, мэм, — произнес слуга и собрался уйти, но Фиппс его остановил:

— Одну минуту. Скажите, леди в сером костюме, на велосипеде…

— Останавливалась ли у нас вчера? Да, сэр. Провела здесь ночь. Вместе с братом, сэр, молодым джентльменом.

— С братом! — тихо повторила миссис Милтон. — Слава богу!

Слуга быстро взглянул на нее и сразу все понял.

— Молодой джентльмен, — продолжил он словоохотливо, — очень свободно распоряжался деньгами. Назвался Бомонтом.

Дальше официант поведал кое-какие бессвязные подробности, после чего Виджери допросил его о планах путешественников.

— Хавант! Где же этот Хавант? — задумался Фиппс. — Кажется, я что-то о нем слышал.

— Джентльмен высокий? — уточнила миссис Милтон. — Представительный? С длинными светлыми усами? Говорит, растягивая слова?

— Как сказать… — задумался слуга. — Усы, мэм, совсем не длинные. Едва пробиваются. Он ведь совсем молодой.

— Лет тридцати пяти?

— Нет, мэм. Скорее двадцати пяти, если не меньше.

— Боже мой! — воскликнула миссис Милтон странным глухим голосом, доставая бутылочку с

нюхательной солью и демонстрируя неподражаемое самообладание. — Значит, она путешествует с младшим братом. Да, с младшим.

— Можете идти, спасибо, — любезно прервал диалог Виджери, почувствовав, что в отсутствие слуги миссис Милтон будет легче обдумать услышанное.

Слуга повернулся, чтобы выйти, и едва не столкнулся с Дэнглом. Джентльмен тяжело дышал и прижимал к правому глазу платок.

— Привет! — произнес он. — Что случилось?

— Лучше скажите, что случилось с вами, — парировал Фиппс.

— Ничего особенного, — ответил Дэнгл. — Всего лишь небольшая стычка с вашим пьяным конюхом. Парень решил, что все сговорились не давать ему покоя и с этой целью выдумали некую молодую леди в сером. На такую мысль его навели ваши манеры. Вот, купил кусок сырого мяса, чтобы глаз поменьше распух. Кажется, у вас есть новости?

— Конюх вас ударил? — с плохо скрытым злорадством уточнил Виджери.

Миссис Милтон подошла к Дэнглу и участливо спросила:

— Могу ли я чем-нибудь помочь?

Дэнгл держался мужественно.

— Только тем, что поведаете новости, — отозвался он из-под свисавшего на лицо платка.

— Дела обстоят вот как… — И несмотря на критические комментарии со стороны Виджери, Фиппс весьма сбивчиво передал все, что они только что услышали.

Вошел слуга с чаем.

— Расписание поездов на Хавант, — грозно потребовал Дэнгл. — Срочно!

Миссис Милтон заботливо наполнила две чашки, и Фиппс с Дэнглом залпом их осушили.

В вагон они вскочили в последнюю минуту.

Дэнгл гордился тем, что его догадка насчет Хаванта оправдалась. Учитывая, что дорога от Хаванта до Саутгемптона с одной стороны была ограничена крутыми холмами, а с другой — омывалась морем, он тут же разработал грандиозный план поимки беглецов. Суть плана заключалась в следующем: они с миссис Милтон поедут в Фархем, в то время как Виджери и Фиппс сойдут на промежуточных станциях: один в Кошеме, а другой в Порчестере. Если новостей не будет, оба приедут следующим поездом, а если не приедут, то отправят в Фархем телеграмму с объяснением причины задержки. План отличался поистине

наполеоновским размахом, и это обстоятельство несколько утешало Дэнгла, который из-за подбитого глаза, пусть и прикрытого платком, подвергался бессовестному осмеянию со стороны уличных мальчишек.

Больше того, план блистательно сработал. Беглецы оказались на волосок от поимки. В Фархеме не успели они выйти из гостиницы «Золотой якорь» и сесть на велосипеды, как из-за угла показались миссис Милтон и Дэнгл.

— Это она! — воскликнула миссис Милтон и хотела крикнуть, но Дэнгл остановил ее:

— Тише! — Схватив леди за руку, он в волнении убрал платок. Кусок сырого мяса, прилипший к глазу и придававший лицу неповторимое выражение, странным образом убедил ее. — Спокойно! — продолжил Дэнгл, твердо глядя на нее из-под мяса. — Они не должны нас видеть, иначе улизнут. Не заметили, на станции стояли наемные экипажи?

Тем временем молодая пара села на велосипеды и скрылась за поворотом дороги на Винчестер. Если бы не посторонние люди вокруг, миссис Милтон наверняка упала бы в обморок.

— Спасите ее! — прошептала она слабо.

— Да! — отозвался Дэнгл. — Одну минуту.

Оставив спутницу в самой патетической позе, какую только можно вообразить: с прижатой к сердцу ладонью, — он бросился в гостиницу «Золотой якорь». Спустя пару мгновений вышел и объявил, что двуколку подадут через десять минут. Так и произошло. Мясо с лица исчезло, и стало сразу заметно, что глаз распух и посинел.

— Отвезу вас обратно на станцию, — пояснил Дэнгл, — а сам вернусь сюда и брошусь в погоню. Когда встретите Виджери с Фиппсом, объясните им, что я занят.

Рыцарь отвез леди на станцию и оставил там под палящим солнцем, на неровной деревянной скамье. Миссис Милтон почувствовала себя усталой и ужасно раздраженной, к тому же с головы до ног была покрыта пылью. Конечно, Дэнгл отличался редкой энергичностью и преданностью, но ему так не хватало доброты и заботы Дугласа Виджери!

Тем временем Дэнгл, освещенный золотыми лучами вечернего солнца, мчался на северо-запад, в сторону Винчестера, управляя, насколько мог, большой черной лошадью, запряженной в двуколку. Если не обращать внимания на подбитый глаз, отважный наездник представлял собой худого маленького мужчинку с тонкой длинной

шеей, в войлочной охотничьей шляпе и темно-сером костюме. Возможно, вам известно, что двуколка — это массивная, громоздкая и высокая деревянная конструкция. Лошадь тоже попалась массивная, громоздкая и высокая, с шишковатыми бабками, длинной мордой, свирепой пастью и твердым намерением идти исключительно шагом. «Цок-цок-цок», — степенно шествовала она по дороге, а возле церкви неожиданно шарахнулась в испуге при виде детской коляски с поднятым верхом.

Здесь история спасательной экспедиции вступает в беспорядочную фазу.

При виде одиноко сидевшей на платформе миссис Милтон Дуглас Виджери чрезвычайно разгневался. Несмотря на то что в путь джентльмен отправился с самыми благородными намерениями, к вечеру раздражение только нарастало, а потому повод для праведного негодования представился весьма кстати.

— Что за непредсказуемый человек! — сердито буркнул Виджери. — Куда-то умчался! А мы теперь должны сидеть и ждать его возвращения! Очень на него похоже. Этот Дэнгл — неисправимый эгоист: постоянно стремится все сделать сам и только вредит.

— Он же хочет мне помочь, — нежно, но с ноткой укоризны в голосе возразила миссис Милтон, трогая за рукав возмущенного джентльмена.

Однако Виджери не собирался тотчас успокаиваться.

— Вовсе незачем было избавляться от меня! Впрочем, что толку об этом говорить, тем более что вы устали.

— Я готова продолжить путь, лишь бы найти ее, — кротко возразила миссис Милтон.

— Пока я прохлаждался в Кошеме, купил карту графства, — уже миролюбиво сообщил Виджери, разворачивая карту на коленях. — Вот здесь обозначена дорога из Фархема. — Со спокойной рассудительностью, присущей деловому человеку, он принялся излагать свое предложение отправиться на поезде прямиком в Винчестер. — Они наверняка поедут в Винчестер, — пояснил он уверенно. — Это неизбежно. Завтра воскресенье, Винчестер знаменит прекрасным собором, а дорога ведет исключительно туда.

— А как же мистер Дэнгл?

— Мистер Дэнгл будет мчаться до тех пор, пока во что-нибудь не врежется и не сломает шею. Мне уже доводилось видеть, как этот эксцентрик управляет лошадьми. Вряд ли ему удастся догнать

велосипедистов в двуколке, тем более наемной, да еще и прохладным вечером. Положитесь на меня, миссис Милтон…

— Я в вашей власти, — промолвила леди с жалобной покорностью, взглянув на него снизу вверх, и Дуглас Виджери сразу забыл о неприятностях трудного дня.

Фиппс во все время разговора стоял, опираясь на трость, в позе уныния. Теребя изрядно пострадавший воротник, он переводил взгляд с одного собеседника на другого. Идея бросить Дэнгла на произвол судьбы казалась ему прекрасной.

— Надо оставить записку в том месте, где он арендовал двуколку, — произнес Фиппс, заметив, что взгляды собеседников обратились к нему.

Предложение получило одобрение, однако уехать дальше Ботли преследователям не удалось. Едва поезд подошел к станции, послышался громкий шум, раздались крики, а на платформе в изумлении застыл дежурный. Фиппс высунул голову из окна и закричал:

— Вот он! Едет! — И в следующий миг выпрыгнул из вагона.

Встревоженная миссис Милтон поспешила следом и увидела душераздирающее зрелище собственными глазами, а вот медлительный

Виджери все пропустил.

Станция Ботли расположена в низине, а дорога проходит выше, по холмам. И вот на фоне лимонных и розово-красных отсветов заката двигалась огромная черная масса: похожая на шахматного коня черная лошадь, за ней верхняя часть двуколки и в ней почему-то переместившийся назад мистер Дэнгл. В низине его опережала гигантская тень. Не прошло и секунды, как Дэнгл словно подпрыгнул, на миг повис в воздухе и исчез. Следом раздался умопомрачительный удар, и тут же мимо промчалась огромная черная лошадиная голова.

— Давайте сойдем, — обратился Фиппс к миссис Милтон, которая в оцепенении застыла в дверях вагона.

В следующую минуту все трое уже спешили вверх по лестнице. Мистера Дэнгла они увидели стоявшим без шляпы, с вытянутыми руками. Услужливый парнишка оттирал тряпкой его грязные ладони. Длинной лентой вниз по склону тянулась широкая безобразная дорога, а вдалеке небольшая группа местных жителей удерживала черную лошадь. Даже с большого расстояния на физиономии чудовищного животного читалось выражение собственной гордости. Лошадиная

морда, казалось, была грубо вырублена топором из цельного куска дерева. С ней могли сравниться лишь кони Тауэра, на которых гордо восседают закованные в железные латы всадники. Больше я ничего подобного не встречал. Однако сейчас нас интересует не столько животное, сколько человек по имени Дэнгл.

— Вы ранены? — с участием и готовностью оказать помощь осведомился Фиппс, подбежав первым.

— Мистер Дэнгл! — воскликнула миссис Милтон, в отчаянии сжав ладони.

— Приветствую! — ничуть не удивившись, невозмутимо ответствовал Дэнгл. — Рад, что вы приехали. Вы можете понадобиться. Я угодил в небольшую переделку, но поймал их, причем в том самом месте, где и рассчитывал.

— Поймали! — ошеломленно повторил Виджери. — Где же они?

— Там, — небрежно кивнул назад Дэнгл. — Примерно в миле отсюда, на вершине холма. Я их оставил. Пришлось оставить.

— Ничего не понимаю, — промолвила миссис Милтон, вновь погрустнев. — Вы нашли мою Джесси?

— Нашел. Хотелось бы где-нибудь смыть с рук

землю. Дело было так. Я настиг их за поворотом дороги. При виде велосипедов лошадь испугалась и шарахнулась в сторону. Они сидели на обочине и рассматривали цветочки. Я успел крикнуть: «Джесси Милтон, мы вас ищем!» — и в этот момент проклятое чудовище понесло. Обернуться я не осмелился и впредь думал только о том, как бы остаться в живых. Но все-таки добавил еще кое-что: «Возвращайтесь к своим. Вас простят!» И все. Дальше помню только безумную скачку, грохот деревянного ящика и топот копыт. Слышали они или нет…

— Отвезите меня к ней! — повернувшись к Виджери, тоном страдающей королевы приказала миссис Милтон.

— Непременно, — внезапно встрепенувшись, пообещал Виджери. — Это очень далеко, Дэнгл?

— Мили полторы или две отсюда. Я сделал все, чтобы их найти. Но взгляните на мои руки! Прошу прощения, миссис Милтон. — Он повернулся к Фиппсу: — Послушайте, где можно вымыть руки? И взглянуть на колено?

— Думаю, что на станции, — ответил молодой медик, горя желанием оказать помощь.

Дэнгл попытался сделать шаг, но поврежденное колено отозвалось резкой болью.

— Обопритесь на мою руку, — предложил Фиппс.

— Где здесь можно найти какой-нибудь экипаж? — обратился Виджери к двум любопытным мальчишкам.

Мальчишки не поняли, чего от них хотят, и переглянулись.

— Нигде не видно ни кеба, ни двуколки… вот уж точно: «Коня, коня, полцарства за коня!»

— Есть лошадь, — дернув головой, произнес один из мальчишек.

— А где можно найти двуколку? — уточнил Виджери.

— Или телегу, или что-нибудь, — добавила миссис Милтон.

— Телега есть у Джона Уокера, вот только нанять ее не получится, — растягивая слова и глядя куда-то вдаль, на дорогу, ответил старший мальчишка. — И мой отец тоже не даст, потому что у него нога сломана.

— Значит, даже телеги нет. Понятно. Но что же делать?

Миссис Милтон вдруг подумала, что, хоть Виджери предан и галантен, все-таки Дэнгл куда изобретательнее.

— Может быть… — робко предложила она, —

вам стоит спросить мистера Дэнгла…

С Виджери моментально слетела вся позолота, а из глубины на поверхность выступила прежде тщательно скрываемая природная грубость.

— К черту Дэнгла! Разве он уже не провалил дело? Помчался за беглецами в двуколке, чтобы объявить о погоне, а теперь вы хотите, чтобы я его о чем-то спросил!

Нежные голубые глаза мгновенно наполнились слезами, джентльмен испуганно умолк, а потом произнес совсем иным тоном:

— Если желаете, я пойду и спрошу Дэнгла.

Он быстро зашагал к станции, оставив прекрасную даму в одиночестве на дороге под любопытными взглядами двух мальчишек. Глядя ему вслед, она задавалась горьким вопросом: куда же исчезли рыцари доброго старого времени? Да, миссис Милтон чувствовала себя смертельно усталой, голодной, запыленной, непричесанной — словом, истинной мученицей.

XXXI. Вечер трудного дня

Невозможно без сердечного трепета повествовать о том, как закончился этот переполненный бурными событиями день. Беглецы исчезли, поездов больше не было. Городок Ботли взирал на чужаков безучастно, с презрением, решительно отказывая в транспорте, а хозяин трактира «Цапля», где они остановились, посматривал с нескрываемым подозрением.

День выдался таким жарким, что некогда безупречный воротничок Фиппса засалился, юбка миссис Милтон нуждалась в утюге, да и вообще весь позитивный настрой спасательной экспедиции улетучился. Синяк под глазом и пластырь не позволили мистеру Дэнглу чувствовать себя раненым рыцарем, а потому он без особых усилий отказался от этого образа. Нельзя утверждать, что во время беседы взаимные обвинения выступили на первый план. Нет, скорее они, словно вспышки летней молнии, освещали горизонт. В глубине души каждый переживал унижение и осознавал нелепость происходящего. Разумеется, винить следовало только своевольную Джесси

и больше никого. Точно так же не вызывало сомнений следующее важное обстоятельство: судя по всему, той катастрофы, которая придала бы событиям трагический характер, не случилось. Просто молодая особа — я сказал «молодая особа»? Да нет, совсем девчонка! — предпочла покинуть уютный дом в Сурбитоне, отказалась от всех прелестей общения в кругу утонченных интеллектуальных людей и сбежала, утянув за собой целую поисковую экспедицию и заставив участников погони страдать и мучиться ревностью, а теперь, субботним вечером, сбросила усталых и утомленных жарой спасателей, словно комки грязи с колес своего велосипеда, прямо в мерзкую деревенскую пивную! Причем сделала это не ради любви и страсти, что могло бы послужить убедительным оправданием даже в глазах тех, кто осуждает юношескую эксцентричность, а всего лишь из эгоистической прихоти, вопреки здравому смыслу. Тем не менее джентльмены проявили столь великодушную сдержанность, что говорили о беглянке исключительно как о сбившемся с пути ребенке, а миссис Милтон после сытного ужина вновь стала изъявлять самые благородные чувства.

Стоит упомянуть, что расположилась она в

единственном удобном кресле — плетеном, с мягкими подушками, — тогда как все остальные сидели на невероятно жестких стульях из конского волоса, с салфетками, привязанными к спинкам лимонно-желтыми лентами. Обстановка в трактире разительно отличалась от уюта элегантной гостиной в Сурбитоне. Миссис Милтон повернулась к окну (ночь выдалась удивительно тихой и теплой), и сумеречный свет — ибо лампу решили не зажигать — чрезвычайно выгодно подчеркивал ее изящную фигуру. Однако голос выдавал ее усталость, и, казалось, она винила себя за написание романа «Душа без оков». Такой вечер мог бы украсить сентиментальные мемуары, однако в реальности казался немного скучным.

— Я чувствую, что виновата, — призналась миссис Милтон. — Подала идею. Мою первую книгу, хотя я не сожалею ни о едином слове, неправильно поняли и ошибочно истолковали.

— Совершенно верно, — угодливо подтвердил мистер Виджери, стараясь выглядеть настолько преданным, чтобы было заметно даже в полумраке. — Причем намеренно.

— О, не говорите так! — воскликнула миссис Милтон. — Вовсе не намеренно. Я стараюсь ду-

мать, что критики пишут честно — конечно, в меру собственных понятий. Впрочем, о критиках я совсем не думала. Но она… — Леди умолкла.

— Это возможно, — произнес мистер Дэнгл, проводя пальцем по пластырю.

— Я пишу книгу и рассказываю историю. Я хочу, чтобы люди думали так, как я советую, а не поступали. Роман — всего-навсего наставление, просто в форме сюжетного повествования. Я стремлюсь выдвигать новые идеи, распространять новые мысли. И когда эти идеи найдут понимание, в обществе начнутся преобразования. А сейчас желание идти напролом, вопреки установленному порядку выглядит безумным. Как известно, Бернард Шоу[23] объяснял эту тенденцию по отношению к социализму. Все мы знаем, что зарабатывать на жизнь трудом хорошо, а существовать на проценты с капитала плохо. Вот только пока нас слишком мало и невозможно ничего изменить. Дело в тех, других.

— Совершенно верно, — подтвердил мистер Виджери. — Те, другие, должны начать первыми.

— Так что пока вы продолжаете заниматься своим банком…

---

[23] Сноски: 23

Шоу Джордж Бернард (1856–1950) — ирландский драматург, критик, полемист и политический активист.

— Если не я, банком займется кто-нибудь другой.

— Ну а я живу на деньги от продажи лосьона мистера Милтона и пытаюсь добиться признания в литературе.

— Пытаетесь! — воскликнул мистер Виджери. — Нет, уже добились!

— Это совсем другое, — заметил мистер Дэнгл.

— Вы слишком добры ко мне. Конечно, в моем романе Джорджина Гриффитс жила одна в парижской квартире, познавала действительность, принимала у себя мужчин, но ведь ей уже исполнился двадцать один год.

— А Джесси всего семнадцать — истинное дитя! — с готовностью подхватил мистер Дэнгл.

— И это обстоятельство все меняет. Ребенок! Совсем не то, что взрослая женщина. К тому же Джорджина Гриффитс никогда не злоупотребляла свободой — не разъезжала на велосипеде по сельской местности! Да еще в нашей стране, где все такие привередливые и консервативные. Представьте только: ночевать вне дома! Это ужасно! Если об этом станет известно, она погибла!

— Погибла, — эхом повторил мистер Виджери.

— Ни один мужчина не женится на такой девушке, — добавил мистер Фиппс.

— Этот неприглядный факт надо скрыть, — заключил мистер Дэнгл.

— Мне всегда казалось, что жизнь складывается из судеб отдельных людей и о каждом человеке следует судить в контексте конкретных обстоятельств. Общие правила здесь не работают…

— Постоянно в этом убеждаюсь, — согласился мистер Виджери.

— Таковы правила, которые я соблюдаю. Конечно, мои книги…

— Это другое, совсем другое, — возразил мистер Дэнгл. — В романе описываются типичные случаи.

— Но жизнь не укладывается в понятие типичного, — чрезвычайно глубокомысленно заметил мистер Виджери.

В этот момент совершенно неожиданно для себя (и тем более для окружающих) мистер Фиппс протяжно зевнул. Как всегда, зевок оказался заразным, и вскоре утомленные беседой джентльмены и леди разошлись под разными предлогами. Однако никто не лег спать. Оставшись один, Дэнгл принялся с отвращением рассматривать посиневший глаз, ибо, несмотря на безграничную энергию, оставался крайне аккуратным и чистоплотным джентльменом.

Вся эта история ужасно его раздражала. В то же время мистер Фиппс, сидя на кровати, с таким же отвращением крутил в руках воротничок, который еще вчера счел бы немыслимым надеть в воскресный день. Миссис Милтон задумалась о том, что даже полные мужчины с преданными, как у собаки, глазами всего лишь простые смертные, а мистер Виджери погрузился в переживания из-за того, что грубо обошелся с леди на станции и до сих пор не успел одержать верх в соперничестве с Дэнглом. Все четверо всецело зависели от внешних обстоятельств, а потому болезненно воспринимали как презрение и подозрительность поглотившего их Ботли, так и насмешливость Лондона и утонченное любопытство Сурбитона, ожидавших в будущем. Перед каждым вставал вопрос: действительно ли они ведут себя нелепо?

XXXII. Странствующий рыцарь Хупдрайвер

Как сообщил мистер Дэнгл, он оставил беглецов на обочине дороги примерно в паре миль от Ботли. До его появления мистер Хупдрайвер с огромным интересом узнавал от образованной спутницы названия самых простых придорожных цветов. Вокруг веселыми компаниями росли седмичники и зверобой, возвышались стебли иван-чая, пестрели аронники, васильки и лютики. Да, названия простых растений оказались довольно мудреными.

— Видите ли, в Южной Африке цветы совсем другие, — оправдал свое невежество наш герой, благо фантазия снова его не подвела.

Внезапно раздался стук копыт и скрип колес, и, бесцеремонно нарушая безмятежную тишину летнего вечера, по дороге промчался человек. Раскачиваясь из стороны в сторону и отчаянно жестикулируя из-за крупа неведомо куда несшей лошади, он окликнул Джесси, без видимой причины метнулся к живой изгороди и скрылся — очевидно, для того, чтобы испол-

нить предписанное судьбой. Прежде чем наши путешественники успели вскочить и схватить велосипеды, мимо них, подобно устрашающему видению, пролетела двуколка и, виляя по дороге из стороны в сторону еще отчаяннее, чем это делал велосипед мистера Хупдрайвера, скрылась за поворотом.

— Он знает, как меня зовут, — испуганно пролепетала Джесси. — Да, точно, это был мистер Дэнгл.

— А все из-за велосипедов, — одновременно с ней озабоченно проговорил мистер Хупдрайвер. — Надеюсь, он не пострадает.

— Это был мистер Дэнгл, — в ужасе повторила Джесси.

На сей раз спутник ее услышал и испуганно вздрогнул. Брови его в изумлении изогнулись.

— Что? Неужели кто-то из ваших знакомых?

— Да.

— О господи!

— Он искал меня, — без тени сомнения продолжила Джесси. — Точно. Он окликнул меня прежде, чем лошадь понесла. Его послала мачеха.

Мистер Хупдрайвер в очередной раз пожалел, что не вернул велосипед владельцу, поскольку

до сих пор смутно представлял отношения между Бечемелом и миссис Милтон. Он считал, что честность — лучшая политика. Не всегда, но часто. Оглядевшись по сторонам, наш герой решил немедленно действовать.

— Значит, он гонится за нами? Тогда непременно вернется. Но сейчас он мчится вниз с холма, а потому наверняка не скоро сможет остановиться.

Джесси вывела машину на дорогу и стала подниматься на сиденье. Все еще внимательно глядя на поворот, поглотивший Дэнгла, мистер Хупдрайвер последовал ее примеру. Вот так, на закате, наши путешественники продолжили бегство, теперь в направлении деревни Бишопс-Уолтхэм, причем наш герой занял самое опасное место — в арьергарде — и ехал, постоянно оглядываясь и рискованно виляя. Из-за него Джесси время от времени приходилось снижать скорость. Рыцарь тяжело дышал и ненавидел себя за то, что не может закрыть рот. После часа упорной гонки беглецы оказались в Винчестере, причем непойманными. На темных, освещенных желтыми фонарями улицах не было видно ни Дэнгла, ни какой-либо иной опасности. Однако мистер Хупдрайвер побоялся останавливаться

в таком густонаселенном месте и вежливо, но твердо настоял на необходимости заправить фонари и отправиться дальше, в сторону Солсбери, несмотря на то что среди живых изгородей уже начали шнырять летучие мыши, а в небе ярко засияла вечерняя звезда. От Винчестера дороги расходились во все стороны, и, чтобы избавиться от преследования, следовало резко повернуть на запад. Увидев поднимавшуюся в сумерках яркую желтую луну, мистер Хупдрайвер вспомнил отъезд из Богнора. Однако хотя и луна, и общая атмосфера оставались прежними, чувства его заметно отличались. Выехав из Винчестера, путешественники продолжили путь в полном молчании. Оба выбились из сил. Даже ровная дорога давалась с трудом, а каждый небольшой пригорок требовал невероятных усилий. В результате пришлось остановиться на ночлег в процветающей деревенской гостинице. Приятного вида хозяйка встретила их радушно, не выказав ни удивления, ни любопытства.

По пути в комнату, где был накрыт ужин, мистер Хупдрайвер взглянул в приоткрытую дверь и в клубах табачного дыма, за столом, заставленным стаканами и пивными кружками, заметил три с половиной лица (вторая половина четвер-

того лица осталась скрытой от глаз), а вдобавок услышал фразу одного из сидевших за столом. До этого мгновения наш герой чувствовал себя гордым и счастливым человеком — скорее всего путешествующим инкогнито наследником баронета. С бесконечным достоинством поручив велосипеды заботам странного слуги, он с галантным поклоном распахнул перед Джесси дверь. Он представлял, как отовсюду доносятся вопросы: «Кто это?» — и тут же следуют ответы: «Какая-то богатая пара. Посмотри на их велосипеды». Потом воображаемые зрители принимаются рассуждать о моде на велосипедные прогулки, о том, как судьи, биржевые маклеры, актрисы — иными словами, весь бомонд — отправляются в путь на велосипедах и зачастую, не желая останавливаться в больших отелях и сторонясь городских толп, предпочитают оригинальный отдых в сельской местности. Потом наблюдатели непременно заметят особое благородное очарование вошедшей леди и скромное достоинство сопровождавшего ее статного голубоглазого кавалера со светлыми усами. Заметят и многозначительно переглянутся. «Вот что я скажу, — негромко и проникновенно проговорит один из мудрых деревенских стариков. — Наверняка это какой-нибудь

баронет развлекается, не желая себя называть. А может, даже кто поважнее».

Да, такие сцены рисовало богатое воображение мистера Хупдрайвера еще за миг до того, как он услышал фразу, перевернувшую его гармоничный мир. Как именно звучала эта фраза, не должно нас интересовать: это было насмешливое замечание в духе Стрефона[24]. Если вам, дорогая леди, очень хочется узнать подробности, то сделать это очень просто: всего лишь наденьте современный велосипедный костюм, выберите спутником самого хлипкого из ваших знакомых и в ближайшую субботу отправляйтесь в любой трактир, где собираются здоровые сельские жители. Там вы услышите множество замечаний, подобных тем, которые донеслись до слуха благородного мистера Хупдрайвера. Возможно, даже больше, чем вам будет угодно.

Следует добавить, что слова эти касались непосредственно нашего героя. Сделавший замечание посетитель таверны выразил полное неверие в высокое социальное положение мистера Хупдрайвера и одним точным ударом разбил все светлые мечты, которые так радовали и вдохнов-

---

[24] Сноски: 24

Стрефон — персонаж сказочной комической оперы А. Салливана и У. Гилберта.

ляли его воображение. Глупое счастье мгновенно развеялось словно сон. Ответить было нечем, как всегда нечем ответить на откровенную грубость. Не исключено, что обидчик получил моральное удовлетворение от того, что сбил спесь с самодовольного простака, а возможно, даже не заподозрил, что выстрел попал в цель. Не задумываясь, выпалил первое, что пришло в голову, как мальчишка механически бросает камень в птицу. Однако пуля не только сбила глупую спесь, но и глубоко ранила жертву, вульгарно задев мисс Милтон.

Судя по ее поведению, Джесси ничего не услышала. Однако во время ужина, накрытого в отдельной маленькой комнате, наш герой хранил сосредоточенное молчание, хотя спутница жизнерадостно болтала. Через пеларгонии на открытом окне из общего зала долетали обрывки невнятного разговора, время от времени прерываемого грубым смехом. Мистеру Хупдрайверу казалось, что говорят по-прежнему о них, и на вопросы он отвечал рассеянно. Вскоре Джесси сказала, что устала, и ушла в свою комнату. Оставаясь джентльменом, мистер Хупдрайвер открыл перед ней дверь и с поклоном пропустил вперед, а пока она поднималась по лестнице наверх и за-

ворачивала за угол, где под чучелами птиц висел барометр, внимательно прислушивался, в страхе ожидая новых оскорблений. Затем он вернулся в комнату, остановился на коврике перед камином и, услышав очередной взрыв смеха, презрительно пробормотал:

— Хамы!

За ужином он неустанно сочинял язвительный ответ, остроумную презрительную речь, которой собирался уничтожить невежественных противников. Да, он пригвоздит их к позорному столбу так, как положено аристократу: «Называете себя англичанами, а сами оскорбляете женщину!» Потом, возможно, запишет имена и адреса, пригрозит пожаловаться местному сквайру, пообещает, что не оставит дело без последствий, и удалится, бросив обидчиков в испуганном оцепенении. Да, именно так следует поступить.

— Разберусь с ними по-своему, — яростно заключил мистер Хупдрайвер и больно дернул себя за усы.

Чтобы подогреть решимость, он освежил в памяти оскорбительные слова и, повторив основные положения своей обличительной речи, откашлялся, сделал три шага в направлении двери, но остановился и даже вернулся на коврик

перед камином. Для воплощения благородного замысла не хватило мужества. Но разве он не странствующий рыцарь? Разве не обязан путешествующий инкогнито баронет осадить и поставить на место неотесанных мужланов? А что, если взглянуть на ситуацию с иной точки зрения и проявить великодушие? Достойны ли убогие сельские жители пристального внимания благородного горожанина? Нет, ни шагу назад, все это не больше чем трусливые отговорки. Надо идти!

Даже по пути к двери внутренний голос твердил, что он поступает как вспыльчивый дурак, однако мистер Хупдрайвер зашагал еще решительнее, прошел по холлу, миновал бар и достиг зала, откуда донеслись оскорбительные фразы, рывком распахнул дверь, остановился на пороге и окинул компанию мрачным взглядом. «Сделаешь еще хуже», — попытался остановить его все тот же внутренний скептик. В зале сидели пятеро. Толстый пожилой человек с несколькими подбородками расположился с длинной трубкой в кресле у камина и благодушно пожелал мистеру Хупдрайверу доброго вечера. Бодрый молодой человек, скрестив ноги в гетрах, покуривал короткую трубку. Маленький бородатый

человечек смеялся, широко открыв беззубый рот. Представительный человек среднего возраста в плюшевой куртке, с ясными глазами просто сидел в расслабленной позе. И наконец, светловолосый молодой человек в желтовато-коричневом готовом костюме и белом галстуке лениво потягивал пиво.

— Хм, — сурово кашлянул мистер Хупдрайвер и зловещим, не допускающим вольностей тоном добавил: — Добрый вечер.

— Приятный сегодня выдался денек, — заметил молодой человек в белом галстуке.

— Приятный, — медленно подтвердил мистер Хупдрайвер, аккуратно подвинул коричневое кресло к камину и сел.

Давайте же узнаем, как он начал свою речь.

— Дороги здесь очень хороши, — продолжил молодой человек в белом галстуке.

— Очень хороши, — недружелюбно взглянув на него, снова согласился мистер Хупдрайвер: надо же было что-то сказать. — Дороги здесь хороши, погода приятная, но я пришел к вам, чтобы заявить, что некоторые местные жители ведут себя чертовски отвратительно. Да, чертовски отвратительно!

— О! — воскликнул молодой человек в гетрах,

очевидно, только что обнаружив на них перламутровые пуговицы. — Как это?

Мистер Хупдрайвер уперся ладонями в колени и крайне агрессивно выставил локти. В глубине души он ругал себя за нелепую прихоть бросить вызов этим львам. В том, что здесь собрались львы, сомневаться не приходилось, но теперь оставалось одно: идти до конца. Хорошо хоть, пока удавалось дышать относительно ровно. Наш герой уперся взглядом в лицо толстяка с несколькими подбородками и медленно, веско проговорил:

— Я приехал сюда, сэр, — здесь он сделал паузу, чтобы надуть щеки, — с леди.

— Причем с очень симпатичной леди, — добавил человек в гетрах и склонил голову набок, чтобы рассмотреть спрятавшуюся в тыльной части голени перламутровую пуговицу. — Да, с очень симпатичной леди.

— Я приехал сюда, — повторил мистер Хупдрайвер, — с леди.

— Слава богу, мы и сами это видели, — странным сиплым голосом подтвердил обладатель подбородков. — Не вижу в этом ничего особенно необычного.

Мистер Хупдрайвер кашлянул:

— Я приехал сюда, сэр…

— Да слышали уже, — дерзко перебил его маленький человечек с бородой, ехидно хихикнул и добавил: — Даже успели выучить наизусть.

На некоторое время мистер Хупдрайвер потерял мысль и, гневно взглянув на маленького человечка с бородой, постарался вспомнить заранее заготовленные слова. Повисла напряженная пауза.

— Вы говорили, что приехали сюда с леди, — очень вежливо напомнил ему молодой человек в белом галстуке.

— Да, с леди, — задумчиво повторил тот, который рассматривал свои гетры.

Человек в плюшевой куртке, до этой минуты переводивший острый, внимательный взгляд с одного собеседника на другого, теперь в ожидании уставился на мистера Хупдрайвера, словно побуждая того продолжить.

— Когда мы со спутницей проходили мимо этой двери, — с неожиданной яростью проговорил мистер Хупдрайвер, — какой-то подлец произнес пару слов.

— Ну-ну, осторожнее! — остановил его толстяк с несколькими подбородками. — Будьте добры, прекратите нас обзывать.

— Минуточку! — возразил мистер Хупдрайвер. — Обзывать начал вовсе не я.

— А кто же? — уточнил владелец подбородков.

— Я не называю никого из вас конкретно грязным подлецом, так что не спешите с выводами. Вот только кто-то в этой комнате произнес слова, показавшие, что он недостоин даже того, чтобы вытирать об него ботинки. Поэтому с должным почтением к тем джентльменам, которые действительно являются джентльменами, — здесь мистер Хупдрайвер оглянулся в поисках поддержки, — я хочу узнать, кто именно это был.

— Зачем? — осведомился щеголь в белом галстуке.

— Чтобы я мог вытереть об него ботинки, — слегка срывавшимся, но полным негодования голосом ответил мистер Хупдрайвер, притом что, входя в комнату, вовсе не думал о физическом насилии. Угроза вырвалась сама собой, из-за отсутствия других веских аргументов. Чтобы скрыть сердечную слабость, он еще решительнее выставил локти. Порою обстоятельства странным образом руководят нашими поступками.

— Подумать только! — отозвался маленький бородатый человечек.

— Бывает же такое! — удивился обладатель

подбородков.

— Неужели вы правда собираетесь вытереть об него ботинки? — недоверчиво уточнил светловолосый.

— Собираюсь, — с подчеркнутой решительностью подтвердил мистер Хупдрайвер и посмотрел на него в упор.

— Что же, справедливо и разумно, — оценил это заявление человек в плюшевой куртке и добавил: — Если получится.

Интерес собравшихся сосредоточился на молодом человеке в белом галстуке.

— А если не удастся определить, кто именно произнес неугодные слова, то, полагаю, вы готовы вытереть ботинки обо всех, кто сидит в этой комнате, — все тем же безразличным тоном проговорил молодой человек в белом галстуке. — Учтите только, что вот этот джентльмен — чемпион в легком весе…

— Ну же, признайся, Чарли, — молодой человек в гетрах на миг оторвал взгляд от перламутровых пуговиц, — и не впутывай в эту историю других. Все справедливо. Тебе не выкрутиться.

— Значит, вот этот… джентльмен? — начал мистер Хупдрайвер.

— Конечно, — отозвался молодой человек в

белом галстуке, — если речь заходит о том, чтобы вытереть ботинки…

— Не речь заходит, а я собираюсь это сделать, — сурово отрезал мистер Хупдрайвер и пристально посмотрел на собравшихся.

Из противников они превратились в зрителей. Теперь придется идти до конца. Но поскольку резкий тон касался исключительно обидчика, мистер Хупдрайвер почувствовал, что уже не один contra mundum[25]. Судя по всему, предстоит драка. Отделается ли он подбитым глазом? Или его серьезно побьют? Только бы не пришлось мериться силами с крепышом в гетрах! Может быть, пора встать и начать бой? А что она подумает, увидев за завтраком распухший глаз?

— Вот этот человек? — произнес мистер Хупдрайвер с деловитым спокойствием и выставил локти еще больше.

— И никто другой.

— Подождите! — взмолился молодой человек в белом галстуке. — Подождите минуту! Предположим, я сказал…

— Предположим? — угрожающе повторил мистер Хупдрайвер.

---

[25] Сноски: 25
Против всех (*лат.*).

— Пытаешься выкрутиться, Чарли? — вмешался молодой человек в гетрах.

— Ничуть, — жалобно пробормотал Чарли. — Нельзя уже и пошутить…

— Я научу вас держать шутки при себе, — грозно пообещал мистер Хупдрайвер.

— Браво! — похвалил пастух стада подбородков.

— Порою Чарли действительно позволяет себе слишком смелые шутки, — признал маленький бородач.

— Это отвратительно! — Мистер Хупдрайвер поймал наконец утерянную мысль. — Почему, если леди проехала на велосипеде или надела не совсем обычный костюм, всякий грязный мерзавец считает необходимым ее оскорбить?..

— Я не думал, что молодая леди услышит мои слова, — принялся оправдываться Чарли. — Разве нельзя перекинуться парой слов с друзьями? Кто же знал, что дверь открыта?

Мистер Хупдрайвер заподозрил, что противник встревожен еще больше, чем он сам, и его воинственный дух моментально вскипел. Не мешает преподать этим самодовольным парням урок.

— Разумеется, вы знали, что дверь открыта, — возразил он с негодованием. — Разумеется, вы

предполагали, что мы услышим мерзкие слова. Не пытайтесь лгать: бесполезно. Ясно, что вы хотели позабавиться за наш счет и позабавились. А теперь, сэр, я собираюсь наказать вас, чтобы это послужило примером для других неосторожных остряков.

— В такую жару имбирное пиво имеет обыкновение бродить, — доверительно заметил маленький бородач, обращаясь к приятелю в плюшевой куртке. — Бутылки постоянно взрываются.

— Какой же смысл устраивать беспорядок в трактире? — Чарли обвел компанию умоляющим взглядом. — Если джентльмен решительно настроен на честный бой, то я не возражаю.

Соперник явно трусил. Мистер Хупдрайвер рассвирепел и прорычал:

— Где вам будет угодно!

— Ты оскорбил джентльмена, — подал голос человек в плюшевой куртке.

— Ну, не паникуй, Чарли, — подбодрил владелец гетр с перламутровыми пуговицами. — Ты тяжелее его. Да, тяжелее на целый стоун, да еще и на унцию в придачу.

— Вот что я скажу, — произнес джентльмен с избытком подбородков и, чтобы привлечь к себе

внимание, забарабанил пальцами по подлокотникам кресла. — Если Чарли некрасиво пошутил, то пусть держит ответ, вот что я скажу. Я вовсе не против шуток, только пусть отвечает за себя.

— Что ж, и отвечу, — заверил всех Чарли. — Если джентльмен готов встретиться во вторник на следующей неделе…

— Вздор! — отрезал мистер Хупдрайвер. — Сейчас же, и точка!

— Верно-верно, — похвалил его хозяин подбородков.

— Запомни, Чарли: никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня, — назидательно посоветовал человек в плюшевой куртке.

— Делать нечего, Чарли, — добавил парень в гетрах. — Придется держать ответ.

— Сами подумайте, — обратился Чарли ко всем, кроме Хупдрайвера. — Завтра вечером надо будет прислуживать на званом обеде у ее светлости. Каков я буду с синяком под глазом? И как с разбитыми губами стоять на запятках экипажа?

— Если ты так бережешь лицо, Чарли, то почему бы тебе не держать рот на замке? — осведомился молодой человек в гетрах.

— Вот именно, — добавил мистер Хупдрайвер. — Зачем разинул свою грязную пасть?

— Но ведь меня могут уволить! — жалобно прохныкал Чарли.

— Надо было раньше думать, — оборвал его мистер Хупдрайвер.

— Да я и не сказал ничего обидного, всего лишь пошутил, — не унимался загнанный в угол Чарли. — Скажу как джентльмен джентльмену: я крайне сожалею, если обидел джентльмена…

Дальше все заговорили одновременно.

Мистер Хупдрайвер подкрутил усы. Чарли признал свою вину, и это в какой-то мере сглаживало обиду. Однако наш герой лишь утвердился в стремлении растоптать поверженного противника, а потому громко, перекрывая остальные голоса, произнес грубую, оскорбительную фразу.

— Ты самый настоящий трус, — тем временем заявил молодой человек в гетрах, обращаясь к Чарли.

Всеобщее смятение усилилось.

— Только не подумайте, что я боюсь этого тонконогого молокососа, — внезапно выкрикнул Чарли. — Ни капли не боюсь!

«Ну вот, поворот на сто восемьдесят градусов, — с легким испугом подумал мистер Хупдрайвер. — Что же дальше?»

— Не рассиживайся здесь и не оскорбляй

джентльмена, — вмешался человек в плюшевой куртке. — Он обещал расквитаться с тобой по заслугам, и на его месте я бы уже это сделал.

— Что ж, чему быть, того не миновать, — решительно заключил Чарли и вскочил. — Раз надо, то надо. Значит, прямо сейчас!

Мистер Хупдрайвер — дитя судьбы — тоже поднялся, в ужасе осознавая, что интуиция его не обманула. Обстоятельства изменились. Он сам затеял ссору, и теперь, судя по всему, не остается ничего иного, кроме как ударить. Они с Чарли стояли в шести футах друг от друга, по разные стороны стола, оба задыхавшиеся и злые. Подумать только: вульгарная драка в трактире, да еще не с кем-нибудь, а с лакеем! Боже милостивый! Вот чем обернулась его полная достоинства речь! Как же, черт возьми, все это случилось? Наверное, надо обойти стол и наброситься на этого молодого человека.

Однако прежде чем драка успела начаться, вмешался парень в гетрах.

— Не здесь, — сказал он, вставая между противниками.

Остальные тоже поднялись с мест.

— А Чарли хитер, — проговорил бородатый.

— Лучше пойдемте во двор к Буллеру, — с

уверенностью опытного практика постановил парень в гетрах. — Конечно, если джентльмен не возражает. — Судя по всему, двор Буллера годился для дела лучше всего. — С вашего позволения, разберемся по всем правилам.

Прежде чем мистер Хупдрайвер успел сообразить, что происходит, его уже вывели из гостиницы через черный ход и сопроводили на первый и единственный в его жизни кулачный бой.

Внешне, к тому же при лунном свете, мистер Хупдрайвер перед грядущим боем выглядел совершенно спокойным, однако в душе его бушевал хаос. Как неожиданно разгорелся конфликт! Слово за слово — и вот он уже с трудом поспевает за развитием событий. Он ясно помнил только то, как шел из одной комнаты в другую — полный аристократического достоинства, готовый произнести убедительную речь и преподать неотесанным мужланам урок чести. И вдруг он шагает по освещенному луной переулку — легкая темная фигура среди крупных расплывчатых теней — во двор какого-то неведомого Буллера, навстречу неведомому ужасу! Драться на кулаках! Поразительно. Кошмарно! Впереди маячила фигура Чарлза, которого по-дружески, но крепко держал под руку молодой человек в гетрах.

— Чертовски глупо драться из-за такой мелочи, — горестно сокрушался Чарлз. — Ему-то хорошо, он явно на отдыхе и не должен, как я, завтра прислуживать на званом обеде. И перестань, ради всего святого, так больно сжимать мне руку!

Они вошли в какую-то калитку и оказались во дворе Буллера. Вокруг теснились сараи, в воздухе ощущался терпкий запах коров, а на побеленной стене четко вырисовывалась черная тень от насоса. Здесь аккуратное лицо нашего героя должно было превратиться в кровавую лепешку. Он понимал, как глупо обрекать себя на погибель, однако выхода не представлял. А что же потом? Сможет ли он снова с ней встретиться? Мистер Хупдрайвер похлопал себя по куртке и встал спиной к воротам. Должно быть, так занимают позицию обороны? А что, если развернуться, броситься бегом в гостиницу и запереться в своей комнате? Они не смогут заставить его выйти, ни за что, а если попытаются, он подаст на них в суд за нападение. Интересно, а как подают в суд за нападение? В эту минуту совсем рядом возникло отвратительно белое в свете луны лицо Чарлза.

Удар пришелся в предплечье, и мистер Хупдрайвер пошатнулся. Чарлз сразу пошел в

наступление. Но вот наш герой с отчаянной силой ударил справа. Прием получился случайно, экспромтом, однако в точности совпал с рекомендуемым защитным выпадом. С боевым восторгом он осознал, что кулак угодил прямиком в челюсть противника. Этот радостный миг стал единственным за время поединка и, к сожалению, мимолетным. Чарлз тут же ответил ударом в грудь. Мистер Хупдрайвер отшатнулся и с трудом удержался на ногах; возникло отвратительное ощущение, словно ему расплющили сердце.

— Черт подери! — воскликнул кто-то у него за спиной.

Мистер Хупдрайвер покачнулся, а Чарлз издал громкий, душераздирающий воинственный клич. В лунном свете он возвышался над противником, подобно башне, и беспрестанно махал кулаками. Не иначе как наступал конец. Мистер Хупдрайвер быстро пригнулся, метнулся вправо, нанес удар, но промахнулся. Чарлз в свою очередь рванулся влево, попытался ответить, однако тоже не попал в цель. Кулак пронесся над левым ухом мистера Хупдрайвера, и на этом атака с фланга завершилась, но последовал очередной удар, на сей раз прямиком в ухо. Земля и небо закружились, и в эту минуту светлая фигура прошмыгнула

в калитку и исчезла во тьме. Парень в гетрах бросился наперерез, однако остановить беглеца не смог. Послышался громкий смех, раздались ликующие крики. Медленно выпрямившись, мистер Хупдрайвер с удивлением осознал великую и прекрасную правду: противник позорно бежал, а он доблестно сражался и победил по всем правилам битвы.

— Славно вы врезали ему в челюсть, — с неожиданным дружелюбием сказал беззубый бородатый человечек.

— Дело в том, — пояснил мистер Хупдрайвер, сидя на обочине дороги, ведущей в Солсбери, и прислушиваясь к далекому колокольному звону, — что пришлось научить грубияна уму-разуму. Да, просто пришлось.

— Так ужасно, что люди дерутся, — вздохнула Джесси.

— Но ведь эти невежи стали поистине невыносимыми, — спокойно ответил мистер Хупдрайвер. — Если время от времени не давать им отпора, то скоро ни одна леди не сможет проехать по дороге на велосипеде.

— По-моему, любая женщина боится насилия, — продолжила Джесси. — Мужчины намного храбрее — по-своему. Даже не представляю, как

можно войти в комнату, где сидят совершенно незнакомые, неприятные люди, выбрать среди них самого дерзкого и как следует его отлупить. Одна лишь мысль об этом внушает ужас. Я думала, что на такое способны только телохранители в романах Уиды[26].

— Таков долг истинного джентльмена, ничего больше, — пожал плечами мистер Хупдрайвер.

— Но каково это — шагнуть навстречу опасности?

— Всего лишь привычка, — скромно ответил мистер Хупдрайвер и небрежно смахнул с колена сигаретный пепел.

[26] Сноски: 26

Уида (псевдоним Марии Луизы Раме) (1839–1908) — английская романистка.

XXXIII. Сомнение

В понедельник утром беглецы позавтракали в Блэндфорде, в гостинице «Золотой фазан». Сложным, запутанным путем они двигались по графству Дорсетшир в Рингвуд, куда должен был прийти ответ от школьной учительницы Джесси. К этому времени наши путешественники провели вместе почти шестьдесят часов, и вполне понятно, что чувства мистера Хупдрайвера стали глубже и серьезнее. Поначалу Джесси представлялась воздушным видением — женственным, легким и ослепительным, витавшим в облаках и волей милостивой судьбы ниспосланной ему на радость. Как вам известно, первоначальная идея нашего героя заключалась в попытке дотянуться до спутницы, притворяясь более богатым, образованным и родовитым, чем был на самом деле. Знание женской натуры мистер Хупдрайвер черпал исключительно из общения с коллегами-продавщицами, а среди представителей этого класса (равно как среди военных и слуг) по сию пору с религиозным рвением соблюдаются традиции строгого социального разделения. Наш

герой невыносимо боялся, что Джесси сочтет его развязным. Постепенно он начал понимать отличительные особенности ее характера и образа мысли. Полное отсутствие жизненного опыта сочеталось в ней с нескрываемым восхищением абстрактными идеями самого продвинутого свойства, а сила ее убежденности покоряла. Мисс Милтон решительно готовилась начать самостоятельную жизнь, и под ее влиянием мистер Хупдрайвер тоже начал склоняться к подобному намерению. Осознав смысл ее стремлений, он понял, что и сам с ранних лет думал о том же.

— Конечно, — однажды заявил он в приступе мужской гордости, — мужчина всегда свободнее женщины. И все же в колониях нет и половины тех условностей, которые существуют в английском обществе.

Пару раз он попытался проявить смелость взглядов, даже не осознавая, что в эти моменты произвел впечатление крайне ограниченного человека. Например, пренебрег многовековой традицией и не предложил зайти в церковь; более того, весьма либерально высказался о посещении воскресной службы.

— Не больше чем привычка, — высокомерно заявил наш герой. — Просто старинный обы-

чай. Честное слово, не понимаю, какая от этого польза. — И разразился потоком шуток по поводу головных уборов священников, напоминавших колпак дымовой трубы, которые недавно прочитал в журнале «Глоб».

Однако он продемонстрировал хорошее воспитание, все воскресенье не снимая перчаток и демонстративно выбросив больше половины сигареты на подъезде к церкви, куда прихожане стекались на дневную службу. Помня о планах Джесси стать писательницей, мистер Хупдрайвер дипломатично избегал литературных тем, делая исключение лишь для комплиментов.

И все-таки по просьбе мисс Милтон в Блэндфорде они поднялись на старинную церковную галерею и таким образом приняли участие в службе. Следует заметить, что к этому времени Джесси начали терзать мучительные сомнения: стало ясно, что события развиваются вовсе не так, как она представляла. Произведения Оливии Шрейдер, Джорджа Эджертона[27] и прочих поборниц женской свободы она читала со свойственным девочкам (пусть не по возрасту, но

[27] Сноски: 27

Эджертон Джордж (Мери Чавелита Данн Брайт, (1859–1945) — псевдоним английской писательницы, автора коротких рассказов, романов, пьес и переводов.

по эмоциональной зрелости) ограниченным пониманием. Она твердо знала, что поступить правильно означает снимать отдельную квартиру, ходить в Британский музей и писать статьи в ежедневные газеты — до тех пор, пока не подвернется что-нибудь более стоящее. Если бы Бечемел — мерзкий тип! — исполнил свое обещание, а не поступил столь отвратительно, все сложилось бы хорошо, а теперь оставалось надеяться исключительно на либерально настроенную мисс Мергл, год назад выпустившую высокообразованную девушку Джесси в жизнь. На прощание учительница подарила любимой ученице томик эссе Эмерсона[28] и «Расцвет Голландской республики» Мотли[29] — книги, которые должны были помочь пережить трудности взросления, — а также пожелала ей держаться бесстрашно и честно.

Отношение Джесси к образу жизни мачехи в тот момент было уже негативным. В мире не существует более серьезных и мрачных особ, чем умные девушки, чьи успехи в постижении

---

[28] Сноски: 28

Эмерсон Ралф Уолдо (1803–1882) — американский эссеист, поэт, философ, пастор, лектор, общественный деятель.

[29] Сноски: 29

Мотли Джон Лотроп (1814–1877) — английский писатель, историк и дипломат.

знаний замедлили развитие женского кокетства. Несмотря на прогрессивный дух романа Томаса Плантагенета, направленного против института брака, Джесси быстро поняла, что стоит за маленькими хитростями этой очаровательной женщины, а ее притворство перед многочисленными поклонниками форм вызывало нестерпимое раздражение. Поэтому возвращение к нелепой, далекой от реальности жизни, означавшее безусловную капитуляцию перед консервативными условностями, казалось невозможным. И все же что еще оставалось делать? Теперь вы должны понять, отчего мисс Милтон то впадала в мрачную задумчивость (в эти минуты мистер Хупдрайвер хранил почтительное молчание и проявлял особую заботу), то красноречиво осуждала существующие порядки. Мистер Хупдрайвер выяснил, что его спутница разделяет взгляды социалистов, и туманно намекнул, что он пошел еще дальше, имея в виду едва ли не ужасы анархизма. Если бы наш герой хоть немного представлял, где именно находится Зимний дворец, и точно знал, что тот разрушен, то наверняка признался бы, что это дело его рук. Он с готовностью соглашался с тем, что положение женщин ужасающее, однако удержался и не сказал, что девушке-продавщи-

це не стоит просить коллегу-мужчину снять с верхней полки коробку в тот самый момент, когда коллега-мужчина занят с покупательницей. Несомненно, только сосредоточенность на собственных проблемах помешала Джесси разоблачить фантазии мистера Хупдрайвера уже в субботу или в воскресенье.

В воскресенье ночью мистеру Хупдрайверу почему-то не спалось, что случалось с ним исключительно редко. Внезапно пришло осознание, что он презренный лжец. В понедельник, на рассвете, он все еще с мучительным стыдом перебирал в уме свои фантазии, а когда попытался отвлечься от неприятных воспоминаний, перед ним встали финансовые проблемы. Часы пробили два часа, потом три. Удивительно, насколько несчастными чувствуют себя некоторые люди, причем в тот момент, когда должны наслаждаться блаженством.

XXXIV. Унижение мистера Хупдрайвера

— Доброе утро, мэм, — приветствовал мистер Хупдрайвер Джесси, когда та спустилась к завтраку, улыбнулся, поклонился, потер руки, выдвинул для нее стул и снова потер руки.

Мисс Милтон внезапно остановилась — явно озадаченная.

— Где я видела это прежде? — спросила она недоуменно.

— Что, стул?

— Нет. Такое поведение.

Она подошла и, с любопытством глядя ему в лицо, подала руку для пожатия.

— И откуда это обращение — мэм?

— Привычка, — виновато оправдался мистер Хупдрайвер. — Дурная привычка. Но отнесите это на счет нашей колониальной неотесанности. Видите ли, там, в Африке, леди встречаются так редко, что их всех мы называем «мэм».

— Да, у вас, братец Крис, довольно оригинальные привычки, — пожала плечами Джесси. — Прежде чем продать акции алмазных копей,

явиться, как вы говорите, в общество и баллотироваться в парламент — до чего же удобно быть мужчиной! — необходимо от них избавиться. В том числе и от привычки кланяться, потирать руки и смотреть так, словно вы чего-то ждете.

— Да, и это тоже привычка.

— Понимаю. Но не думаю, что хорошая. Я не обижаю вас, говоря об этом?

— Ничуть. Напротив, я благодарен за прямоту.

— Дело в том, что я весьма наблюдательна. Не знаю, считать это благословением или несчастьем, — призналась Джесси, обратив взгляд на стол.

Мистер Хупдрайвер потянулся к усам, однако подумал, что и это может показаться дурной привычкой, и спрятал руку в карман. Он чувствовал себя, выражаясь его собственными словами, чертовски неловко. Джесси тем временем обратила внимание на оторвавшуюся обивку кресла и, возможно, чтобы доказать свою наблюдательность, попросила у мистера Хупдрайвера булавку. Его рука инстинктивно потянулась к отвороту на куртке, где были приколоты две найденные булавки.

— Что за странное место для хранения булавок! — воскликнула Джесси, принимая поданную

вещицу.

— Удобно, — ответил мистер Хупдрайвер. — Однажды подсмотрел у продавца в магазине.

— Должно быть, вы очень аккуратный и бережливый человек, — заметила мисс Милтон, опустившись на колени возле кресла.

— В центре Африки — то есть на севере страны — поневоле научишься беречь булавки, — после заметной паузы промолвил мистер Хупдрайвер. — Там не так-то много булавок.

Лицо его пылало. Каким же образом приказчик из магазина тканей проявится в следующий раз? Он спрятал руки в карманы, потом одну вынул, незаметно вытащил из лацкана вторую булавку и осторожно бросил за спину, угодив прямиком в каминную решетку. Металл звонко стукнулся о металл. К счастью, Джесси промолчала, погрузившись в процесс ремонта кресла.

Мистер Хупдрайвер встал возле стола и коснулся кончиками пальцев скатерти. Завтрак до сих пор не подали. Он взял салфетку, внимательно рассмотрел кольцо, потрогал ткань и вернул салфетку на место. Внезапно захотелось проверить состояние дупла в зубе мудрости; к счастью, этот порыв удалось вовремя пресечь. Вдруг наш герой осознал, что стоит возле стола, как за прилавком,

а потому немедленно сел и забарабанил пальцами. Было страшно жарко и неловко.

— Завтрак задерживается, — заметила Джесси. — Не так ли?

Разговор едва тлел, как сырые дрова в камине. Джесси спросила насчет расстояния до Рингвуда, и снова наступило напряженное молчание.

Пытаясь скрыть смущение, наш герой опять посмотрел на стол, словно невзначай приподнял кончиками пальцев край скатерти, внимательно рассмотрел ее, оценивая качество ткани, и подумал: «Пятнадцать шиллингов три пенса».

— Зачем вы это делаете? — спросила Джесси.

— Что делаю? — Мистер Хупдрайвер судорожно бросил скатерть и принялся дергать себя за усы; лицо его стало алым. — Знаю, — проговорил он сдавленным голосом. — Знаю. Привычка действительно странная. Но, понимаете ли, там у нас слуги — туземцы. Понимаете ли… конечно, неприятно об этом говорить… приходится постоянно следить, чтобы все оставалось чистым. Так и выработалась привычка.

— Как странно! — проговорила Джесси.

— Да уж, — смущенно пробормотал мистер Хупдрайвер.

— Будь я Шерлоком Холмсом, — продолжила

Джесси, — то, наверное, по таким мелким признакам определила бы, что вы приехали из колонии. Ну я и так догадалась. Не правда ли?

— Да, — меланхолично согласился мистер Худрайвер. — Догадались.

Он подумал, что настало самое подходящее время для признания. Почему бы не сказать: «К сожалению, на этот раз вы ошиблись»? Может быть, она что-то заподозрила? Однако в этот психологически сложный момент дверь с шумом открылась, чтобы впустить горничную с подносом, на котором стояли яичница и кофе.

— Интуиция никогда меня не подводит, — гордо заключила Джесси.

Раскаяние, мучавшее нашего героя в течение двух дней, окончательно победило. Какой он низкий, гадкий лжец! К тому же рано или поздно ложь все равно откроется.

XXXV. Исповедь

Мистер Хупдрайвер положил на тарелку яичницу, но, вместо того чтобы приняться за еду, подпер щеку рукой и стал задумчиво наблюдать, как Джесси наливает кофе. Уши у него пылали, в глазах стояли слезы. Он неуклюже взял свою чашку, но тут же снова поставил, откашлялся, откинулся на спинку стула и засунул руки в карманы.

— И все-таки я это сделаю, — произнес он громко и решительно.

— Что сделаете? — глядя поверх кофейника, удивленно спросила Джесси. Она как раз занялась яичницей.

— Во всем признаюсь.

— В чем же?

— Мисс Милтон, дело в том, что я — самый настоящий лжец.

Склонив голову набок, он решительно взглянул на нее, а потом медленно, четко выговаривая каждое слово, пояснил:

— На самом деле я продавец в магазине тканей.

— Вы продавец? А я-то думала…

— Вы неверно думали. Но все равно правда непременно всплыла бы. Булавки, манеры, привычки говорят сами за себя. Да, я всего лишь младший продавец, которому дали отпуск на десять дней. Помощник продавца. Не так уж солидно, правда? Можно сказать, мальчик на побегушках.

— Младший продавец вовсе не та работа, которой нужно стыдиться, — заметила Джесси, приходя в себя, но пока не окончательно понимая, что происходит.

— Нужно стыдиться, — возразил мистер Худрайвер. — Во всяком случае, мужчине в наше время и в этой стране. Тем более если ты всего лишь помощник продавца. Приходится одеваться так, как положено, ходить в церковь, чтобы нравиться покупателям, и работать, работать, работать с утра до ночи. Ни на одной другой работе не приходится стоять часами. Пьяный каменщик по сравнению со мной — король.

— Но зачем же вы рассказываете это сейчас?

— Важно, чтобы вы знали правду.

— Но, мистер Бенсон…

— И это еще не все. Если не возражаете, расскажу о себе еще кое-что. Не могу больше обма-

нывать. Моя фамилия вовсе не Бенсон. Сам не понимаю, с какой стати я назвался Бенсоном. Должно быть, по глупости. Захотел выглядеть лучше, чем есть на самом деле. Вообще-то моя фамилия — Хупдрайвер.

— Да?

— И насчет Южной Африки, насчет льва…

— Что же?

— Сплошная ложь.

— Ложь!

— И открытие алмазных копей на страусовой ферме тоже ложь. — Мистер Хупдрайвер взглянул на нее с мрачным удовлетворением. Как бы то ни было, теперь совесть его была чиста.

Джесси смотрела на нашего героя с бесконечным недоумением: он предстал совсем в ином облике.

— Но зачем же … — начал она.

— Зачем наговорил столько небылиц? Сам не знаю. Должно быть, просто так, по дурацкой прихоти. Думаю, хотел произвести благоприятное впечатление. Но сейчас почему-то хочу, чтобы вы знали правду.

Джесси молчала. Завтрак оставался нетронутым.

— Думаю, дело вот в чем, — решительно про-

должил мистер Хупдрайвер. — Наверное, помимо прочего причина хвастовства в снобизме и подобных отрицательных качествах. Всю ночь я не спал, думал о себе… о том, до чего же я пустой, нестоящий человек и все такое.

— Значит, у вас нет акций алмазных копей, вы не собираетесь баллотироваться в парламент и не…

— Все — мерзкая ложь, — замогильным голосом перебил ее мистер Хупдрайвер. — Ложь с самого начала и до самого конца. Понятия не имею, зачем я все это придумал.

Джесси смотрела на него в полной растерянности.

— Я никогда в жизни не бывал в Африке, — признался мистер Хупдрайвер в заключение исповеди, вытащил из кармана правую руку и с видом человека, только что пережившего смертельную опасность, принялся пить кофе.

— Немного неожиданно, — уклончиво произнесла Джесси.

— Вы обдумайте! — посоветовал мистер Хупдрайвер и добавил: — Я сожалею всей душой.

Завтрак продолжился в молчании. Погрузившись в размышления, Джесси ела очень мало. В то же время наш герой до такой степени под-

дался раскаянию и волнению, что на нервной почве съел невероятно много, причем даже не заметил того, что расправляется с яичницей ложкой, предназначенной для джема. Взор его был мрачно потуплен. Мисс Милтон наблюдала за спутником из-под опущенных ресниц. Пару раз она с трудом удержалась от смеха, а пару раз испытала негодование.

— Не знаю, что и думать, — призналась мисс Милтон наконец. — Не понимаю, что вы за человек на самом деле, братец Крис. Не поверите, но я считала вас абсолютно честным. А самое странное…

— Да?

— Самое странное, что я и сейчас так думаю.

— Честный! Нагородив столько лжи?

— Сама удивляюсь.

— А я не удивляюсь — я стыжусь себя. Но, во всяком случае, больше вас не обманываю.

— Мне показалось, — проговорила молодая леди в сером, — что история со львом…

— О господи! — воскликнул мистер Хупдрайвер. — Не напоминайте хотя бы об этом!

— Мне показалось… возникло чувство, что рассказ не совсем правдив. — Заметив выражение его лица, Джесси расхохоталась. — Конечно, вы

честны. Как я могла усомниться? Как будто сама никогда не притворялась! Теперь я все отлично понимаю.

Мисс Милтон внезапно поднялась и через стол протянула ему руку. Мистер Хупдрайвер взглянул на нее с недоверием, но ее прекрасные глаза светились дружелюбием. Поначалу он ничего не понял. Встал, продолжая держать ложку для джема, и с униженным видом пожал предложенную ладонь.

— Боже! — промолвил он тихо. — Неужели вам недостаточно моих унижений?

— Да, теперь я все понимаю, — повторила мисс Милтон.

Внезапно ее посетило откровение. Она снова села, и мистер Хупдрайвер последовал ее примеру.

— Вы так поступили, потому что хотели мне помочь. Вы думали, что я слишком консервативна, чтобы принять помощь от человека, который ниже меня по общественному положению.

— Отчасти так, — подтвердил наш герой.

— Как же неверно вы меня поняли!

— Не обижаетесь?

— Ничуть. Это было поистине благородно с вашей стороны. Жаль только, что вы подумали, будто я могу устыдиться общения с человеком

честного труда.

— Но ведь поначалу я вас не знал, — заметил мистер Хупдрайвер в свое оправдание. К нему возвращалось самоуважение. Вдруг оказалось, что он полезный гражданин. Сомнений в этом теперь не осталось. Ну а ложь следует считать благородной.

Итак, завтрак удивительным образом закончился счастливо, превзойдя самые смелые ожидания. Из крошечного кирпичного Блэндфорда наши путешественники выехали в прекрасном настроении, словно ни малейшая тень не пролегла между ними.

XXXVI. Откровения продолжаются

Однако когда они сидели среди сосен на обочине дороги, на полпути к вершине холма между Уимборном и Рингвудом, мистер Хупдрайвер снова заговорил о своем положении в обществе.

— Неужели вы считаете, что продавец тканей может быть достойным человеком? — внезапно спросил он, вынув изо рта сигарету.

— Почему же нет?

— Например потому, что старается продать людям то, что им не нужно.

— Но ведь он делает это по необходимости?

— Торговля, — пожал плечами мистер Хупдрайвер. — Без хитрости или даже обмана ничего не заработаешь. Спорить бессмысленно — профессия эта не слишком честная и не слишком полезная… да и ценится невысоко. Ни свободы, ни досуга. Изо дня в день с семи утра до половины девятого вечера стоишь за прилавком. Жить совсем некогда, не так ли? Настоящие рабочие смеются над нами, а образованные ребята вроде банковских служащих и секретарей в приемных

адвокатов смотрят свысока. Внешне все выглядит прилично, а на самом деле нас держат в общежитии, как заключенных, кормят хлебом с маслом и погоняют, словно рабов. В итоге ты приличен настолько, чтобы не чувствовать себя приличным. Без денег нет никаких перспектив — только один из сотни продавцов зарабатывает достаточно, чтобы жениться. А если даже и женится, управляющий при желании может заставить его чистить ботинки, и он даже пикнуть не посмеет. Вот что такое продавец тканей! А вы предлагаете довольствоваться подобной судьбой. Вы сами согласились бы работать продавщицей?

Мисс Милтон ничего не ответила, только устремила на него полный сочувствия взгляд, а он остался во власти мрачных мыслей.

После долгой паузы мистер Хупдрайвер заговорил снова.

— Я вот думаю… — произнес он негромко и умолк.

Джесси внимательно взглянула на него, и в карих глазах вспыхнул теплый, нежный свет. Открывая душу, мистер Хупдрайвер смотрел не на собеседницу, а на траву, и в особо важные моменты энергично двигал руками, которые держал на коленях ладонями вверх. Но сейчас его

руки безвольно повисли.

— Да?

— Я думал сегодня утром… — снова начал мистер Хупдрайвер.

— О чем же?

— Глупо, конечно.

— И все-таки?

— Мне около двадцати трех лет. До пятнадцати я учился как положено, но вот уже восемь лет как забросил учебу. Продолжить уже поздно? В школе я вовсе не числился отстающим. Занимался алгеброй, латынь прошел вплоть до вспомогательных глаголов, кое-что понимал по-французски… Короче говоря, какая-то основа знаний есть.

— То есть вы думаете, стоит ли продолжать работать над собой?

— Да, — подтвердил мистер Хупдрайвер. — Совершенно верно. Без капитала в торговле тканями делать нечего. Но если бы можно было получить образование…

— Почему же нет? — удивилась молодая леди в сером.

Такого решительного подхода он от нее не ожидал.

— Вы думаете, можно?

— Конечно. Вы же мужчина. Вы свободны! — Она воодушевилась: — Хотела бы я оказаться на вашем месте, чтобы получить возможность бороться.

— Но все-таки прошло целых восемь лет.

— Их можно наверстать. Те, кого вы называете образованными людьми, не двигаются вперед. При желании вы быстро их догоните. Они вполне довольны жизнью: играют в гольф, придумывают, какие умные слова сказать женщинам вроде моей мачехи, ходят по званым обедам. Вы уже опередили их по крайней мере в одном: они считают, что все знают, а вы нет. На самом же деле они знают совсем мало.

— Боже мой! — воскликнул мистер Хупдрайвер. — Как же вы умеете вдохновлять!

— Если бы я могла вам помочь… — проговорила Джесси и многозначительно умолкла.

Он снова погрузился в раздумья и внезапно заметил:

— Совершенно очевидно, что вы невысокого мнения о продавцах тканей.

Снова наступило молчание.

— Сотни знаменитых людей, — заговорила Джесси, — вышли из низших социальных слоев. Бернс был землепашцем, крестьянином, Хью

Миллер[30] — каменщиком, а Додсли[31] — лакеем. И многие другие.

— Но продавцы тканей! Мы слишком слабы и манерны, чтобы чего-то добиться, ведь в борьбе можно помять сюртук и испачкать манжеты…

— А как же теолог Кларк?[32] Он торговал тканями.

— Говорят, был один, который открыл швейную фабрику. О других не слышал.

— Читали роман Томаса Гарди[33] «Джуд Незаметный»?

— Нет! — признался мистер Хупдрайвер и, не дожидаясь объяснения, начал перечислять прочитанные книги: — На самом деле я читал мало. В моем положении просто не хватает времени. У нас в магазине есть небольшая библиотека, я ее всю прочитал. Почти все, что написала Анни

---

[30] Сноски: 30

Миллер Хью (1802–1856) — шотландский геолог, писатель, фольклорист.

[31] Сноски: 31

Додсли Роберт (1704–1864) — английский книготорговец, издатель, поэт, драматург и писатель.

[32] Сноски: 32

Кларк Сэмюэл (1675–1729) — английский философ и теолог, ученик Ньютона, приверженец и пропагандист его идей.

[33] Сноски: 33

Гарди Томас (1840–1928) — крупнейший английский писатель и поэт поздней Викторианской эпохи.

Безант[34], а также романы Мэри Элизабет Брэддон[35], Райдера Хаггарда[36] и других. Конечно, все это хорошие книги и писатели первоклассные, и все же не могу сказать, что они очень на меня повлияли. Однако есть множество книг, о которых все вокруг говорят, а я их не читал.

— А что-нибудь, кроме романов, вы читаете?

— Очень мало. Я устаю после работы, да и книги достать трудно. Конечно, иногда я посещаю общедоступные лекции. Например, слушал курс о драматургах эпохи королевы Елизаветы, но мне показалось чересчур заумно. В том же центре занялся резьбой по дереву, но порезал большой палец и оставил это занятие.

Расстроенный, с грустным лицом и безвольно повисшими руками, мистер Хупдрайвер представлял печальное зрелище.

— Тошно думать, как всю жизнь меня дурачили, — добавил он печально. — Мой школьный

---

[34] Сноски: 34

Безант Анни (1847–1933) — английский теософ, писатель и оратор, сторонница независимости Ирландии и Индии.

[35] Сноски: 35

Брэддон Мэри Элизабет (1835–1915) — популярная английская писательница Викторианской эпохи.

[36] Сноски: 36

Хаггард Генри Райдер (1856–1925) — английский писатель; представитель викторианской и эдвардианской приключенческой литературы.

учитель заслуживает примерной порки. Он самый настоящий вор. Должен был сделать из меня человека, а вместо этого украл двадцать три года жизни, набив голову всякой ерундой. И вот он я перед вами! Ничего не знаю и ничего не умею, а время учиться миновало.

— Разве? — усомнилась Джесси, однако спутник, кажется, ее не слышал.

— А родители не придумали ничего лучше, как заплатить тридцать фунтов… целых тридцать фунтов за то, чтобы сделать из меня того, кто я есть. Управляющий обещал научить профессии, а в итоге сделал подручным. Так в торговле тканями всегда поступают с новичками. Если бы каждый мошенник сел в тюрьму, то не у кого было бы купить ленту или отрез на платье. Бернс и ему подобные ребята заслуживают глубокого почтения, но, увы, я не из их числа. И все же я не настолько плох, чтобы при должном образовании ни на что не сгодился. Хотелось бы знать, что сталось бы с теми парнями, которые насмехаются над такими, как я, если бы их точно так же водили за нос. А начинать жизнь заново в двадцать три года поздновато.

Мистер Хупдрайвер взглянул на нее с грустной улыбкой; сейчас он был более печальный и

мудрый, чем представлял себя в самых смелых фантазиях.

— А вы смогли все изменить, — продолжил он, вздохнув. — Вы настоящая. Благодаря вам я задумался о том, кто я есть и кем мог бы стать, если бы обстоятельства изменились.

— Измените обстоятельства.

— Но как?

— Работайте. Прекратите играть в жизнь. Посмотрите в лицо реальности, как должен смотреть настоящий мужчина.

— Ах! — растерянно отозвался мистер Хупдрайвер, искоса взглянув на нее. — Но даже тогда… все равно ничего не получится: слишком поздно начинать.

Разговор закончился, воцарилось задумчивое молчание.

XXXVII. В Нью-Форесте

В Рингвуд наши путешественники прибыли к ланчу. На почте Джесси ожидало разочарование: ответного письма от учительницы там не оказалось. Напротив гостиницы под названием «Изменчивая судьба» располагался велосипедный магазин, в витрине которого красовался изрядно потрепанный трехколесный тандем марки «Клуб Малборо», а висевшее рядом объявление сообщало о прокате двухколесных и трехколесных машин. Мистеру Хупдрайверу заведение запомнилось тем, что его владелец перешел через дорогу и внимательно изучил их с Джесси велосипеды. Проявленный интерес вызвал ряд подозрений, однако, к счастью, все обошлось.

Пока они обедали, в зал вошел высокий худой священник с разгоряченным, пылающим лицом и устроился за соседним столом. Одет он был в некотором роде экстравагантно: застегивающийся сзади воротничок, вопреки жаркой погоде, выглядел излишне высоким, а вместо обычного длиннополого сюртука на нем был на редкость короткий пиджак. На ногах были не первой мо-

лодости коричневые ботинки, брюки посерели от пыли, а голову вместо обычной мягкой фетровой шляпы украшала пегая соломенная панама. Святой отец явно отличался чрезмерной общительностью.

— Замечательный выдался денек, сэр, — произнес он зычным тенором.

— Прекрасный, — согласился наш герой, не отрываясь от мясного пирога.

— Полагаю, вы путешествуете на велосипеде по нашему восхитительному краю, — продолжил священник.

— Да, любуемся красотами, — лаконично пояснил мистер Хупдрайвер.

— Уверен, что если машина хорошо смазана, то нет более легкого и приятного способа насладиться видами.

— Совершенно верно, — подтвердил мистер Хупдрайвер. — Трудно представить что-нибудь лучше.

— Для пары молодоженов нет ничего более сближающего, чем тандем.

— Вы правы, — слегка покраснев, согласился мистер Хупдрайвер.

— Должно быть, вы путешествуете на тандеме?

— Нет, мы едем на разных велосипедах, — лаконично ответил наш герой.

— Движение на свежем воздухе необыкновенно бодрит и воодушевляет. — Сделав столь глубокомысленное заключение, святой отец повернулся и совсем иным — твердым и властным — голосом приказал официанту принести чашку чая, две желатиновые пастилки, хлеб, масло, салат и, наконец, мясной пирог.

— Желатиновые пастилки необходимы, чтобы вывести из чая танин, — добродушно пояснил он, не обращаясь ни к кому-то конкретно, затем положил подбородок на руки и сосредоточил взгляд на небольшой картине, висевшей над головой мистера Хупдрайвера.

— Я и сам велосипедист, — наконец промолвил он, опуская взгляд на собеседника.

— Правда? — удивился мистер Хупдрайвер и дернул себя за усы. — Можно узнать, что у вас за машина?

— Недавно приобрел трехколесный велосипед. К сожалению, двухколесный мои прихожане считают чересчур — как бы это сказать? — легкомысленным. Поэтому пришлось обзавестись тяжелым трехколесным. Вот только что притащил его сюда.

— Притащили! — изумленно повторила Джесси.

— Да, на шнурке от ботинка. А часть пути даже пронес на спине.

Наступила пауза. Джесси едва не подавилась. На лице мистера Хупдрайвера отразилось несколько стадий удивления, но потом он все-таки нашел объяснение:

— Должно быть, вы попали в аварию.

— Нет, аварией это вряд ли можно назвать, просто колеса внезапно перестали крутиться. Я оказался в пяти милях отсюда с абсолютно неподвижной машиной.

— О! — стараясь выглядеть как можно умнее, произнес мистер Хупдрайвер, а Джесси внимательно посмотрела на безумца.

— Судя по всему, — пояснил чрезвычайно довольный произведенным эффектом священник, — слуга старательно начистил детали парафином, потом высушил, а вот смазать забыл. В результате подшипники перегрелись и застопорились. С самого начала машина шла тяжело и шумно, но я объяснил это собственной ленью и удвоил усилия.

— Да, трудно, должно быть, вам пришлось, — сочувственно заметил мистер Хупдрайвер.

— Точнее не скажешь. Мое жизненное правило предписывает все делать с максимальным прилежанием. Полагаю, подшипники раскалились докрасна. В конце концов, одно колесо просто отказалось работать, а поскольку это было боковое колесо, велосипед перевернулся, а вместе с ним и я.

— Хотите сказать, что вы опрокинулись? — внезапно заинтересовавшись, уточнил мистер Хупдрайвер.

— Совершенно верно. А поскольку я не пожелал признать поражение, пострадал еще несколько раз. Только представьте, какое нетерпение меня охватило! Я громогласно протестовал — разумеется, в шутливом тоне. Хорошо, что на дороге никого не было. В конце концов, машина полностью утратила способность двигаться, так что неравную борьбу пришлось прекратить. Трехколесный велосипед превратился в тяжелый груз: не оставалось ничего иного, как тянуть его или нести.

Появился официант с заказанной святым отцом едой.

— Пять миль, — пояснил тот, с жадностью вкусив хлеба с маслом. — К счастью, я наделен щедрым запасом оптимизма и энергии. Было бы

хорошо, если бы все вокруг обладали подобными свойствами.

— Да, действительно, — согласился мистер Хупдрайвер.

На некоторое время разговор уступил место еде.

— Желатин, — заметил священник, задумчиво помешивая чай, — убирает танин, чем способствует пищеварению.

— Что, несомненно, полезно знать, — вежливо поддержал мистер Хупдрайвер.

— Рад поделиться, — ответил священник, с аппетитом надкусив сразу два сложенных вместе бутерброда с маслом.

Днем наши путешественники не спеша отправились в сторону Стоуни-Кросса. Разговор протекал вяло, ибо тема Южной Африки отпала сама собой. Мистера Хупдрайвера одолевали тревожные мысли: в Рингвуде он разменял последний соверен. Осознание финансовой несостоятельности пришло слишком поздно. Конечно, в сберегательной кассе на почте в Патни хранилось больше двадцати фунтов, но банковская книжка осталась запертой в ящике заведения компании «Энтробус». Иначе наш влюбленный герой наверняка тайком снял бы

всю сумму, лишь бы хоть на несколько дней продлить романтическое путешествие. А сейчас его счастье оказалось под угрозой. И все же каким-то чудесным образом, несмотря на тревогу и утреннее унижение, мистер Хупдрайвер пребывал в возвышенном настроении. Постоянно восхищаясь своей спутницей, он совершенно забыл о себе, о своих фантазиях и небылицах. Больше всего его беспокоила необходимость сообщить ей о материальных проблемах.

Долгий подъем утомил наших путешественников, и, не доехав до Стоуни-Кросса, они остановились и присели на обочине в тени небольшого дуба. Ближе к вершине дорога описывала петлю — поначалу спускалась вправо, а потом снова поднималась, возвращаясь слева. Холм густо порос вереском; на всем протяжении пути по краю глубокой канавы с трудом росли невысокие чахлые дубы. Сама дорога была песчаной, хотя ниже выглядела серой и тонула в тени более высоких и густых деревьев. Мистер Хупдрайвер, пытаясь спрятать неловкость, достал сигареты и закурил.

— Я должен кое-что вам сказать, — начал он, стараясь казаться абсолютно спокойным.

— Да? — живо отозвалась Джесси.

— Хотелось бы уточнить ваши планы.

— Я еще ничего не решила, — ответила она.

— Вы собираетесь писать книги?

— Или заняться журналистикой, или преподавать… что-нибудь в этом роде.

— Чтобы жить независимо от мачехи?

— Да.

— Сколько времени вам понадобится, чтобы определиться?

— Понятия не имею. Наверное, мир полон женщин — журналисток, санитарных инспекторов и художниц. Но скорее всего каждое из этих занятий требует немалого времени. Джордж Эджертон утверждает, что в наши дни большинство газет редактируют именно женщины. Думаю, что прежде всего следует связаться с толковым литературным агентом.

— Конечно, работа вполне подходящая, — заключил мистер Хупдрайвер. — Не такая обременительная, как, например, продажа тканей.

— Не стоит забывать, что умственный труд также очень тяжел.

— Но только не для вас, — возразил мистер Хупдрайвер, ловко ввернув изящный комплимент.

Оба помолчали.

— Дело вот в чем, — наконец заговорил наш герой. — Ужасно не хочется говорить о меркан-

тильных вещах, но… денег у нас осталось совсем мало.

Даже не глядя на Джесси, он почувствовал, как она вздрогнула.

— Должен признаться, я рассчитывал, что вы получите письмо от мисс Мергл и уже сегодня предпримете какие-то действия. — Слова «предпринять какие-то действия» он услышал, когда разменивал последний соверен.

— Деньги, — медленно проговорила Джесси. — Да, конечно. О деньгах я как-то не подумала.

— Смотрите, там едет тандем! — внезапно произнес мистер Хупдрайвер и показал сигаретой вниз.

Она взглянула и увидела, как у подножия холма из-за деревьев появились две маленькие фигурки. Согнувшись, велосипедисты напряженно крутили педали и мужественно, но безуспешно пытались преодолеть подъем. Машина явно оказалась слишком тяжелой для столь благородной цели, как покорение горных вершин. Вскоре сидевший сзади велосипедист приподнялся на сиденье и соскочил, предоставив товарищу одному справляться с тяготами судьбы. Однако тот явно не имел необходимого опыта и даже не представлял, как слезть с велосипеда. На протяжении

нескольких ярдов он упорно пытался продолжить путь, однако велосипед совсем не слушался и отчаянно вилял, причем как передним колесом, так и длинным непослушным хвостом. В конце концов, осознав тщетность попытки, неудачник попытался спрыгнуть с тандема как с обычного велосипеда, но задел ногой раму и тяжело упал.

Мисс Милтон вскочила и взволнованно воскликнула:

— Боже мой! Надеюсь, он не поранился!

На помощь неудачнику тотчас поспешил товарищ.

Мистер Хупдрайвер тоже поднялся, чтобы лучше видеть. Тот, кто спрыгнул первым, убрал длинный неустойчивый велосипед с дороги, а потом поддержал второго. Тот медленно, с очевидным трудом встал и принялся тереть ушибленное плечо. К счастью, травма, судя по всему, оказалась легкой, так что вскоре оба занялись лежавшей на обочине машиной. Мистер Хупдрайвер заметил, что мужчины были одеты не в велосипедные костюмы. Один красовался в гротескном наряде — даже на значительном расстоянии были заметны такие подробности, как широкая плоская кепка, коричневые кожаные штаны до колен и яркие клетчатые носки.

Невысокий худой мужчина, ехавший сзади, был одет в серый костюм.

— Любители, — снисходительно заметил мистер Хупдрайвер.

Джесси стояла с задумчивым видом и больше не смотрела вниз, на возившихся с велосипедом туристов.

— Сколько денег у вас осталось? — спросила она внезапно.

Мистер Хупдрайвер опустил правую руку в карман, достал шесть монет, пересчитал указательным пальцем левой руки и протянул на ладони.

— Вот. Всего-навсего тринадцать шиллингов четыре с половиной пенса.

— У меня есть полсоверена, — сказала Джесси.

— Где бы мы ни остановились, счет… — мистер Хупдрайвер умолк, однако молчание было красноречивее слов.

— Никогда не предполагала, что деньги могут оказаться серьезным препятствием, — промолвила Джесси.

— Чертовски глупо!

— Деньги, — продолжила Джесси. — Возможно. Да, конечно! Условность! Неужели жить собственной жизнью способны только состоятельные

люди? Никогда об этом не задумывалась…

Повисла пауза.

— Там едут другие велосипедисты, — заметил мистер Хупдрайвер.

Двое мужчин по-прежнему возились с хлипким тандемом, когда из-за деревьев показался массивный трехколесный «Клуб Малборо», на котором сидели стройная леди в сером одеянии и крупный мужчина в просторной куртке. Следом высокая черная фигура в пегой соломенной шляпе усиленно крутила педали старомодного трехколесного велосипеда с двумя передними колесами. Мужчина в сером костюме устало согнулся над пострадавшим тандемом, опершись животом на сиденье, однако его товарищ выпрямился, что-то сказал паре, ехавшей на трехколесном тандеме, и показал наверх — туда, где стояли мистер Хупдрайвер и его спутница. Далее произошло еще более странное событие: леди в сером наряде достала платок, взмахнула им, однако тотчас подчинилась нетерпеливому жесту своего тучного партнера и быстро убрала.

— Не может быть, — пробормотала Джесси, прикрыв от солнца глаза ладонью. — Неужели…

Трехколесный тандем начал подъем, для облегчения задачи намеренно виляя из стороны

в сторону. По опущенной голове и поднятым плечам полного джентльмена было ясно, что он себя не жалеет. Святой отец на трехколесном раритете принял форму вопросительного знака. Затем следом за экзотической процессией показалась двуколка под управлением мужчины в шляпе-котелке, рядом с которым восседала монументальная особа в темно-зеленом платье.

— Похоже на экскурсию, — предположил мистер Хупдрайвер.

Джесси не ответила, по-прежнему вглядываясь из-под руки.

— Да, точно, — наконец пробормотала она.

Движения священника приняли судорожный характер. Его трехколесный велосипед, странно дернувшись, причудливо изогнулся, а сам ездок не то соскочил, не то свалился, однако немедленно встал, развернул машину в направлении вершины и снова принялся отчаянно жать на педали. В эту минуту полный джентльмен спустился на землю и с любезной почтительностью помог сойти леди в сером наряде. Последовала небольшая дискуссия, ибо она явно желала помочь и подтолкнуть велосипед в гору, но потом все-таки уступила, и толстяк стал действовать, полагаясь исключительно на собственные силы.

Среди преобладавших у подножия холма серого и зеленого цветов лицо его выглядело ярко-красной точкой. К этому времени двухколесный тандем вернулся в строй, и теперь его обладатели влились в пешую процессию следом за двуколкой, пассажиры которой — леди в темно-зеленом платье и джентльмен в котелке — также предпочли сойти на твердую землю.

— Мистер Хупдрайвер, — наконец нарушила молчание Джесси, — эти люди… я почти уверена…

— Боже! — воскликнул наш герой, прочтя на лице спутницы продолжение фразы, и тут же нагнулся, чтобы привести свою машину в вертикальное положение, потом, правда, опять опустил и помог Джесси подняться на сиденье.

Увидев на фоне неба фигуру мисс Милтон на велосипеде, карабкавшиеся в гору люди внезапно разволновались, моментально развеяв ее последние сомнения. В воздух взметнулись два платка, кто-то закричал. Обгоняя остальных, команда двухколесного тандема побежала. Однако наши путешественники не стали дожидаться дальнейшего развития событий и в следующий миг уже скрылись из виду, изо всех сил крутя педали по пологому спуску в направлении Стоуни-Кросса.

Прежде чем укрыться под сенью деревьев, Джесси оглянулась и увидела на вершине двухколесный тандем: партнер, сидевший сзади, уже занимал свое место.

— Догоняют, — сообщила она лаконично и как профессионал пригнулась к рулю.

Беглецы на полном ходу влетели в долину, промчались по белому мосту и оказались перед неожиданным препятствием: прямо на дороге резвилась компания лохматых пони. Пришлось сбавить ход.

— Пошли прочь! — скомандовал мистер Хупдрайвер, но маленькие лошадки лишь презрительно взбрыкнули.

Утратив терпение, наш герой направил машину прямиком на животных и едва не столкнулся с одним из них. Пони тут же перепрыгнули через канаву и скрылись под деревьями в зарослях папоротника, освободив Джесси путь.

Дальше дорога полого, но настойчиво пошла вверх. Крутить педали стало тяжелее. Мистер Хупдрайвер с отвращением услышал, что дыхание из его груди вырывается со звуком ржавой пилы. Прилагая сверхчеловеческие усилия, у подножия появился двухколесный тандем, а дорога по-прежнему упрямо взбиралась на холм.

И вот наконец вершина! А дальше предстоял большой отрезок плавных подъемов и спусков, единственным недостатком которого оставалась безжалостная открытость полуденному солнцу. Мужчины на тандеме явно решили снова идти пешком и появились на фоне раскаленного голубого неба лишь тогда, когда наши путешественники отъехали на расстояние не меньше мили и добрались до группы деревьев.

— Мы оторвались от погони, — торжествующе объявил мистер Хупдрайвер, даже не пытаясь стереть пот, Ниагарским водопадом стекавший со лба на щеки. — Этот подъем…

Однако успех оказался иллюзорным. Наши путешественники почти выбились из сил. Мистер Хупдрайвер окончательно ослабел, и лишь чувство стыда предотвращало полный физический крах. Тем временем тандем неумолимо приближался. У гостиницы «Камень Руфуса» он отставал всего на какую-то сотню ярдов. Из последних сил нажимая на педали, беглецы помчались по длинному пологому спуску и вскоре очутились в густом сосновом лесу, а когда дорога идет под уклон, ничто не способно сравниться с хорошо смазанным тандемом. Мистер Хупдрайвер машинально поднял ноги, а Джесси сбавила ход.

В следующий миг послышался шелест толстых накачанных шин, двойной велосипед промчался мимо Хупдрайвера и поравнялся с Джесси. Рыцарь едва сдержал безумное желание устроить столкновение с ненавистной компанией. Единственным утешением послужило то, что оба седока выглядели такими же измученными, как он сам, и с ног до головы были покрыты белой песчаной пылью.

Неожиданно Джесси остановилась и спустилась на землю, а тандем, тяжело дыша, промчался мимо, под уклон.

— Тормозите, — приказал ехавший сзади Дэнгл и привстал на педалях.

На мгновение скорость машины увеличилась, а потом, когда тормоз застопорил переднее колесо, в воздух взметнулось облако пыли. Правая нога Дэнгла потеряла опору и беспомощно задергалась. Тандем завилял.

— Держитесь крепче! — через плечо крикнул Фиппс, продолжая мчаться вниз. — Если не удержитесь, не смогу сойти!

Он давил на тормоз до тех пор, пока машина не замерла, но в поисках равновесия тут же снова нажал на педали.

— Выставите ногу, черт возьми! — сердито

крикнул Дэнгл.

Таким образом преследователи проехали еще добрую сотню ярдов, если не больше, значительно промахнувшись по цели преследования. В конце концов Фиппс догадался, что надо сделать, немного отпустил тормоз и, когда велосипед накренился, встал на правую ногу. Держа левую ногу над сиденьем и по-прежнему сжимая руль, он оглянулся через плечо и принялся отчитывать Дэнгла.

— Вы думаете только о себе, — проворчал Фиппс с пылавшим от жары и гнева лицом.

— Они о нас забыли, — сделала вывод Джесси и развернула велосипед.

— На вершине холма была дорога на Линдхерст, — с надеждой в голосе проговорил мистер Хупдрайвер, следуя ее примеру.

— Неважно, у нас же нет денег. Не остается ничего иного, кроме как сдаться. Но давайте вернемся в ту гостиницу, «Камень Руфуса». Зачем дожидаться, пока нас туда приведут как пленников?

Вот так, к полнейшему ужасу преследователей на тандеме, Джесси Милтон и ее спутник снова сели на велосипеды и спокойно поехали к вершине холма. Когда они спустились на землю у

входа в гостиницу, показался выбившийся из сил тандем, а вскоре подоспела и двуколка.

Дэнгл спрыгнул с сиденья.

— Полагаю, мисс Милтон? — тяжело дыша, осведомился он и, вежливо приподняв мокрую кепку, продемонстрировал потные спутавшиеся волосы.

— Послушайте! — обиженно воскликнул Фиппс, невольно продолжая ехать. — Прекратите свои фокусы. Сначала помогите мне!

— Одну минуту, — извинился Дэнгл и бросился вдогонку за партнером.

Джесси прислонила велосипед к стене и вошла в гостиницу, а обессиленный, но не сломленный Хупдрайвер остался дежурить у входа.

XXXVIII. В гостинице «Камень Руфуса»

Сложил руки на груди, наш герой стал ждать, когда подойдут Дэнгл и Фиппс. Фиппс еще не пришел в себя после борьбы с непокорным тандемом, который вел за руль, но Дэнгл, судя по всему, был настроен крайне воинственно.

— Это была мисс Милтон? — лаконично осведомился он.

Не разнимая рук, мистер Хупдрайвер молча склонил голову.

— Мисс Милтон внутри? — уточнил мистер Дэнгл.

— И не желает, чтобы ее беспокоили, — невежливо ответил мистер Хупдрайвер.

— Вы негодяй, сэр, — заявил мистер Дэнгл.

— К вашим услугам, сэр, — отозвался наш герой. — Молодая леди ожидает свою мачеху, сэр.

Мистер Дэнгл на миг замешкался и наконец проговорил:

— Леди прибудет в ближайшее время. Здесь также подруга мисс Милтон — мисс Мергл.

Мистер Хупдрайвер медленно опустил руки и

с абсолютным спокойствием спрятал в карманах, однако тут же засомневался и решил, что подобная поза выглядит вызывающе. Он вынул обе руки, потом одну снова спрятал в кармане, а другой принялся дергать жидкие усики. Мисс Мергл застала его в полной растерянности.

— Это тот самый? — уточнила она у Дэнгла и тут же набросилась на мистера Хупдрайвера с обвинениями: — Да как вы смеете, сэр? Как вы смеете смотреть мне в лицо? Бедная девочка!

— Позвольте заметить, — начал мистер Хупдрайвер, элегантно растягивая слова и впервые за все время путешествия чувствуя себя романтическим злодеем.

— Фу! — Внезапно мисс Мергл ткнула нашего героя в солнечное сплетение.

Он утратил равновесие и, качаясь, попятился в гостиничный холл.

— Пропустите меня немедленно! — распаляясь в негодовании, потребовала мисс Мергл. — Как вы смеете загораживать дорогу?

Подобно крейсеру она гордо прошествовала мимо нашего героя и направилась в столовую, где нашла приют Джесси.

Пока мистер Хупдрайвер пытался устоять на ногах, ухватившись за стойку для зонтов, Фиппс

и Дэнгл также вошли в холл, причем Фиппс шествовал первым.

— Как вы посмели преградить путь леди? — спросил он.

Мистер Хупдрайвер выглядел упрямым и, на взгляд Дэнгла, опасным, однако он промолчал. В дальнем конце холла появился дюжий молодой лакей и занял выжидательную позицию.

— Люди, подобные вам, сэр, — продолжил Фиппс, — дискредитируют мужскую половину человечества.

Мистер Хупдрайвер снова сунул обе руки в карманы и яростно воскликнул:

— Да кто вы такие, черт побери?

— А кто вы такой, сэр? — в свою очередь осведомился Фиппс. — Кто вы? Вот в чем вопрос. И какое имеете право разъезжать по стране с несовершеннолетней молодой леди?

— Не разговаривайте с ним, — остановил товарища Дэнгл.

— Я не собираюсь раскрывать секреты первому встречному, — гордо заявил мистер Хупдрайвер. — Не дождетесь! — И свирепо добавил: — Это я вам говорю, сэр.

Они с Фиппсом стояли, широко расставив ноги, и испепеляли друг друга полными ненависти

взглядами. Одному богу известно, что произошло бы, если бы в дверях не возник уже знакомый нам высокий священник — чрезвычайно разгоряченный, однако исполненный здравого смысла.

— Суетный анахронизм, — заметил святой отец, явно продолжая страдать от последствий укоренившихся предрассудков, требующих, чтобы служитель церкви непременно ездил на трехколесном велосипеде и носил черное одеяние.

Смерив Фиппса и Хупдрайвера быстрым, но внимательным взглядом, он помахал перед лицом нашего героя пальцем и многозначительно произнес: «Ай-ай-ай! — потом добавил осуждающе: — Фу!» — и удалился в столовую, откуда доносился голос мисс Мергл, говорившей, что погода невероятно жаркая даже для этого времени года.

Такая крайняя степень неодобрения подействовала на мистера Хупдрайвера деморализующе, а появление массивного мистера Виджери окончательно сломило.

— Это и есть тот самый человек? — очень мрачно осведомился Виджери, добыв откуда-то из глубины естества подходящий для такого случая голос.

— Умоляю, только не причиняйте ему боль! —

сжав руки, жалобно проговорила миссис Милтон. — Как бы плохо он с ней ни обошелся, воздержитесь от насилия!

— Сколько еще вас здесь соберется? — прорычал загнанный в угол возле стойки для зонтов мистер Хупдрайвер.

— Где она? — вопрошала миссис Милтон. — Что он с ней сделал?

— Я не собираюсь стоять здесь и выслушивать обвинения со стороны толпы незнакомцев, — сообщил мистер Хупдрайвер. — Так что можете не стараться.

— Пожалуйста, мистер Хупдрайвер, не беспокойтесь, — проговорила Джесси, внезапно появившись в дверях столовой. — Я здесь, мама. — Лицо ее было не просто бледным, а белым.

Миссис Милтон произнесла что-то насчет своего дорогого ребенка, в порыве чувств бросилась к Джесси, заключила падчерицу в объятия и увлекла в столовую. Мистер Виджери собрался было последовать за дамами, однако передумал и обратился к нашему герою:

— Вы бы лучше исчезли.

— Даже не подумаю, — чуть охрипшим голосом промолвил верный рыцарь. — Я здесь для того, чтобы защищать молодую леди.

— Кажется, вы и без того причинили ей немало неприятностей, — заключил Виджери, после чего решительно направился в столовую и закрыл за собой дверь.

— Вы свободны! — угрожающе заключил Фиппс.

— Пожалуй, я выйду в сад и спокойно посижу на свежем воздухе, — с достоинством ответил наш герой. — Если потребуюсь, найдете меня там.

— Не скандальте с ним, — предупредил товарища Дэнгл.

И мистер Хупдрайвер гордо, но едва сдерживая рыдания, удалился.

XXXIX. Увещевания и переживания

Наше сентиментальное путешествие закончилось, и мы снова оказались в реальном мире. У входа в гостиницу «Камень Руфуса» под пристальным наблюдением преисполненных чувства собственной значимости Дэнгла и Фиппса, а также возницы элегантной двуколки из Рингвуда собралась богатая коллекция разнообразных велосипедов. В саду за зданием гостиницы на простой скамье расположился мистер Хупдрайвер, погруженный в состояние нервной прострации. Из открытого окна частной гостиной доносились громкие женские и мужские голоса и время от времени слышались звуки, напоминавшие девичьи всхлипывания.

— Не понимаю, по какому праву туда втерся Виджери, — недовольно изрек мистер Дэнгл.

— Он слишком много на себя берет, — отозвался мистер Фиппс.

— Вчера и сегодня я заметил в его поведении кое-что любопытное, — признался мистер Дэнгл и дипломатично умолк.

— Днем они вместе ходили в собор, — добавил мистер Фиппс.

— С финансовой точки зрения для нее это, разумеется, выгодно, — с мрачным великодушием заключил мистер Дэнгл, считавший, несмотря на клетчатые ноги, молодого человека товарищем по несчастью. — Да, материально парень неплохо обеспечен.

— Но он так скучен и тяжел в общении! — добавил мистер Фиппс.

Тем временем благодаря проворству и ловкости священник завладел стулом и открыл судебный процесс против несчастной Джесси.

Здесь я вынужден с глубоким сожалением констатировать, что героиню глубоко огорчило откровенное осуждение всеми предпринятого ею путешествия. Джесси сидела в конце стола напротив святого отца. Щеки ее пылали, в глазах стояли слезы, ладонь нервно сжимала мокрый платок. Миссис Милтон расположилась рядом и время от времени, чтобы продемонстрировать прощение, нежно похлопывала падчерицу по руке. Однако та не отвечала на проявления сочувствия, что чрезвычайно задевало мистера Виджери. Леди в зеленом платье — мисс Мергл, бакалавр гуманитарных наук — сидела напротив, рядом со

святым отцом. Она была той самой школьной учительницей, которой Джесси написала в поисках поддержки, и, как только получила письмо, сразу бросилась в погоню. В Рингвуде мисс Мергл встретила священника, с которым познакомилась на заседании Британской ассоциации, и все ему рассказала. Тот сразу назначил себя руководителем спасательной экспедиции. Мистер Виджери, которому не удалось возглавить расследование, стоял перед камином, широко расставив ноги и всем видом выражая глубокое сочувствие. Рассказ Джесси о своих приключениях отличался сдержанностью и часто прерывался вопросами, восклицаниями и комментариями слушателей. Ее саму удивило то, как искусно она сумела опустить скользкий эпизод с участием Бечемела, к тому же полностью исключила любые обвинения в адрес мистера Хупдрайвера, описав его как благородного помощника и защитника. И все же общее мнение было настроено против нашего героя. К счастью, судьи слишком увлеклись собственными оценками и соображениями, чтобы обратить внимание на туманное изложение событий и задать конкретные, требующие точных ответов вопросы. Наконец они сочли, что получили все необходимые факты.

— Моя дорогая молодая леди, — заговорил священник, — ваше экстравагантное и достойное сожаления путешествие я могу объяснить исключительно ошибочным представлением о своем месте в мире, а также о долге и ответственности. Больше того, даже сейчас мне кажется, что ваши переживания вызваны не столько искренним раскаянием, сколько раздражением из-за нашего благотворного участия…

— Только не это, — вполголоса перебила его миссис Милтон. — Только не это.

— Но почему же она уехала таким образом? — громогласно осведомился мистер Виджери. — Вот что я хочу знать!

Джесси попыталась что-то сказать в ответ, однако миссис Милтон остановила ее восклицанием «тсс!», и комнату наполнил зычный тенор святого отца:

— Не могу понять дух беспокойства, охвативший наиболее интеллигентную часть женского сообщества. У вас был уютный дом, а в роли доброй матушки выступала просвещенная утонченная леди, готовая вас лелеять и защищать…

— Если бы только у меня была мама, — всхлипнула Джесси, поддавшись чувству жалости к себе.

— …готовая лелеять, защищать и наставлять вас. И все же вы покинули дом и в одиночестве отправились в полный опасностей чуждый мир…

— Я хотела узнать… — пробормотала Джесси.

— Хотели узнать? Дай-то бог, чтобы не пришлось забывать.

— Ах! — горько воскликнула миссис Милтон.

— Нечестно нападать на меня вот так, всем вместе, — безуспешно попыталась защититься Джесси.

— В полный опасностей чуждый мир, — неумолимо продолжил святой отец, — в то время как ваше место среди привычного круга общения. Иными словами, очевидно, что вы испытали тлетворное влияние новой женской литературы, как я ее называю. При всем уважении к выдающейся писательнице, чье имя не стану называть.

— Не могу полностью с вами согласиться, — вскинув голову, твердо заявила мисс Мергл, а мистер Виджери многозначительно откашлялся.

— Но какое отношение все это имеет ко мне? — воспользовавшись заминкой, подала слабый голос Джесси.

— Дело в том, — попыталась защититься миссис Милтон, — что в моих книгах…

— Единственное, чего я хочу, — заявила Джес-

си, — это жить свободно и самостоятельно. В Америке девушки имеют такую возможность. Но почему же не здесь?

— В Америке сложились совершенно другие социальные условия, — пояснила мисс Мергл, — а мы, в Англии, уважаем классовые различия и привилегии.

— Это несправедливо. Я не понимаю, почему нельзя одной отправиться на каникулы, если хочется.

— В компании странного молодого человека, явно ниже по социальному статусу, — произнес мистер Виджери таким тоном, что Джесси покраснела.

— Почему бы и нет? — возразила она.

— Так не поступают даже в Америке, — внесла свою лепту мисс Мергл.

— Моя дорогая молодая леди, — вновь перехватил инициативу священник, — существуют элементарные приличия… Настанет день, когда вы лучше поймете несовместимость своего мировоззрения с фундаментальными требованиями нашей цивилизации, осознаете, сколь мучительную тревогу навлекли на добрую миссис Милтон своим непостижимым побегом. В настоящее время мы можем лишь милостиво объяснить ваш

поступок полным неведением…

— Но следует учитывать и общественное мнение, — вставил мистер Виджери.

— Совершенно верно, — согласилась мисс Мергл. — Не существует абстрактного поведения.

— Если несчастное происшествие получит огласку, — заботливо предупредил священник, — это причинит вам бесконечный вред.

— Но ведь я не сделала ничего плохого! Почему же я должна отвечать за то, что думают другие?

— Свет не знает снисхождения, — заявила миссис Милтон.

— К девушке не знает, — согласилась Джесси.

— А сейчас, моя дорогая молодая леди, давайте перестанем спорить и прислушаемся к голосу разума, — продолжил проповедь неутомимый священник. — Неважно, как и почему, но, получив огласку, ваше поведение причинит бесконечный вред и больше того: несказанно огорчит всех, кто вас любит. Но если вы вернетесь домой и позволите всем вокруг думать, что провели эти несколько дней у родственников…

— То есть солгу… — перебила его Джесси. — Ни за что. Ни за что на свете. Однако теперь я понимаю, как вы объясняете собственное отсутствие,

а потому не имеет смысла… — Джесси еще крепче сжала платок. — Я не вернусь ради того, чтобы продолжить жить так же, как прежде. Я хочу иметь свою комнату, читать те книги, которые выберу сама, ходить куда пожелаю, учиться…

— Все, что угодно, — пообещала миссис Милтон. — Все, что угодно, в пределах разумного.

— И сдержите слово? — недоверчиво спросила Джесси.

— Но вы не должны приказывать матери! — не выдержал мистер Виджери.

— Не матери, а мачехе! И я вовсе не собираюсь приказывать. Я всего лишь хочу получить конкретные обещания, причем сейчас же.

— Требование абсолютно неразумное, — постановил святой отец.

— Что же, в таком случае я не вернусь, — подавив рыдание, с необычайной решимостью заявила Джесси. — Мою жизнь пытаются разорвать на куски…

— Пусть делает что хочет, — сдался мистер Виджери.

— Значит, отдельная комната. И никаких мужчин. Я не собираюсь торчать в гостиной и проводить половину дня в пустой болтовне…

— Мое дорогое дитя, ради твоего спасения все,

что угодно, — заверила миссис Милтон.

— Но если вы не исполните обещание…

— В таком случае считаю вопрос практически решенным, — постановил святой отец. — Итак, вы согласны вернуться домой. А сейчас, полагаю, самое время выпить чаю. При отсутствии в нем танина трудно представить напиток более освежающий и бодрящий.

— Без тринадцати минут шесть из Линдхерста отправляется поезд, — открыв расписание, деловито сообщил мистер Виджери. — Таким образом, имея в наличии транспорт, мы можем провести здесь еще полчаса или даже три четверти часа.

— Опущенные в чай желатиновые пастилки связывают танин… — доверительно обратился священник к мисс Мергл.

Джесси посмотрела в окно, увидела опущенную голову и понурые плечи нашего героя, встала и направилась к двери.

— Пока вы пьете чай, мама, — проговорила она решительно, — я должна сообщить мистеру Хупдрайверу о нашем договоре.

— Не кажется ли вам, что… — начал священник.

— Нет, не кажется, — невежливо оборвала его Джесси.

— Но разве ты уже не…

— Вы нарушаете условия капитуляции, — перебила мачеху мисс Милтон.

— Вам потребуется целых полчаса? — уточнил мистер Виджери.

— Ни минутой меньше, — ответила Джесси. — Мой спутник вел себя очень благородно.

— А как же чай? — не сдавался мистер Виджери.

— Я уже пила чай.

— Возможно, он и не совершил ничего дурного, — снова заговорил священник, — однако показал себя слабым человеком, позволив юной легкомысленной девушке…

Джесси вышла в сад и плотно закрыла за собой дверь.

Тем временем мистер Хупдрайвер с печальным видом сидел на скамейке на самом солнцепеке. Удивительное путешествие с мисс Милтон закончилось, а разлучивший их внезапный удар судьбы ясно показал бесконечную ценность минувших дней. Наш герой попытался осознать нынешнее положение. Разумеется, эти люди вернут ее на прежние высоты. Она снова станет неприступной молодой леди. Позволят ли им хотя бы проститься?

До чего же необыкновенное было время! Он вспомнил, как впервые увидел освещенную солнцем молодую леди в сером: она ехала по дороге вдоль реки. Вспомнил удивительный вечер в Богноре, когда как будто все произошло по его желанию и по его инициативе. «Какой вы храбрый!» — восхитилась она тогда. А утром спустилась к завтраку свежей, спокойной и доброй. Но не следовало ли сразу убедить ее вернуться домой? Ведь такая мысль промелькнула в сознании. А теперь как стая хищников налетели эти люди и отняли Джесси, словно он недостоин жить с ней в одном мире. Словно он не имеет права дышать с ней одним воздухом! Да, наверное, так и есть. Он воспользовался чистотой и наивностью мисс Милтон, поэтому они и смогли провести вместе несколько дней. И всегда она оставалась такой изящной, такой восхитительной, такой безмятежной! Вспомнился ее волшебный облик: прекрасное лицо, полные света глаза, изысканный поворот головы…

Поистине он был недостоин того, чтобы идти одной дорогой с прекрасной богиней. И никто другой тоже был недостоин. Предположим, им позволят проститься. Что он скажет? То, что думает? Но ведь эти люди ни за что не оставят их

наедине, рядом непременно окажется мачеха в качестве… как это называется? «Надсмотрщица»? Нет, как-то по-другому. Кажется, «компаньонка» или «дуэнья». Ему ни разу не представилась возможность признаться в своих чувствах. Да, собственно, только сейчас пришло истинное понимание того, что он чувствовал. Любовь? Нет, слишком смело. Скорее поклонение, обожание. Если бы только удалось встретиться с ней еще один-единственный раз — где-нибудь, когда-нибудь!.. У него наверняка хватило бы решимости излить душу. Ведь сейчас нужные слова пришли сами собой, значит, и при встрече тоже придут. Хотя он всего лишь пыль под ее ногами…

Размышления прервал щелчок дверной ручки, и в солнечном свете под балконом появилась Джесси.

— Пойдемте отсюда, — обратилась она к поднявшемуся ей навстречу Хупдрайверу. — Я возвращаюсь домой вместе с ними. Нам надо проститься.

Наш герой поморщился, словно от боли, открыл рот, но тут же снова закрыл и молча пошел следом.

XL. Прощание

Поначалу Джесси Милтон и мистер Хупдрайвер шли прочь от гостиницы в полном молчании. Услышав ее неровное дыхание, он взглянул на молодую леди в сером и увидел плотно сжатые губы, слезу на щеке. Лицо ее пылало, она упорно смотрела вперед. Не найдя подходящих слов, мистер Хупдрайвер засунул руки в карманы и нарочно стал смотреть в сторону. Через некоторое время Джесси заговорила. Сначала бессвязная беседа коснулась великолепного пейзажа, потом речь зашла о самообразовании. Она спросила адрес компании «Энтробус» и пообещала прислать полезные книги. Но мистер Хупдрайвер все равно ощутил натянутость разговора: боевой дух Джесси бесследно иссяк. Казалось, она озабочена воспоминаниями о недавней проигранной схватке, и это ранило ему душу.

«Все кончено, — подумал наш герой. — Да, это конец».

Они спустились в неглубокую низину, потом поднялись по пологому лесистому склону и вышли на вершину холма. Вокруг простиралось

обширное открытое пространство, а внизу лежала живописная долина. Подчинившись единому порыву, оба остановились. Джесси взглянула на часы — немного нарочито. Некоторое время они молча смотрели на цепочку поросших лесом холмов, мягко расстилавшихся внизу подобно волнам и постепенно терявшихся в голубой дымке.

«Все кончено», — снова пронеслось в голове мистера Хупдрайвера, а все прочие мысли испарились.

— Ну вот, — наконец заговорила Джесси. — Пришла пора прощаться.

С полминуты наш герой хранил молчание, а потом собрался с духом и произнес:

— Я должен кое-что сказать.

— Что же? — удивившись и сразу забыв недавнее противостояние с «благожелателями», уточнила Джесси.

— Я ни о чем не прошу. Но… — Он внезапно умолк. — Нет, не стану говорить. Незачем. Сейчас любые слова прозвучат нелепо. Да и не собирался я ни в чем признаваться. Прощайте.

Она испуганно взглянула на него и покачала головой:

— Только не забывайте, что надо работать. И

помните, братец Крис, что вы — мой друг. Вы должны работать. Простите за такие слова: пока вы не очень сильны и не знаете всего, что следует знать. Но каким станете лет через шесть?

Мистер Хупдрайвер продолжал смотреть в пустоту, и мягкая линия его губ постепенно стала тверже. Да, она поняла все, что он не мог сказать.

— Я буду работать, — ответил наш герой лаконично.

Еще мгновение они продолжали стоять рядом, а потом мистер Хупдрайвер кивнул в сторону гостиницы.

— Не хочу возвращаться к ним. Сможете дойти обратно без меня?

Секунд на десять Джесси задумалась.

— Да, — ответила она, потом, закусив губу, подала ему руку и прошептала: — До свидания.

Побледнев, мистер Хупдрайвер повернулся, посмотрел в мокрые от слез глаза и вяло пожал ее ладонь, но вдруг, подчинившись порыву, поднес пальцы к губам и поцеловал. Джесси попыталась было выдернуть руку, однако теперь он держал ее крепко, и она почувствовала поцелуй. А потом мистер Хупдрайвер выпустил ее ладонь, быстро отвернулся и широко зашагал вниз по склону.

Примерно через дюжину шагов его нога провалилась в кроличью нору, он споткнулся и едва не упал, но тут же поймал равновесие и, не оглядываясь, продолжил путь. Да, наш герой ни разу не оглянулся. Джесси смотрела ему вслед до тех пор, пока удалявшаяся фигура не стала крошечной и не растаяла в пространстве, а потом, уже не сдерживая слез, медленно повернулась, крепко-накрепко сцепила руки за спиной и пошла в сторону гостиницы.

— Я и не знала, — прошептала она. — Ничего не понимала. И даже сейчас … даже сейчас ничего не понимаю.

XLI. Конец нашей истории

Итак, дорогой читатель, наша романтическая история подошла к концу. Не станем подглядывать, как мистер Хупдрайвер распростерся в зарослях папоротника, не станем подслушивать, ровно ли он дышит. Не место здесь рассказывать и о том, как прошли следующие шесть лет и что случилось потом. Честно говоря, сейчас еще рано об этом думать, поскольку время течет своим чередом. Но если вы увидели, как простой приказчик, неумеха на велосипеде, да к тому же наивный простак способен познать и понять некоторые несовершенства жизни, больше того: если ему удалось завоевать ваше сочувствие, то цель моя достигнута. (А если не достигнута, да простит нас обоих Бог!) Не станем мы провожать и сумасбродную молодую леди в сером до дома в Сурбитоне, где ей предстоит продолжить борьбу с объединившими силы миссис Милтон и мистером Виджери. Потому что, как вскоре услышит Джесси, этот преданный джентльмен все-таки получил желанную и заслуженную награду. Надеюсь, что ей вы тоже посочувствуете.

Остаток великолепного отпуска — а осталось еще целых пять дней — также выходит за рамки нашего рассказа. Могу лишь представить вашему взору худощавую фигуру в пыльном коричневом костюме, клетчатых носках и не предназначенных для педалей коричневых ботинках. Наш герой мчится в сторону Лондона через графства Гэмпшир, Беркшир и Суррей, причем в силу самых уважительных причин соблюдает строжайшую экономию. Изо дня в день он упорно продвигается на несколько миль в северо-восточном направлении, причем по возможности выбирает боковые дороги. У этого велосипедиста узкие плечи, загорелый, открытый безжалостному солнцу нос, смуглые кисти рук и натруженные, покрасневшие от усилий пальцы, а на лице застыло задумчивое выражение. Порою он что-то тихо насвистывает, а порою рассуждает сам с собой вслух:

— Чертовски смелый и полезный опыт!

Но время от времени — причем, на мой взгляд, слишком часто — герой нашей истории выглядит чересчур сердитым и обиженным.

— Знаю, — произносит он тогда. — Знаю, что все кончено. Это счастье не для меня. Да, Хупдрайвер, тебе явно не хватает мужества! Посмотри

только на свои жалкие руки! О господи!

И в порыве негодования некоторое время он ожесточенно крутит педали. Потом лицо его проясняется. «Пусть я больше никогда ее не увижу, — думает он. — Но ведь она пообещала прислать книги». Эта мысль приносит некоторое успокоение, однако вскоре вновь одолевают сомнения: «Книги? Но что такое книги?»

Раз-другой, когда он вспоминает о недавних подвигах, на его лице читается триумф. «И все-таки мне удалось испортить игру этому негодяю, — с гордостью думает наш герой. — Да, я одержал над ним чистую победу!» В эти мгновения мистера Хупдрайвера можно назвать даже счастливым. А еще мы заметим, что велосипед, на котором он путешествует, изменил цвет, став серым, а руль украсил новенький блестящий и громкий звонок.

Так наш герой проезжает по улицам Басингстока, Бэгшота, Стейнса, Хэмптона и Ричмонда. И вот наконец на освещенной вечерним солнцем главной улице Патни, где ученики продавцов деловито опускают ставни на витринах, молодые мастерицы и приказчики отправляются по домам, а белые автобусы заполняются запоздалыми служащими и секретарями контор, спешащими

к обеду, мы с сожалением расстаемся со славным мистером Хупдрайвером. Его отпуск подошел к концу. Завтра ему снова предстоит рано встать и приняться за рутинную работу: чистку, уборку, оформление витрин, угодливое обслуживание покупателей. И все же новая жизнь отличается от прежней: теперь у него появились удивительные воспоминания и еще более удивительные желания и устремления.

Мистер Хупдрайвер сворачивает за угол, со вздохом слезает с велосипеда и, ведя машину за руль, входит во двор компании «Энтробус». Ворота придерживает знакомый нам ученик в высоком воротничке. До нашего слуха доносятся слова приветствия, а потом краткие комментарии относительно отпуска.

— Южный берег, — слышим мы. — Великолепная погода. Да, просто великолепная. — Наш герой вздыхает. — Верно, обменял свой старый велосипед вот на этот. Доплатил пару соверенов. Чертовски надежная машина.

Потом ворота со стуком закрываются, и мистер Хупдрайвер скрывается из виду.